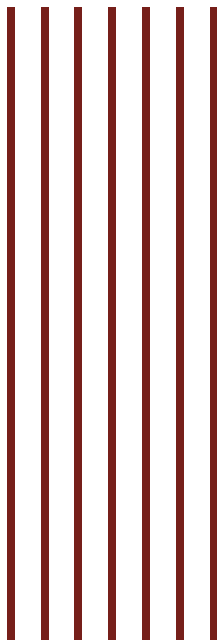

Н. Н. Убушаев

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Н. Н.УБУШАЕВ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Элиста
2016

УДК 94 (37)+39
ББК 63.3 (2Рос=Калм)
У 17

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук

Составители:

А. Т. Баянова, к.б.н. Н. В. Балинова, к.и.н. В. В. Батыров,
М. Б. Марзаева, к.и.н. Т. И. Шараева

Убушаев Н.Н.

У 17 **Избранные статьи** [Текст] / Н.Н. Убушаев; сост. А.Т. Баянова и др. — Элиста: КИГИ РАН, 2016. — 184 с., илл.

В сборник включены научные статьи по различным темам, отражающим разносторонние интересы известного ученого Н. Н. Убушаева, а также статьи о жизни и деятельности автора и библиографический список его работ. В публикуемых работах рассматриваются вопросы, связанные с историей, культурой и языком монгольских народов, и представлена точка зрения автора по актуальным исследовательским проблемам. Издание приурочено к 80-летию юбилею Н. Н. Убушаева.

Издание адресовано широкому кругу читателей: ученым, краеведам, студентам и всем, кто интересуется историей и культурой калмыков.

УДК 94 (37)+39
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ISBN 978-5-903833-96-2

ISBN 978-5-903833-96-2

9 785903 833962

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2016.

© Н.Н. Убушаев, 2016.

© А.Т. Баянова и др., сост., 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Надбитович Убушаев: жизнь и деятельность . . .	5
<i>I. Научные статьи Н. Н. Убушаева</i>	
Происхождение этнонима <i>ойрат</i>	12
Происхождение этнонимов <i>калмык</i> и <i>хальмг</i>	18
Торгуты – этнос, этноним, этимология	27
Этноним <i>дөрвөд</i>	39
Этноним <i>бузав</i>	45
Этноним <i>хошуд</i>	56
К проблеме этногенеза хойтов	64
О <i>тохан кэсег</i> и других этнонимах	75
Багуты: этнос, этногенез, этимология	80
Этимология имени <i>Чингис</i>	91
Родоплеменная атрибутика калмыков	96
Торгутский диалект и его отношение к калмыцкому литературному языку	103
Об одном слове-возгласе	114
Некоторые сведения о системе нотной записи у калмыков	118
К вопросу о семантике монгольских и калмыцких боевых знамен	123
О слове <i>эбе</i>	133
«Цаган сар»	135
«Нооста ноцхн» и «глокая куздра»	138
Калмыцкие рода чорас, зюнгар, дербет	141
<i>II. Статьи о Николае Надбитовиче Убушаеве</i>	149
<i>Пюрбеев Г. Ц. Н. Н. Убушаев и калмыцкая диалектология</i>	150
<i>Бадмаев А. В. Калмыцкий диалектолог</i>	156
<i>Монраев М. У. Убушаев Николай Надбитович – ученый- лингвист</i>	161
<i>III. Библиография трудов Н. Н. Убушаева</i>	167
<i>IV. Фотоматериалы</i>	178

УБУШАЕВ НИКОЛАЙ НАДБИТОВИЧ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Убушаев Николай Надбитович [10.06.1936, п. Хавтхрин Омрун, Лаганского района Республики Калмыкия] — языковед, специалист по диалектологии, этимологии калмыцкого языка, фонетике, лексикографии, орфографии, грамматике, старописьменным монгольскому и ойратскому языкам, джангароведению, этнологии, истории; педагог, методист.

Доктор филологических наук, доцент. Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия. Награжден знаком «Отличник народного просвещения», юбилейной наградной медалью «Навеки вместе» в память 400-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, член Союза журналистов Российской Федерации.

Родился в многодетной (8 детей) семье рыбака пятым ребенком. В 7 лет разделил судьбу своего народа и был выслан в село Ново-Краюшкино Краюшкинского района Алтайского края, где их нашел в 1945 г. отец семейства — Надбитов Убуш Эрдниевич, боец военизированной рыболовецкой дивизии, снабжавшей фронт морепродуктами, выселявшийся отдельно от семьи, прямо с моря. Соединившись со своей семьей в 1945 г. тяжелобольным, отец вскоре, 20 июня 1945 г., ушел из жизни.

Мать, Убушаева Бадма Эльдяевна, похоронила младших дочь, сына и мужа и продолжила поднимать оставшихся шестерых детей. Пережив первую сибирскую зиму, весной 1944 г. она взялась пасти стадо коров колхоза имени К. Е. Ворошилова. Николай Убушаев в свои неполные 8 лет стал помогать матери пасти колхозный гурт и до 15 лет занимался этой работой. Братья, соседские дети ходили в школу с 1 сентября, а Николай как могущий наверстать школьный материал каждый год ходил со

2-й четверти, после 7 ноября, когда выпал снег и коров больше не выгоняли.

В школу Николай пошел поздно и закончил в 1957 г. и семья их приехала в г. Лагань. В том же году поступил в Ставропольский пединститут на историко-филологический факультет, калмыцкое отделение. После 2-го курса в 1959 г. он был приглашен в Лаганский район (заведующим которого тогда был Алексей Бембеевич Кожевников) для работы в пионерском лагере старшим пионервожатым. Начальником лагеря был назначен Алексей Иванович Баканев, который вскоре перешел на другую работу, и пионерский лагерь возглавил молодой Н. Убушаев. Одновременно работая начальником лагеря, старшим вожатым, более того, ночным сторожем, потому что на ночь лагерь не на кого было оставить, он круглые сутки находился в лагере. Так Убушаев открывал районный пионерский лагерь, первый после возвращения калмыков из Сибири. Два года (1959–1960) возглавлял он летний отдых детей всего района, по два потока каждый год. Это был единственный лагерь в регионе, дети приезжали из Черноземельского и Яшкульского районов.

В пионерском лагере работали 8 отрядов, в каждом из которых по 25–30 детей, в один поток отдыхало 200–240 человек, а за лето (за 2 потока) — в среднем 400–480 детей, всего же за 2 года, в течение которых работал студент Убушаев, в лагере отдохнуло 800–960 человек.

Дети жили в палатках в саду, и начальнику, единственному мужчине, приходилось круглые сутки находиться в лагере, ночами, когда молодежь расходилась после танцев, также дежурить возле детей. Спасало, как говорит Убушаев, то, что у многих в лагере отдыхали братишки или сестренки, и молодежь вела себя корректно, слушалась начальника-сторожа.

Воспитателями были приглашены студентки Элистинского педучилища: Александра Бархаевна Манджиева, Александра Михайловна Халгаева, Валентина (Падьма) Эльбековна Ман-

джиева, Галина Очировна Тагирова, Лидия Баировна Бадмаева, Ольга Чудаевна Манджиева, Роза Адрыковна Сангаджиева, Александра Михайловна Каскаева, Тамара Ильинична Ларина. Также работали: Надежда Петровна Астафьева — физрук, Варвара Васильевна Чернова — музыкант, Галина Очировна Тагирова — сестра-хозяйка, Кузьма Манджиевич Сангаджи-Гаряев — завхоз, Зоя Дмитриевна Фролова — повар, был и свой врач. Все они обеспечивали безупречную работу лагеря, включавшего 8 отрядов. Конечно, эта огромная работа проводилась при незаметном, но четком контроле района.

В 1961 г. Николай Убушаев был направлен районо в Красинскую среднюю школу преподавателем русского языка. В 1962 г. директор Красинской школы Спиридон Сангаджиевич Сангаджиев, заочник пединститута, на вручение Убушаеву диплома привез ему его отпускные, целых 51 рубль, и Николай, конечно, с друзьями быстро нашел им применение.

После окончания института в 1962 г. он сразу же поступил в аспирантуру в Институт народов Азии АН СССР, который потом был восстановлен в своем прежнем названии — Институт востоковедения АН СССР. Научным руководителем Н. Н. Убушаева стал глава советской монголистики Гарма Данцаранович Санжеев. Тему диссертации по настоянию Калмыцкого НИИЯЛИ и Д. А. Павлова наметили следующую: «Торгутский говор калмыцкого языка в сравнительно-историческом освещении». Однако в ходе работы над диссертацией в течение аспирантуры ограничились только первой главой, описанием фонетической системы торгутского говора. Для работы над новой, на разрабатывавшейся ранее темой требовались полевое исследование, сбор полевого материала, для чего автору в течение 10 лет приходилось участвовать в ежегодных фольклорно-диалектологических экспедициях, проводимых КНИИЯЛИ. Защита диссертации состоялась в 1974 г., все эти годы тема исследования не была включена в план научно-

исследовательской работы института и выполнялась в неурочное время, помимо плановой работы. Сравнительно-историческое исследование диалектного материала позволяет не только констатировать современное состояние говора, языка, но и выяснять причины и способ, как, каким образом и какие изменения происходили в историческое время.

В этот же период, поступив после окончания аспирантуры в 1965 г. на работу в Калмыцкий НИИЯЛИ, Николай Убушаев участвовал в экспедициях по сбору диалектологических, фольклорных, этнологических, исторических материалов по всей республике, с охватом соседних областей. Участвовал в написании словаря общественно-политических терминов, большого калмыцко-русского словаря, в написании академической грамматики калмыцкого языка, разработке новых правил орфографии с восстановлением на письме редуцированных и долгих гласных, чтении лекций в школах с объяснениями этих правил, участвовал в приемной комиссии, приехавшей из Москвы по набору абитуриентов в ГИТИС, подготовил и выпустил монографию «Фонетика торгутского говора калмыцкого языка», «Словарь спортивных терминов».

В 1978 г. Министерством культуры Н. Н. Убушаев был направлен в калмыцкую студию в ГИТИС имени А.В. Луначарского старшим преподавателем по кафедре сценической речи. Помимо лекций и практических занятий по родному языку за отсутствием учебного материала по сценической речи ему приходилось заниматься переводами из советской, русской, зарубежной литератур. По мастерству актера также не было учебного материала. Для дипломной работы студии пришлось заниматься переводом Бомарше «Женитьба Фигаро». Также приходилось посещать все занятия по сценической речи и мастерству актера, чтобы поставить студентам правильное произношение калмыцкой речи.

Дипломная работа студентов на калмыцком языке была тепло принята на элистинской сцене. Зрители восхищались и

удивлялись тому, что Бомарше может также красиво звучать на калмыцком языке и смотреться в исполнении калмыцких актеров.

В 1980 г., после завершения работы в студии ГИТИСа, Николай Надбитович вернулся, что называется, в родные пенаты, в Калмыцкий научно-исследовательский институт, уже под названием НИИИФЭ.

В 1982 г. в Элисту приехал заместитель директора Института национальной школы Нариман Мирсаидович Хасанов и, по согласованию в Совете министров республики, составил с Убушаевым беседу. После двухчасовой беседы — экзамена его назначили заведующим Калмыцкой лабораторией Института национальной школы, где он проработал 18 лет. Позже Институт национальных школ был переименован в Институт национальных проблем образования Министерства образования РФ. В должности заведующего лабораторией Николай Надбитович начал поднимать вопрос увеличения количества часов на родной язык и литературу. С этой целью пришлось отказаться от прежнего учебного плана с 2-мя часами на 2 предмета (родной язык и литературу) и переводить школы на учебный план национальной школы с 6-часовой сеткой на родной язык, а в республике не было национальных школ. Так стали создавать национальные школы, классы, группы в детских садах. Были созданы авторские группы для создания программ для ДОУ, учебников по родному языку и литературе для школ. Пюрве Мучкаевичу Эрдниеву было дано первое задание по составлению учебников по математике. Была создана «Концепция возрождения и развития калмыцкой национальной системы образования». Работа Лаборатории проводилась в тесном контакте с РИПКРО (с кафедрой калмыцкого языка и литературы, кафедрой дошкольного воспитания) под общим руководством Министерства образования РК. Такое соединение сил, интересов давало ощутимые результаты. Лаборатория была переименована в Филиал Института национальных проблем образования (ИНПО) МО РФ. Все 18 лет работы в системе

образования Николай Надбитович был членом коллегии Министерства, что позволяло ему быть в курсе проблем образования, налаживать контакты с заведующими РОНО, быть в курсе проблем на местах. Калмыцкий филиал ИНПО занимался созданием программ, учебников, методических пособий.

В тесном контакте с Центром интенсивного обучения языкам (ЦИОЯ) был создан учебник интенсивного курса калмыцкого языка, который стал стабильным учебником, по которому Сергей Гучинович Мучиряев более 15 лет проводил курсы преподавателям калмыцкого языка по интенсивному методу. Авторами этого учебника были: Нана Санджиевна Бадмаева — организатор, заведующая ЦИОЯ, Народный писатель, поэт Тимофей Отельданович Бембеев и Николай Убушаев — заведующий филиалом ИНПО МО РФ.

В 2001 г. Убушаев вернулся в свой родной институт, который в то время уже назывался КИГИ РАН. Здесь он занимался редактированием и подготовкой к изданию словарей: Б. Б. Манджиковой «Толковый словарь калмыцкого языка», М. У. Монраева «Словарь синонимов»; работал над подготовкой к изданию «Калмыцко-русского словаря», «Русско-калмыцкого словаря», над «Толковым словарем языка героического эпоса «Джангар», подготовил и выпустил монографическую работу «Диалектная система калмыцкого языка» и защитил докторскую диссертацию по теме «Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование».

Николай Надбитович Убушаев — ученик известных профессоров — Баты Бадмаевича Бадмаева, Уташа Улазгановича Очирова, Бориса Клементьевича Пашкова, Анатолия Шалхаковича Кичикова, главы советского монголоведения Гармы Данцарановича Санжеева; выпускник Ставропольского пединститута, пройдя обучение в аспирантуре Института востоковедения АН СССР, защитив кандидатскую диссертацию в ИВ АН СССР, докторскую диссертацию в Институте языкознания РАН, работал

в Калмыцком НИИЯЛИ (18 лет), в Московском ГИТИС (3 года), в Калмыцком НИИИФЭ (2 года), в Московском ИНПО (18 лет), в КИГИ РАН (14 лет); стаж его научной, педагогической работы составляет 55 лет, а если считать работу в Лаганском РОНО (3 года), работу военных и послевоенных лет как труженика тыла (7 лет), то общий трудовой стаж составляет 65 лет, не считая студенческие и аспирантские годы.

Круг его интересов очень широк — калмыцкое языкознание: фонетика, грамматика, лексикография, орфография, диалектология, этимология; история, этнография, эпос «Джангар», поэзия, «Сокровенное сказание монголов», педагогика, методика и т. д.

Список научных трудов Н. Н. Убушаева включает программы для детских садов и школьных учебников по калмыцкому языку, Концепцию возрождения и развития национальной системы образования, учебник интенсивного курса калмыцкого языка, монографии по диалектологии, словари, более сотни научных статей. Член Союза журналистов, он большой пропагандист научных знаний, материалов фольклора и этнографии.

Николай Надбитович Убушаев полон сил и энергии, не оставляет свой любимый вид спорта — настольный теннис, требующий быстрой реакции, большой гибкости и подвижности, свои гантели, велотренажер, подаренный друзьями.

Он продолжает пропагандировать калмыцкую науку, уделяя значительное внимание вопросам истории культуры, этнографии и языкознания.

В предлагаемом читателю сборнике избранных статей Н. Н. Убушаева представлена точка зрения автора по ряду спорных вопросов, связанных с изучением вопросов этнографии и языка монгольских народов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА *ОЙРАТ*¹

Как известно, калмыки являются потомками западных монголов — ойратов, которые с начала II тысячелетия играли заметную роль в истории народов Восточной и Центральной Азии.

Среди прочих вопросов истории, этнографии и языка издавна привлекает внимание монголистов этимология этнонима *ойрат*, который до сего времени не получил достаточно убедительного объяснения.

Большинство монголистов связывает слово *ойрат* (*ойирад*) с монгольской формой *ойира* — ‘близко, близкий’². Против такой этимологии первым выступил бурятский ученый Доржи Банзаров. Он видел в слове *ойрат* результат слияния двух слов *ой арат*, что значило ‘лесной народ’, подобно упоминаемому Рашид ад-Дином *ойн ирген* и турецкому *агачери* ‘лесной народ’. Однако и эта версия не могла удовлетворительно объяснить существо указанного этнонима не только в силу языковых противоречий, но и с позиции духовной и материальной культуры ойратов, у которых нет каких-либо особенностей, свидетельствующих об их исключительно лесном образе жизни.

С критикой гипотезы Д. Банзарова выступил известный монголист Г. Й. Рамстедт в своей работе «Этимология имени Ойрат». Он говорил, что выражение *ой-арат* немного странно, так как подразумевается *ойин-арат* ‘народ леса’. Затем Г. Й. Рамстедт предлагает рассматривать термин *ойрат* как монгольское соответствие тюркскому *огуз*. При этом автор считает, что фонетическая сторона сравнения *ойрат* (*ойирад*)

¹ Убушаев Н.Н. Происхождение этнонима «ойрат» // *Теегин герл.* 1994. № 3. С. 107–110.

² См. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства М.: Наука, 1964. С. 30; Бичурин И. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени. СПб., 1834. С. 8, 13–14.

— *огузан* не может быть оспариваема, так как первое слово получило развитие на почве монгольского языка, а второе — на почве турецкого. Однако автора смущает вопрос: «Возможно ли, чтобы ойраты, которые говорят чисто монгольским языком, действительно носили старое славное имя огузов, и можно ли вероятность этого подтвердить историческими данными?».

Соглашаясь с Г. Й. Рамstedтом в фонетической допустимости сравнения слов *ойрат* и *огузан* и развивая его идею, можно было бы предположить, что слово *ойрат* произошло из праформы *богурат* ‘быки, коровы’, ср. чув. *вакар* ‘корова’, калм. *буур* ‘самец верблюд’, *укер* ‘корова’ и т. д. Что касается исторических данных, то известно, что после разгрома хуннов сяньбийцами в 93 г. сто тысяч хуннских семей добровольно приняли наименование *сяньби* и образовали затем Западную сяньбийскую орду. Часть из них получила потом наименование *мукрин* и обитала у Тянь-Шаня со II века нашей эры. С учетом этих данных версия Г. Й. Рамstedта не лишена оснований, так как слово *мукрин* вполне соотносимо с гипотетическим словом *бокуран* (‘бык, корова’), которое вполне могло послужить основой этнонима *ойрат*. Однако, это только наши предположения, а сам Г. Й. Рамstedт ограничился лишь этнонимом *огузан*. Но и эта гипотеза не вызывает полного удовлетворения.

В 1978 г. А. Ш. Кичиков в статье «О лингво-исторических реалиях термина *ойрат*» выдвинул версию об образовании рассматриваемого этнонима от киргизского слова *ойрон*, имеющего значение ‘молодец, сильный, богатырь’, и приводил при этом киргизский плач «Ойротто жок ойронум, Кыргызда жок кайраным» (‘Молодец мой, какого среди ойратов нет, мой дорогой, какого среди киргизов нет’). Версия А. Ш. Кичикова вполне допустима и во многом убедительна. Но мы считаем, что значение слова *ойрон* ‘молодец, богатырь’ является переносным, а его подлинная семантика, как нам кажется, еще не раскрыта.

Анализ этнонима *ойрат* различными авторами обнаруживает, что основой его является форма *ойра*, *ойира*. Поиски значения этой формы привели нас к финскому слову *койра* ‘собака’. Фонетическая близость данных двух слов очевидна, так как выпадение начальных согласных в монгольских языках — явление известное. Так, ст.-монг. *хон* ‘год’ > *он*, *харбан* ‘десять’ > *арбан*, *китуга* ‘нож’ > калм. *утхы* и т. д. Следовательно, развитие *койра* в *ойрат* можно изобразить схематически так: *койра* > (к) *ойра*+т > *ойрат*. Таким образом, если фин. *койра* — это ‘собака’, то *ойрат* будет иметь значение ‘собаки’.

Такая этимология, в отличие от всех остальных, предпочтительнее тем, что наименование этнонима связывается с названием тотемного животного. Слово *койра* не может считаться случайным совпадением, так как оно не единично, а выступает в ряду слов, представляющих собой лексические соответствия в финском и монгольском языках, ср: фин. *сокон* ‘жмурка, водящий’, монг. *сохор* ‘слепой’; фин. *так* ‘ковать’, монг. *тах* ‘подкова’; фин. *киелен* ‘язык’, калм. *келен*; фин. *улина* ‘визг, писк’, калм. *уульна* ‘плачет’ и другие. Подобные соответствия позволили в свое время выдвинуть гипотезу об урало-алтайской языковой общности, которая до настоящего времени, хотя и не признана, но и не отвергнута окончательно.

Исторические же данные свидетельствуют о возможности контактов финно-угорских племен с предками западных монголов еще в то время, когда они обитали рядом в районе Минусинской котловины и севернее Байкала¹.

Помимо этого, есть сведения, из которых явствует, что после утраты своей власти в Монголии часть хуннов переселилась на запад и смешалась с финскими племенами². Следовательно, предки ойратов свое наименование *койрат-койирад* ‘волки, собаки’, сохранившееся в виде *ойирад*, могли получить еще задолго до выхода на историческую арену.

¹ См. Эрдниев У. Э. Калмыки. Элиста, 1980. С. 28.

² См. Бартольд В. В. Сочинения. М., 1965. Т. 3. С. 269.

Известно, что образы волка и собаки широко использовались в качестве родовых тотемов древних народов. Так, в древнем Египте собак боготворили и богов изображали с собачьей головой. Древние индийцы еще две с половиной тысячи лет назад супругу Шивы, богиню Кали (она же — Умы, Парвати, Шакти) называли с благоговением волчицеликою¹.

По свидетельству Л.Н. Гумилева, волк был тотемом древних тюрков, уйгуров и монголов, которые считали его одним из прародителей. Ссылаясь на китайские источники, он пишет, что понятия *тюркский хан* и *волк* синонимичны, и допускает возможность бытования такого воззрения у самих тюрков². Видимо, поэтому, как пишет Олжас Сулейменов, в тюркских и монгольских фольклорных традициях волк — образ мужества. Сравнения с волком удостаиваются не многие герои. Волк — один из авторитетнейших тотемов степного культа³.

В русской былине об Илье Муромце Калин-царь (*kalin-kaljin*) сам себя называет собакой. Собакою Калина называют и его приближенные. Даже учитывая негативное отношение к завоевателю со стороны русских рапсодов, для которых слово *собака* было ругательством, все же есть уверенность в том, что он действительно мог называть себя собакой, так как собака — это не только значение его имени, но и вся его (мнимая или действительная) суть: хан, герой, богатырь.

Образ волка и собаки имеет большое значение также для калмыков и их предков. На старых калмыцких знаменах времен вхождения их в состав России изображен легендарный покровитель кочевников — Дайчи-Тенгри на белом коне в сопровождении медведя, волка и собаки. Вероятно, названные животные были тотемами калмыцких племен, так как до сих пор среди калмыков существуют роды, называющиеся *волками*

¹ См. Махабхарата VII. Часть 2. Книга о Бхишме. Книга о побоище палицами. Ашхабад, 1981. С. 39.

² См. Гумилев Л. М. Древние тюрки. М., 1967. С. 23.

³ См. Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1975. С. 109.

‘чонос’ (< *чино*). Возможно, поэтому волка уважительно называют ‘небесной собакой’ (*тенгрин ноха, тенгрин тээһен*), а собаку вместо *ноха* называют *тээһен*. Молодая сноха, впервые переступающая порог женихова дома, должна была их собаку кормить с полы своего платья.

Известно также, что прародителями Чингис-хана были Борте-Чино — ‘серый волк’ и Гоа Марал — ‘прекрасная олениха’¹. И, наконец, в XIX в. до нашей эры, по свидетельству китайской хроники в переводе И.Я. Бичурина, «великий князь Муван ходил воевать поколение Гуань-жунов (по графике Л.Л. Викторовой — цюань жуны или ‘собаки-жуны’²) и «получил от них четыре волка белых и четыре оленя белых и возвратился». Не будем оспаривать достоверность сведений о масти полученных животных. Важно то, что племя Гуань-жуны (собаки-жуны) в знак покорности подарило победителю не простых, а белых, священных четырех волков и четырех оленей. Следовательно, легенда о происхождении монголов и Чингис-хана имела в основе реальные факты, относящиеся к 922 г. до нашей эры, так как племя в данном случае дарило своих тотемов-хранителей и тем самым признавало свою покорность победителю. Если *гуань* (‘собака’) — это подлинное название, пусть даже несколько измененное на китайский манер, то этноним монголов *киян-кият* (*kijan-kijat*), встречающийся в «Сокровенном сказании монголов», засвидетельствованный также Рашид-ад-Дином, является одной из форм или формой древнего наименования ‘волк-собака’. На такую мысль наталкивает, с одной стороны, некоторая фонетическая близость названий *гуань* и *киян* (*kijan*), с другой — отсутствие в монгольских языках названия ‘волк’. Существующие монгольские формы *чоно-чоны-шоно* (‘волк’ < *чино*), видимо, являются эпитетом к ‘волку’ и обозначают ‘сильный’, ‘крепкий’ (ср. монг. *чинээн*, калм. *чинээн* ‘сила’).

¹ См. Сокровенное сказание / пер. С. А. Козина. М.-Л., 1941. С. 79.

² См. Викторова Л. Л. Монголы. М., 1980. С. 118.

Семантическое значение этнонима *kijan-kijat* раскрывает В.М. Иллич-Свитыч. Так, слова с консонантным скелетом *k(j)n-k(j)l-k(j)ɣ* имеют значение ‘волк, собака’. Как видим, значения *гуань* и *киян* совпадают.

При более близком фонетическом рассмотрении этнонима *kijan* можно установить, что в результате спонтанного чередования корневого гласного [i] появился ряд форм: *kij~kej~kaj|=~kuj-koj*, каждая из которых вследствие развития дифтонгов в двослоги, монофтонгизации, ослабления начальных согласных до исчезновения, сращения с различными аффиксами дала серию гнезд слов различной продуктивности и с различными прямыми и переносными значениями.

Китайская форма *гуань* является производным от *kij=*, его узкого огубленного варианта *kujan*. Финское же слово *койра* (*kojra*), к которому возводится этноним *ойрат*, также оказалось производным от *kij=n*, его средней, огубленной формы *койан~койон*.

Таким образом, этноним *kijan*, одно из названий остатков протомонгольских племен, от которых, как известно, возродились монгольские племена на Эргунэ-кун, и этноним *ойрат* — по сути две разновидности одного общего наименования ‘волк — собака’, или, как говорит В.М. Иллич-Свитыч, полуприрученного волка, предка современной собаки.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМОВ *КАЛМЫК И ХАЛЬМГ*¹

В науке обычно существует мнение, что термин *калмык* произошел от тюркского *калмак* и обозначает ‘отделившийся, отколовшийся, оставшийся’, и время его происхождения обычно связывается с отделением от основной монгольской массы и приходом калмыков на Волгу. Такое объяснение и хронология многих не совсем убеждают. Поэтому появился целый ряд версий.

Народный поэт Калмыкии, знаток эпоса «Джангар» С. К. Каляев этот этноним возводит к слову *хальх* ‘нести над землей, возноситься’². Конечно, этот поэтический образ, построенный на фонетической близости анализируемых слов, не мог удовлетворить жаждущих добраться до истины. Под влиянием обаяния Каляева оказался большой знаток калмыцкого языка, крупный этимолог А. Ш. Кичиков, который поддержал эту версию и считает более чем сомнительным происхождение этого термина от тюркского *калмак*, ибо ударный [а] последнего слога не мог развиться в [ы], как это не произошло со словами *казах*, *каракалтак*³.

Конечно, А.Ш. Кичиков прав, когда говорит об ударных гласных в русском языке. Но не надо забывать, что название калмак стало самоназванием, а в калмыцком языке слова казах, каракалтак, башмак звучат хасык, хар халвынг, башмыг. Так что слово калмак в калмыцком языке вполне могло произноситься калмык, с чем представители других народов не могли не считаться. Следует отметить, что А.Ш. Кичиков термин калмык и

¹ *Убушаев Н.Н. Происхождение этнонимов калмык и хальмг // VIII Международный конгресс монголоведов: доклады российской делегации (Улан-Батор, 5–12 авг. 2002 г.). М.: Гуманитарий, 2002. С. 282–286.*

² Каляев С.К. Хальмг // Хальмг үнн. 1993. 29 сент.

³ Кичиков А.Ш. К вопросу о происхождении слова «калмык» // Ученые записки. Серия филологии. Вып.5. Элиста, 1968. С. 133–134.

самоназвание *хальмг* развел в разные стороны. Спустя много лет к этому также пришел М.У. Монраев¹. Кандидат исторических наук В.П. Дарбакова искомым этноним возводит к слову *хольмг* ‘смешанный’².

Конечно, этот вариант, как одна из версий, имеет право на существование. Но если помнить, что чистых наций не бывает, то калмыки не могли составить исключение, и мнение о том, что эта их особенность могла лечь в основу их названия, а потом самоназвания, вызывает сомнения. При этом не лишне было бы указать, о каком смешении речь, кого с кем, когда. Думается, вряд ли древние гордые ойраты приняли бы название, говорящее о нечистоте их крови.

В изучение этнонима калмык много труда вложил историк, знаток тюркских языков Б.Ц. Алаев. Он проанализировал высказывания ученых по данному вопросу, изучил эпосы тюркских народов, установил соответствие *улан залата хальмг* и *кизилбаш*, пришел к выводу, что термины *калмык* и *хальмг* являются разными произношениями одного и того же слова, только на разных языках, тюркском и калмыцком³. Конечно, с автором можно в чем-то спорить, но радует то, что он не остался равнодушным, собрал высказывания ученых по этому вопросу, освободив нас от необходимости на них останавливаться.

Большой резонанс вызвала в свое время статья писателя Т.О. Бембеева «Кто мы, калмыки?»⁴, в которой автор горячо и убедительно подвергает сомнению существующие толкования

¹ Монраев Э.У. *Хальмг* и *калмык* — разные слова? // Известия Калмыкии. 1995. № 118.

² Дарбакова В. П. Еще раз к этимологии этнонима «хальмг» («калмык») // Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М., 1967. С. 31.

³ Алаев Б.Ц. И друг степей калмык // Хальмг үнн. 1994. № 86, 87, 88.

⁴ Бембеев Т. О. Кто мы, калмыки? // Комсомолец Калмыкии. 1972. № 98 (2333). 17 авг.

этого термина и его хронологию, при этом автор ссылается на великого узбекского поэта XV века Алишера Навои, который, описывая сражения Александра Македонского с персидским Дарием, говорит:

Был строй составлен из семи рядов —
Семи великих поясов...
Узбеков было за сто тысяч там,
Калмыков — полтораста тысяч там.

Возникает сомнение: наши ли это калмыки, о нас ли это? Но сомнения отпадают, когда вместе с Т.О. Бембеевым читаем дальше:

Там — чуждый милосердья хан Конград
Своих калмыков выстроил отряд.
От них пришли в минувшие года
В мир — суматоха, ужас и беда,
Как языки подземного огня.

Если вспомним, что у предков калмыков была развитая металлургия, что среди калмыков был, есть род (племя) кунград, сомнения отпадают.

Таким образом, усилиями писателя Т.О. Бембеева хронологическая рамка возникновения термина *калмык*, которую обычно привязывали к приходу калмыков на Волгу, отодвинута, если не к эпохе Македонского, то к эпохе Алишера Навои, это точно. Казалось бы, подтверждение этому Д.И. Тихонов находит слово *калмысы* в значении 'оставшиеся' в надгробной надписи Уйгурского кагана в середине VIII в.¹

Однако неизвестно, в каком контексте этот термин употреблен, ибо, как лексическая единица, он мог существовать до и после употребления в качестве этнонима.

Устное поэтическое творчество тюркских народов — казахские эпосы «Алпамыс-Батыр», «Кобланды-Батыр», узбекский

¹ Навои А. Вал Искандера. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. С. 581.

«Алпамыш», киргизский «Манас» — также свидетельствуют об этом. Если мы вспомним, что в 1995 г. киргизский «Манас» отмечал свое тысячелетие, то этнониму *калмык* должно быть около полутора тысяч лет. Потому что, чтобы войти во все указанные тюркские эпосы, этот термин должен быть достаточно распространенным, достаточно известным. Поэтому с уверенностью можно сказать, что этот этноним является древним, относящимся к началу новой эры или к середине первого тысячелетия. Почти во всех этих эпосах калмыки выступают основными оппонентами главным героям. Только в столкновении с калмыками они совершают героические подвиги, только контакты с калмыками высекают искру народного творчества и рождают такие шедевры, какими являются упомянутые эпосы¹.

Калмыцкий Батур-Убаши Тюмень, автор «Сказания о дербен-ойратах», в 1819 г. писал: «Хальмг гидг нериг нутг салат, үлдснднь манһд өгсн болв. Манһдар үддл гисн үг» («Считается (*өгсн болв*), что имя *калмык* дали татары оставшимся после распада страны. По-татарски это слово значит 'остаток, оставшийся'»²).

Авторы «Очерков истории Калмыцкой АССР» справедливо считают неясным, о каком распаде нутука он говорит, и к какому времени его приурочивал³.

Упоминание о калмыках встречается в «Родословной тюрков» анонимного автора, когда он говорит о Султане Мухаммед-Узбек-хане, правившем в 1312–1343 годы, в сочинении Шереф-аддина Йезди «Зафар-намэ», где описываются события эпохи Тимур-хана (1370–1405), в трудах Абд-ар-раззак Самарканди (1413–1482).

Как видно из сказанного, название калмык интересовало многих азиатских авторов, каждый из которых пытается дать

¹ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII вв. Элиста, 1992. С. 17.

² Сарин герл. Элиста, 1991. С. 199.

³ Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1968. С.55.

этимологию этого слова и всякий раз натывается на термин *калмак*, что означает ‘отделившийся; отколовшийся’. Возникают вопросы:

1. Кто отделился?
2. От кого отделился?
3. Когда отделился?

Все авторы едины, когда говорят о самом факте отделения. В то же время расходятся в конкретике. При этом, как можно заметить, все называют разные факты, но нет сколько-нибудь приемлемого варианта. Это говорит о том, что такой факт, если он имел место, происходил в более ранний период, чем тот, о которых пишут авторы, и успел изрядно позабыться.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, вспомним, что среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими северного Китая, находились «пятьсот семей Ашина». Ашина подчинялись хуннскому князю Муганю, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то князь «Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев»¹.

Китайцы называли подданных ханов Ашина *Ту-Кю*. Это слово расшифровано П. Пельо как *тюрк-ют*, т. е. *тюрки*. Слово *тюрк* значит ‘сильный, крепкий’. Это имя впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. К V в., когда это объединение вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени — сяньбийский, т. е. древне-монгольский. С этим языком Ашина в 439 г. перешли на северную окраину Гоби. Слово *Ашина* значило ‘волк’. По-тюркски ‘волк’ *бури* или *касқыр*, по-монгольски — *шоно/чино*. *-а-* — префикс уважения в китайском языке. Не

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 221.

подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени — Шанэ¹.

Предгорья монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем *тюрк* или *тюркют*. Общеизвестно, что этот термин также имеет твердый вариант *турк-туркут*, который, по нашему мнению, лег в основу имени также монголоязычного народа торгут. Когда торгуты отделились от основной части ойратов и пришли на Волгу, их стали усиленно называть калмыками, что значило ‘отделившийся’ в знак исторической памяти об отделении Ашина, об отдельном кочевании торгутов от других ойратов до того, как они воссоединились с ойратами при Тогон-тайше, в знак того, что торгуты снова отделились от ойратов и пришли на Волгу. Как отмечалось выше, имя калмык за торгутами ходило давно, но приход на Волгу, видимо, дал новый импульс.

Те калмыки, которые после полутора столетий проживания на Волге вернулись в Джунгарию, калмыками не называются, а носят свое древнее племенное название — торгуты.

Вот так мы пытались доказать тюркское происхождение этнонима *калмык*.

Теперь же попытаемся разобраться с калмыцким вариантом произношения имени *калмык-хальмег-хэлмег*, что на старокалмыцком ясном письме передавалось как *халимаг* — в три слога и с мягким [л’]. *Калмак* и *халимак* — это два разных слова. Об этом первым говорил А.Ш. Кичиков, об этом говорят Г.О. Авляев, М.У. Монраев.

Среди калмыцкого племени цаатанов, особенно багацаатанов, бытуют родовые названия *ик хөрн*, *бах хөрн*, *му хөрн*. Даже существует выражение: *Му хөрн болхар, сэн арвн болнав*. ‘Чем быть плохой двадцаткой, буду хорошей десяткой’.

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 22–23.

Все эти компоненты, как нам кажется, имеют бурятское происхождение и обозначают хоринцев (*ик хорин, бага хорин, му хорин, му хоринахын*).

С таким же успехом можно допустить наличие калмыцких, древне-калмыцких следов среди бурят. Тем более, буряты считаются родственными, имеющими ойратское происхождение.

Г.Н. Румянцев в своей известной работе «Происхождение хоринских бурят» среди хоринцев называет род Хальбин¹.

Известный бурятский ученый Ц.Б. Цыдендамбаев считает весьма заманчивым сравнение этнонима Халбин со словом *Калбум*, зарегистрированным в словаре К.К. Юдахина² с пометкой «арабское заимствование в киргизском языке» со значением ‘собака’.

Вполне возможно, что это действительно арабизм, но в персидском языке есть редко употребляемое слово *калб* (‘собака’). Не зря Алишер Навои намекает на тотем (собака) и происхождение этнонима монгол от патронима Мангу:

Я на собаке не считал волос —
Но больше там монголов поднялось.
Подобный льву, их вождь Мангу ведет,
В мрак погружает страны их налет.

Если учесть протомонгольский, протоойратский, прототоргутский культ собаки-волка, то вполне возможно, что арабо-персидский *калб* явился проформой *хальбин*, а от *хальбина* до *хальмг* один шаг. Развитие этого слова схематически можно изобразить следующим образом: *Кальби* — *к/х/альбин* — *хальмин* — *хальминг* — *хальмыг*. Если учесть, что старокалмыцкая письменность мягкость согласных передает гласным [и], а редуцированный гласный передается буквой, обозначающей гласный звук полного образования, то мы будем иметь орфограмму,

¹ Румянцев г. н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. С. 71.

² Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 330.

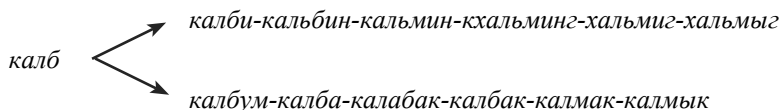
халимаг, т. е. то, что требовалось доказать. Как видно из схемы развития слова «хальмыг», оно имело длительное развитие и в разные этапы имело разные формы, как например, бурятское *хальбин*, в котором не всякий человек может увидеть *хальмыг*.

Правильность нашей этимологии подтверждает казахский ученый Г.К. Конкашпаев и говорит, что в Казахстане много топонимов монгольского происхождения, что почти все они относятся к периоду обитания ойратов на его территории. Он утверждает, что сотни географических объектов носят ойратские названия, что они в основном сохранились в наименованиях сравнительно крупных реалий — гор, рек, озер. Оронимы (названия гор): Тарбагатай, Калба (Холбо), Кандагатай, Богуты, Баянаула (Баинола), Баянжурек (Баинзурк)¹.

На заре становления этого имени, как уже говорилось, могли существовать разные варианты. Г.Н. Потанин отмечает еще один. Он говорит, что *калабак* — киргизская кость, от монгольского слова *халбатай* ‘колпица’, и допускает, что отсюда с переходом *б* в *м* образовался этноним *калмак*, по другому произношению *калмык*².

Конечно, о колпице говорить не приходится, что же касается *калабак* и отсюда *калмак* — ‘калмык’, видимо, автор совсем не далек от истины. Вариант Потанина прекрасно вписывается в цепь вариантов *калб*.

Таким образом, один и тот же корень развился в двух разных направлениях:

¹ Конкашпаев Г.К. Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 116.

² См. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.2. СПб., 1881.С. 9. Прим. 62.

Термины *торгут*, *калмак* и *хальмыг* по своим лексическим значениям были близки друг другу и обозначали ‘волк-собака’ и, возможно, подменяли один другого. Слово *калмак* (из *калбак*) тюркоязычные соседи восприняли, исходя из своего языка, и надолго ввели в заблуждение мир. Наименование *калмак* — *хальмыг* за торгутами, видимо, ходит давно. Об этом свидетельствует И.Я. Златкин. Он отмечает, что *холбон* встречается в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. и в «Алтан Тобчи»¹.

Из сказанного следует, что этнонимы *калмык-хальмыг* имеют арабо-персидское происхождение и связаны с названием тотемного животного.

Журналистка Н. Халгинова, интервьюируя серба Момчило Тришича, пишет, что сербы калмыков называют *калвинцы*².

Так жизнь подтвердила правильность нашей этимологии. При этом подтверждение пришло совершенно не с той стороны, откуда, казалось, можно было ожидать. Это является доказательством того, что имя калбин (*калбак*) было широко известным, если, после стольких веков известности как *калмыки*, на далеких Балканах помнят древнее название *калбин* — *калвин*.

¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964, с.79.

² См. «Калвинцы — золотых рук мастера» // Известия Калмыкии. 27.12.1997. С. 2.

ТОРГУТЫ — ЭТНОС, ЭТНОНИМ, ЭТИМОЛОГИЯ¹

Торгуты — монголоязычный этнос. Под предводительством Хо-Орлюка в количестве более 50 тыс. кибиток они пришли на берега Волги. Через полтора века (1771 г.) часть из них, около 35 тыс. кибиток, ушла обратно в Джунгарию, на свою древнюю родину. Оставшаяся часть является одним из главных компонентов современного калмыцкого народа Республики Калмыкия.

Происхождение этноса, этнонима еще не нашло своего решения. Китайский император Цян-лунь, оставивший подробное описание возвращения торгутов из России в его государство, говорит, что указать на происхождение их очень трудно².

Г.О. Авляев также говорит, что до сих пор нет единого мнения об их происхождении, что этническая история их и основные этапы этногенеза во многом еще неясны³.

Трудности заключаются в том, что в исторической литературе этот термин употребляется неопределенно, в различных значениях — в значении топонима, этнонима, названия гвардии телохранителей, различных титулов, званий, чинов, в разных орфографиях, у разных народов.

В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана⁴ говорится, что к Чингисхану, находившемуся в Торгуте, прибыл кереитский Джига Гамбу. Здесь, возможно, название местности, а может, и название народа у которого гостил Чингис-хан.

В «Сокровенном сказании монголов» (§129) определенно говорится, что три «тьмы» войска переправляются через перевал

¹ Убушаев Н.Н. *Торгуты — этнос, этноним, этимология // Проблемы современного калмыковедения: Сб. науч. трудов. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 181–188.*

² Kien-long. Monument de la transmigration des Tougouts des bords de la mer Caspienne dans l'empire de la Chine. Memorires, I. Pekin, 8 novembre 1772. P. 406.

³ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. М.; Элиста: Этнолог-Центр, 1994. С. 146.

⁴ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М., 1973. С. 130

Алаут-Гурхаут и собираются напасть на Чингис-хана. Здесь вторым компонентом названия возможно наименование гвардии дневной стражи.

С другой стороны, архимандрит Гурий пишет, что местожительство торгутов находится при Алак-ула, что лежит между Малой Бухарией и рекою Тэкэс и распространилось до реки Торгой и Яргес¹.

Даже в наше время А.В. Бурдуков писал, что Джалханзагеген едет через реку Байт в Улангом, затем в Кобдо и дальше в Торгуты и Хар-шар². Здесь топоним, видимо, связан с регионом их проживания и имеет этническое происхождение.

Г.Е. Грумм-Гржимайло, перечисляя их, называет: тайжиут торгут, бээлийн торгут, бэйсийн торгут, вангийн торгут, ховог сайрин торгут³.

В настоящее время они имеют широкий регион проживания. В пределах МНР занимают территорию в бассейне нижнего течения Булган-Гол, общей численностью пять-шесть тысяч и являются потомками вернувшихся в конце XVIII в. с Волги. Родственные им группы торгутов живут в Китае в автономном районе Внутренняя Монголия, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в части районов провинций Цинхай и Ганьсу, в России — в Республике Калмыкия⁴.

Следует отметить каракольских калмыков Киргизии. Кроме того, торгуты проживают на Тайване, в США, Германии, Франции, Турции и других странах.

¹ Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Калмыки. Т. 1. Ч. 2. Распространение христианства среди калмыков. Казань: Центральная типография, 1915. С. 142.

² Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания и письма. М.: Наука, 1969. С. 268.

³ Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, составлен Г.Е. Грумм-Гржимайло, Почетным членом Государственного Русского и Королевского Нидерландского Географических Обществ. Т. 2. Л., 1926. С. 570.

⁴ См. Бурдуков А.В.. Указ. соч. С. 377.

Торгуты обитали в местности Бек морн, пишет Г.О. Авляев и В.П. Санчиров, когда их правитель Кайбанг отправил посланцев к ойратам с наказом: «Отправляйтесь в страну ойратов, посетите их земли и посмотрите на их ханов и князей». Те побывали в стране ойратов и получили аудиенцию у ойратского Тогон-тайши, которому «почтительно рассказали о своих делах». Они сразу же вернулись и сообщили, что кочевья ойратского хана и князей хорошие, тогда (торгоутовские) князья и подданные, тайно посовещавшись, отправились в область ойратов и принесли присягу в верности хану Тогон-тайши. Тайши обрадовался и выдал замуж (за Кайбанга) свою дочь, а в приданое дал 250 семей. И после этого он продолжал их одаривать, и они стали одним из четырех ойратов¹.

Стало быть, до сей поры торгуты кочевали отдельно от остальных ойратов и в числе племен, входящих в их состав, могли, и так было, не называться. Видимо, поэтому в ойратской семье они начинают упоминаться в конце XIV и начале XV столетий². Габан Шараб со ссылкой на Алдар Гавцу говорит, что «торгоуты подлинно из рода ойратов ...»³.

Г.Ф. Миллер также пишет, что «Элет, Торгут и Хошоут под именем Элет разумеются подлинные ойраты ... О торгутах упоминает и Абулгази, что они особое поколение ведут от ойратов. К тому же сии главные поколения разделялись еще на многие особливые роды»⁴.

¹ См. Авляев Г.О., Санчиров В. П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 51.

² См. Лыткин Ю. История калмыцких ханов. // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969.С. 5.

³ Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 140.

⁴ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Кн. 1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1750. С. 20.

С.А. Козин отмечает, что они являлись подлинной опорой «Четырех ойратов», но из-за того-то они и не могли привлечь к себе ойратов, величавшихся старшинством¹. Как видим, торгуты всеми признаются как подлинны ойраты. Очевидно, только подлинной принадлежностью к ойратам можно объяснить их пожелание войти в состав ойратов и ту легкость, с которой их приняли и признали их подлинность.

«Торһад өгдг торһуд» — так будто бы говорил Чингис-хан, когда в одном из боев его войска стали отступать, только торгуты не дрогнули, выдержали натиск неприятеля, дав тем самым другим частям опомниться и выиграть сражение. С тех пор их будто бы так и называют — *торһуд* от *торһх* ‘задерживать’ (Со слов ныне покойного Убушаева Харцха, г. Лагань). Конечно, это народная этимология. Однако *торгут* как этноним и как этнос существовал далеко до Чингис-хана.

Существует также мнение, что торгуты произошли от охранной гвардии Чингис-хана, и имя свое имеют от названия ее. Такое объяснение слишком поверхностно и просто. Трудно представить, чтобы разношерстная масса, состоящая из представителей разных племен и родов, могла так быстро перемолотья и представлять этнос, который мы имеем, со всеми его этническими, культурными и языковыми особенностями.

Русская царская армия, довольно однородная по своему этническому составу, за 25–30 лет службы не превращалась в новую этническую единицу. После освобождения солдаты разбегались по своим губерниям. Надо думать, это же происходило и с турхаутами.

Помимо Чингис-хана турхаутов имели и Ван-хан Керейтский, и Таргудай Кирилтук Тайчиудский, все вожди племен. Отсюда, казалось бы, должен существовать целый ряд торгутов, разных по языку, культуре, обычаям и традициям. Мы же имеем довольно однородную этническую единицу.

¹ Козин С.А. Очерк развития письменности и литературы монгольских народов (XIII–XVIII вв.) // Джангарида. М., 1940. С. 7.

Следует отметить, что название охранной гвардии или, как ее еще называют, дневной стражи *турхаут*, происходит от глагольного прилагательного *турха* ‘стоячий’, который, в свою очередь, восходит к глаголу *тур* ‘стоять’. Ср.: *шуур* ‘рваться’, *шуурха* ‘рваный’, *таср* ‘порваться’, *тасрха* ‘порванный’. Аффикс множественного числа *-ут* ни у кого не вызывает сомнения. Внешнее сходство названия гвардии с искомым этнонимом породило различные толкования, к тому же орфография (возможно, отсюда и орфоэпия) долгого гласного через дwoегласие усилила это сходство. К слову сказать, название ночной стражи кептеул также восходит к глаголу *кенте* ‘ложиться’.

Первое упоминание о торгутах встречается в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. «К нам подошли, — говорится в нем, — Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять Тархудов»¹.

Рашид ад-Дин говорит, что в эту страну (Иран) от каана приходил некто по имени Таргудай, что он происходил из этого племени, что из старших жен от этой кости (происходит) наиболее почтенная госпожа Бартан-Бахадура, мать четырех сыновей, ее имя Сунигул-Фуджин².

Академик Б.Я. Владимирцов говорит, что о тархут известно, что это было племя лесное, из племени этого происходила супруга Бартан-Бахадура, деда по отцу Чингис-хана³.

Лубсан Данзан в «Алти тобчи» также отмечает, что Чингис-хан, обращаясь к Толую, сказал: «Оставайся командовать людьми, самим тобою ныне отобранными и присоединенными к тархутам, что составит особую тысячу»⁴. В другом месте читаем: «Ты, Унгур, сын Мэнгэту-каана, со своими гурбан-тохургутами,

¹ Козин С.А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. С. 120.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 1. М.; Л.: АН СССР. 1952. С. 118.

³ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во академии наук СССР, 1934. С. 66.

⁴ Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 151.

табун-тархутами, чанг-шигутами и байагутами составлял один курень»¹.

Столь частое употребление искомого термина в «Сокровенном сказании», «Алтан тобчи» нельзя не заметить, как нельзя не видеть в тархудах торгутов, ибо названия родов и племен каждый день не появляются. Более того, о связи их говорит тот факт, что среди калмыцких торгутов отмечался род таргут, сохранивший древний фонетический вариант своего имени. В 1880 г. топограф Блаженков зафиксировал в Багацохуровском улусе *таргутов* род, возглавлявшийся мелкопоместным владельцем Очиром Буюнтуковым, состоявший из 101 кибитки, 8 из них находились в селах Сасыкольском и Харабалинском Астраханской губернии, где хозяева их были батраками у богатых русских кулаков. Тамга их представляет собой «кружочек, под ним черточка на некотором удалении от нижней части тавра, наверху едва заметная, вертикально поставленная палочка». В документе 1905 г. указывается, что таргутов насчитывается 66 кибиток².

Существующее мнение о происхождении торгутов от Чингиса, его братьев или потомков беспочвенно, ибо, как вы уже заметили, Чингис-хан сам является внуком таргутки Сунигул-Фуджин, супруги Бартан-Бахадура, матери Есугей-хана.

И.Я. Златкин также считает бездоказательными попытки вывести происхождение торгутов от брата Чингис-хана или других его сподвижников³.

Финский ученый Г.Й. Рамстедт говорит, что ему объяснили, что их (торгутов — Н.У.) имя происходит от слов *туруг-уту* ‘тощие и длинные’, но в действительности оно, конечно, множественное число имени «торгаг», которое соответствует

¹ Указ .соч. С. 51.

² Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с. С. 60–61.

³ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. Изд. 2-е. М.: Наука, 1964. 336 с. С. 72.

имени *туркак* у мусульманских писателей. Ссылается на Абулгази, который считает Туркак турецким племенем и объясняет их имя из турецкого языка (*тур-как* ‘встань, бей’)¹.

Конечно, Г.Й. Рамстедт здесь находится в плену народной этимологии как самих носителей этнонима, так и мусульманских писателей. С другой стороны, можно было бы согласиться с «тощими и длинными» или «высокорослыми», но это слишком буквально, очень поверхностно и просто и, главное, ни о чем не говорит, подобно тому, как *узбек* ‘сам себе хозяин’, *туркмен* ‘я тюрк’. Экспрессивные слова типа *встань, бей* вряд ли могли дать этноним.

Г.Й. Рамстедт также утверждает, что у торгутов имеется предание, будто бы предком их княжеской семьи был знаменитый Ван-хан, владыка кереитов, что среди торгутов, по местным преданиям, в Китайском Туркестане есть меркиты и кереиты².

Конечно, торгуты и кереиты генетически родственные этносы и некоторое время кочевали вместе, но чтобы Ван-хан был предком княжеской семьи торгутов, трудно представить.

Г.Й. Рамстедт считает, что торгуты суть монгольское племя, но, ссылаясь на Радлова³, говорит, что есть еще турецкие торгуты Анатолии.

Известный калмыцкий алтаист П.А. Дарваев слово *тюркют* переводит как ‘кузнецы’ и дает монгольский вариант этого слова ‘дархут’, древнее его произношение ‘дархут’ — ‘тархут’. Отсюда выводит наименование современных племен — ‘дархут, тархут, торкут’⁴. Он приводит цепь фонетических вариантов к искомому этнониму.

¹ См. Рамстедт Г.Й. Этимология имени Ойрат // Сборник в честь 70-летия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. С. 556.

² См. Рамстедт Г.Й. Указ. соч. С. 555.

³ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Том I. СПб, 1899. С. 803

⁴ См. Дарваев П.А. Краткое введение в сравнительную монголистику. Элиста, 1988. С. 25–26

Близко к этому также подошел Д.Е. Еремеев, когда говорит, что топоним *даргоман* подводит нас к этнониму *торго*, возможно, к одной из разновидностей этнонима *тюрк*, видоизменившегося в целую цепь этнонимов: *торго*, *торгоут*, *торгул*, *торкаш*, *тургеш* (*тиргеш*, *тыркиш*), *торк*, *тюрк*, *туркей*, *турпей*, *туркмен*, *трухмен*¹.

Как видим, последние авторы этноним *торгут* справедливо, как нам кажется, возводят к этнониму тюркют.

Соглашаясь с протюркски (в лингвистическом плане) настроенными авторами, видимо, необходимо остановиться на предыстории и истории происхождения этнонима *тюркют*.

В 92 г. «хунны совершенно поражены были китайцами в Тарбагатае, и сяньбийцы (потомки Татар-хана) в том же году овладели землями и народом их в Северной Монголии. После того поражения осталось одно поколение из дома хуннов под родовым прозвищем Ашина. Оно удалилось к подошве Алтая, где под народным названием ДУЛГА (Тукюс) находилось под зависимостью сяньбийцев, а потом жужаней, и вместо подати обязано было добывать железо для хана»².

Китайцы называли подданных хана Ашина — Ту-кю. Это слово удачно расшифровано П. Пельо, как *тюрк-ют*, т. е. ‘тюрки’³.

Само слово *тюрк* значит ‘сильный, крепкий’. Согласно А.Н. Кононову, это собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, к V в., когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен междеплеменной язык того времени — сяньбийский,

¹ См. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970. С. 138.

² См. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сочинений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л., 1950. С. 226.

³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С.22

т. е. древнемонгольский. Это был язык команды, базара, дипломатии¹.

Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем *тюрк*, или *тюркют*².

Общеизвестно, что существуют мягкорядный и твердорядный варианты имени тюркют — тюрки и турки, последний из которых мог развиваться в тургут — торгут. Повторять о том, что это слово имеет монгольское происхождение, думается, нет необходимости, но говорить о том, что оно обозначает, видимо, нужно.

Слово *Ашина* значило ‘волк’. По-тюркски ‘волк’ *бури* или *касқыр*, а по-монгольски — *шоно* // *чино*. *-а-* — префикс уважения в китайском языке. Следовательно, *Ашина* значит ‘благородный волк’. Не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени *Шанэ*³. В *Ашина* в интервокальной позиции произошла дезаффрикатизация, утрата аффрикатой (ts) смычной части. В арабской записи этого имени также произошла дезаффрикатизация (ts) в результате утраты смычного компонента и расширения проточной части под влиянием перелома гласного (и) в (а).

Однако, если учесть, что *чино* ‘сильный, крепкий’ является эвфемизмом, подменившим настоящее название волка *кият* — *койра*⁴, становится ясно, как давно оно было табуировано. Видимо, это произошло на стыке или в начале новой эры.

Следует напомнить, что Ашина в предгорьях Монгольского Алтая приняли новое имя тюрк, тюркют и наделили этим

¹ Там же. С. 22–23.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 23.

⁴ См. Убушаев Н.Н. Происхождение этнонима ойрат // Теегин герл («Свет в степи»). 1994. №3. С. 110.

именем местные племена¹. Л.Н. Гумилев не объясняет причину принятия нового имени. Нам кажется, что Ашина забыли, что их имя не является настоящим названием тотемного животного, а его заменителем, т. е. эвфемизмом. Забыв об этом, они табуировали свое имя второй раз, назвав себя *тюркют*, что значит опять же ‘сильный, крепкий’ и является эпитетом к слову, по их мнению, обозначающему волка *чино*, т. е. Ашина. На самом деле *чино*, из которого образовалось имя Ашина, само является эпитетом к тотемному животному — волку.

Таким образом, Ашина, меняя свое имя на *тюркют*, хотели назвать себя волком, но несколько иначе, чем Ашина, но чтобы при этом полностью бы заменилось первоначально табуированное слово, передававшее понятие *волк — собака*.

Волк был тотемом древних тюрков, уйгуров и монголов, которые считали его своим прародителем. Ссылаясь на китайские источники, Л.Н. Гумилев пишет, что понятие *тюркский хан* и *волк* синонимичны, и допускает возможность бытования такого воззрения у самих тюрков². Казахский писатель Олжас Сулейменов также говорит, что в тюркских и монгольских фольклорных традициях волк — образ мужества, что сравнения с волком удостаиваются немногие герои, что волк — один из авторитетнейших тотемов степного культа³. Поэтому название волка часто переходит в имена, титулы, звания, например: Кий — имя полянского князя, отсюда название города Киева; Кей — титул персидских шахов Кейянидов (Кей-Кубас, Кей-Хосров); письм.-монг. *кийа-*, калм. *ка* ‘адь-ютант, телохранитель, дружинник’; Гирей — имя, титул крымских ханов, калм. — *Гаря*.

Из всего сказанного следует, что этноним *торгут* происходит от имени *тюркют*, *туркут* ‘сильный, крепкий’, эпитета к тотемному животному волк, точно так же, как *чино* ‘сильный,

¹ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 24.

² Там же. С. 23.

³ О. Сулейменов. Аз и Я. Алма-Ата, 1975. С. 109.

крепкий' заменило в свое время настоящее имя. Здесь не будет лишним напомнить, что действительное название волка происходит от корней *кай- кой- куй- кий- кей* (*кият, койра* 'ойрат, хойт') и их производных.

В разные исторические эпохи данный этноним имел разные орфографии — *тюркют, туркут, тархут, торгоут, торгут*.

Сильное тотемическое значение термина *торгут* породило множество социально-политических терминов, имеющих вторичное, переносное значение, передающее привилегированное положение их носителей.

Так, например, дархан, множественное число дархат, означает:

- 1) кузнец, мастер, художник;
- 2) человек, освобожденный от податей;
- 3) военная аристократия;
- 4) институт тарханства, при котором особые привилегии жаловались частным лицам властью монгольских ханов, от потомков которых это право перешло и к русской монархической власти¹;
- 5) знатный, важный, церемонный, почтенный, горделивый.

Подытоживая, хочется сказать словами Л.Н. Гумилева, который говорит, что эхирит-булагаты — наиболее древний раздел бурят, что описанные традиции восходят к началу нашей эры и к той этнической стихии, из которой вышла орда Ашина; в V в. Ашина были родом *волка*.

Таким образом, несомненно очень древняя связь, ибо в то время, когда буряты проникли в Прибайкалье, орды Ашина там уже не было. Значит, мы имеем две параллельные линии, вышедшие из одной культурной стихии — древнемонгольской сяньбийской культуры².

¹ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1883. С. 17.

² Гумилев Л.Н. Указ .соч. С.82.

Теперь, когда выяснено значение этнонима торгут, можно было бы остановиться. Однако, не до конца решены вопросы торгутско-ойратских, торгутско-кереитских отношений. Для чего стоит напомнить, что этноним ойрат обозначает волка¹. Это значит, что торгутов и ойратов объединяет общий тотем — то, что они волки.

Что касается кереитов, то следует отметить, что слова со значением ‘волк’ имеют корни *кай- кой- куй- кий- кей-*. Этноним же *кереит* имеет корень *кер-*, соответствующий корню *кей-*. Только здесь наблюдается чередование *й//р*. Поэтому этноним *кереит*, можно сказать, также имеет значение ‘волк’. Вот вся разгадка того, что Габан Шараб и другие исследователи называют торгутов «подлинными ойратами», того, что ойраты так легко приняли торгутов в свой состав, когда те захотели примкнуть к ним. Вот причина того, что торгутов возводят к кереитам или, наоборот, кереитов к торгутам. При этом этноним *торгут* является относительно молодым, поскольку он появился после номинации волка *чино* его фонетическим вариантом Ашина и является результатом вторичного табуирования. Более древним является этноним *кереит*, который, как и ойрат, восходит к древнему названию волка. Однако чередование *й//р* сильно изменило первоначальный облик слова и оно, как и ойрат, избежало табуирования.

Таким образом, торгутов, кереитов и ойратов объединяет общий тотем. Вот почему многие ученые возводят торгутов к кереитам. Видимо, поэтому торгуты и кочевали вместе с кереитами, а потом часть из них свободно перешла к ойратам.

По ходу можно сказать, что буряты, когда-то входившие в состав ойратов, при табуировании заменили свое имя его тюркским переводом бури, что также значит ‘волк’.

¹ Убушаев Н.Н. Указ соч.

ЭТНОНИМ ДӨРВЕД¹

Среди монгольских (калмыцких) и других названий нередко встречаются этнонимы, происходящие, на первый взгляд, от числительных: *хошут* (от *хош* ‘два’), *хурвыд* (от *хурвын* ‘три’), *дөрвед* < (от *дөрвен* ‘четыре’), якут, долганы (старописьменный монг. язык *dolugan* ‘семь’), монг. найманы (старописьменный монг. язык *naiman* ‘восемь’), *хорин* ‘двадцать’. Однако только конкретное специальное изучение каждого из этих названий может раскрыть их этимологию.

В данном случае нас интересует термин *дөрвед*, который многими монголистами рассматривается как производное от числительного *дөрвен* (*дэрбен*) ‘четыре’. Этот термин встречается в сочетании *дэрбен-ойрат* (*дөрвен-өөред*), так же, как название хошуна *кзукет*, *дорбэн кокэт*.

Помимо этого термин *дэрбен* в форме мн. числа *дэрбет* является этнонимом, названием одной из основных этнических групп в составе калмыцкого народа. Происхождение этого этнонима никем специально не изучалось, хотя в различных монголоведных трудах можно встретить разные высказывания.

Первое упоминание о дэрбетах восходит к эпохе Чингисхана и даже раньше. В «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. говорится, что четыре сына Дува-Сокора, образовав четыре рода, стали Дорбен-иргеном².

Рашид ад-Дин этноним *дурбан* в значении ‘четыре’ возводит не к Дува-Сохору, а к потомкам его младшего брата Добун-Баяна³, а именно к пяти сыновьям Тамача, старшего из которых звали Коричар-Мертен, четыре брата которого явились

¹ *Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, 2006. С. 212–215*

² Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un Niruca tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.-Л., 1941. С. 9–10

³ Он же Добун-Мерген — Козин С.А. Указ. соч. С. 10

родоначальниками племени дурбан¹. Дурбан значит «четыре». Юртом их были [долины рек]: Онона, Кэрулена и Тоглы. Эти три реки берут начало в горах Бурка [н-кал] ду [н].

И.Я. Златкин затрудняется сказать, существует ли какая-либо преемственная связь между этими дэрбэтами и теми, которые под таким же именем появились во второй половине XV в. среди ойратов в Западной Монголии. В известных монгольских и калмыцких источниках, говорит автор, нет данных, подтверждающих такую преемственность, что источники дают основание предполагать, что между дэрбэтами XIII в. и дэрбэтами послеюаньской эпохи нет никакой связи². Неизвестно, что за основание для предположения, однако, следует отметить, и не отрицается преемственность. С другой стороны, общность родо-племенного названия, примерная общность региона, в котором и те, и другие обитали, уже говорят в пользу такой связи, ибо на пустом месте на одной и той же территории не может дважды возникнуть одно и то же название. Появление и исчезновение родо-племенных названий, видимо, связаны с подъемом и падением правящего дома, со сменой правящей династии, и здесь, как кажется, нет ничего удивительного. В истории нередко прибегают к таким приемам, когда дробится, разрывается история одного и того же рода, племени, народа.

Исследователь истории Кукунора В. Успенский убежден, что слово дэрбэн в формуле *дэрбэн ойрат* не означает ‘четыре’, а является именем племени³. Эта точка зрения была поддержана

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 2. М.; Л.: АН СССР. 1952. С. 9–10

² Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1964. 336 с. С. 71.

³ Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов // Записки ИРГО по отделу этнографии. 1880. VI. Отд. II. С. 155, 140–141.

Г. Грумм-Гржимайло¹, который считал, что союз ойратов с дэрбэнами сложился еще во времена Чингисхана. Он отождествлял дэрбэнов с дэрбэтами².

По кызыльским и сагайским легендам, все качинцы пришли из Монголии. Считается, что это потомки народа страны Тербет (т.е. дербеты), подаренные Моол-ханом в качестве приданого дочери, которая вышла замуж за хакасского князя³. У узбеков есть поколение Дурмен. Название это сходно с другими названиями поколений: *Туркмэн, Итэнгмэн, Найман, Калкаман* и т. п., поэтому происхождение *Дюрбют* от *дурбен* ‘четыре’ едва ли имеет под собой основания⁴.

Д.Е. Еремеев пишет, что топоним даргоман подводит нас к этнониму торго, возможно, одной из разновидностей этнонима тюрк, видоизменившегося в целую цепь этнонимов: *торго, торгоут, торгул, торкаш (тургеш, тыркиш), торк, тюрк, туркой, турпей, туркмен, туркпен, трукмен*. В этот ряд, возможно, входит и этноним *дурмен*⁵.

Автор не сомневается в том, что этноним дурмен входит в эту цепь этнонимов, восходящих к тюрк, иначе он не привел бы его здесь. Мы разделяем эту его уверенность, ибо любая из форм — дэрбэт, төрбөт, дорбон, дурбан, дорбэн, дурмэн — может быть соотнесена с этнонимом тюрк, имеет значение ‘сильный,

¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том 2-й. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. М.: 1926, С. 561.

² Там же. С. 566.

³ Бутанаев В. Я. Происхождение хакасов по данным этнонимике // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983. С. 69

⁴ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1881. С. 17, 56.

⁵ Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970. С. 137–138.

крепкий’, подразумевая значение ‘волк, собака’¹. Л.Н. Гумилев пишет, что название *волк* имело для тюрков VI в. огромное значение, что тайские авторы считают понятия *тюркский хан* и *волк* синонимами². По свидетельству Н.Я. Бичурина, золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах³.

Среди калмыцких дэрбетов Г.О. Авляев отмечает родоплеменное название *чоносы* ‘волки’⁴. Также имеются населенные пункты, имеющие названия *Ики Чонос* (‘Большие волки’), *Бага Чонос* (‘Малые волки’), *Первый Чонос*, *Второй Чонос*, *Шин Чонос*.

Мы считаем, что этноним *ойрат* имеет значение ‘волк’. Отсюда формула *дэрбен ойрат* должна обозначать ‘четыре волка’. Компоненты, входящие в *дэрбен ойрат* (*торгуты* и *хойты*), по мнению автора этих строк, также обозначают ‘волка’. Если этноним *дэрбен дэрбет* принять за ‘волка’, то останется искать четвертого волка.

Если бы здесь имелось название племени, как понимали В. Успенский, и Г. Грумм-Гржимайло, словосочетание *дэрбен ойрат* имело бы вид *дэрбен ойрат хойар* ‘дэрбены и ойраты’, как это наблюдается в выражении *ддчин ддрбдн хойар* ‘сорок и четыре’⁵. Из сказанного вытекает, что этноним *дэрбет* имеет значение ‘волк’ и в своем составе имеет родоплеменные названия⁶ *Шарнут Чонос*, *Ики Чонос*, *Бага Чонос*, и в формуле *дэрбен ойрат* ‘четыре волка’ стало больше одним компонентом, имеющим значение ‘волк’.

¹ Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М.: ИВЛ, 1961. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. М.; Л., 1950. С. 229.

⁴ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. М.; Элиста: Этнолог-Центр, 1994. 250 с. С. 154.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ Там же. С. 162–164.

Казалось, на этом можно было бы остановиться. Однако народная этимология, трактующая данный термин как количественное числительное *четыре* и возводящая его к четырем сыновьям Дува-Сохора или потомкам его младшего брата Добун-Мэргэна (он же Добун-Баян), не позволяет легко себя отвести. Обычно родоначальник бывает один. Здесь же имеются четыре родоначальника, давшие один этноним. Вот это несколько смущает. Родоначальник должен быть один, или каждый из братьев стал родоначальником? Возникает вопрос: каких родов и племен?

Как известно, четырех сыновей Дува-Сохора, от которых пошли дербеты, называли Доной, Докшин, Эмнек и Эрхэ. Однако Г.О. Авляев, вслед за Крюгером, считает, что эти четыре сына Дува-Сохора основали союз четырех родов: *огэлэт* (*олэт*), *багатут* (*батут*), *хойт* (*хоодуд*) и *кередгуд* (*кергим*)¹.

В приведенных выше сочетаниях ошутима количественная семантика термина *дэрбен* (>*дэрбет*). Г.Н. Потанин также считает, что слово дюрбет по-монгольски значит ‘четыре’². Тем не менее, некоторые исследователи склонны видеть в этом этноним, родоплеменное название.

Понимание учеными термина *дэрбен* как числительного ‘четыре’ заставляло их искать составные компоненты ойратов, которых всегда оказывалось то меньше четырех, то больше, и породило разные варианты трактовки составляющих компонентов ойратов. Да и толкование самого слова «ойрат» также вызвало к жизни множество различных версий.

Если, соглашаясь с Д.Е. Еремеевым, этноним *дурмен-дурбет* возвести к *торк-турк* в значении ‘сильный, крепкий’, подразумевая тотемного животного (волка), то окажется, что были правы В. Успенский и Г. Грумм-Гржимайло, видевшие в термине *дэрбет* этническое название.

¹ Там же. С. 192.

² Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 25.

Если исходить из того, что ойрат также имеет значение 'волк', то формула *дорбен ойрат* будет иметь значение 'волк-волк', т. е. волки. Эти два однозначных термина первоначально употреблялись вместе, видимо, усиливали значение друг друга. Затем термин *дэрбет*, видимо, стал утрачивать свое первоначальное значение «волк» и в результате переосмысления приобрел значение количественного числительного *дөрвен* 'четыре', близкого по произношению к этнониму *дөрвед*, оставив значение волка за термином *ойрат*. Однако название волка сохранилось все-таки во внутренних, глубинных этнических подразделениях дэрбетов.

ЭТНОНИМ *БУЗАВ* ¹

Дон является одним из регионов наиболее тесного контакта калмыков и русских, наиболее активной точкой, где чаще всего проверялась дружба калмыцкого и русского народов.

Издавна, почти с самого появления калмыков на Волге, в связи с близостью их кочевий с землей донских казаков между ними установились определенные контакты. Сначала калмыков на Дон привлекали богатые привольные пастбища и обильные водные источники. Позднее же они приходят на Дон в поисках убежища в просторных донских степях, защиты у донского казачества от преследований феодальной аристократии. Казаки же в них видели хорошо подготовленных воинов для охраны южной границы России. Еще во времена Хо-Орлюка, в 1642 г., по возвращении его после сейма 1640 г. из Монголии, казаки, вынужденные оставить Азов, просили помощи калмыков в их войне с азовцами и крымцами. По этому поводу состоялось обоюдное соглашение. Это обстоятельство было поставлено на вид русскими послами в Крыму в 1643 г.² В этой связи крымский хан в грамоте к царю Алексею Михайловичу в 1644 г.³ выражает свое явное неудовольствие.

В 1648 г. уже при сыне Хо-Орлюка Шукур-Дайчине калмыки снова появились в пределах земли Войска Донского под Черкасским городком, и между казаками и калмыками был заключен оборонительный союз против экспансии крымских феодалов. Тогда же переправился через Дон значительный отряд

¹ *Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, 2006. С. 203–211*

² Маслаковец Н.А. Статистическое описание кочевья донских калмыков // Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 10

³ Богачёв В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 294.

калмыков¹. Н.А. Маслаковец считает, что это был отряд в 1 000 человек².

В конце сороковых годов XVII в. (1647–1649) калмыки перешли на правую сторону Волги и заняли своими кочевьями все пространство междуречья Волги и Дона. С этого времени контакты носили более регулярный, длительный характер. Эти связи всячески поддерживались русским правительством, видевшим в этом выгоду для государства.

Калмыки в этих связях также видели определенный интерес, особенно та их часть, которая не выдерживала междоусобной борьбы или за какие-либо провинности вынуждена была искать покровительства у донских казаков.

В 1661 г. был заключен договор с обещанием калмыцкой стороны служить Царю русскому и выставять войско для совместного с казаками действия против Азова и крымского хана. Этот договор был утвержден присягой калмыцких послов, в числе которых был Пунчик, сын Шукур-Дайчина, и передачей аманатов казакам. С казацкой стороны для подтверждения мирного договора к Шукур-Дайчину были отправлены двое знатнейших старшин — Федор Бурин и Степан Разин. По этому договору за калмыками были закреплены кочевья по рекам: Куме, Манычу, Салу, Иловле, Бузулуку и Хопру³.

С этого времени контакты между сторонами были так часты, что русское правительство вынуждено было принять особую продовольственную меру на случай прибытия калмыцких послов, были запрещены самовольные расправы в ссорах с калмыками.

В 1669 г. после смерти Пунчика к власти пришел его сын Аюка, годы правления которого являются периодом наиболее частых контактов с Доном. В этот период калмыки начинают появляться в более значительном количестве. В результате

¹ Там же. С. 294.

² Маслаковец Н.А. Указ. соч. С. 10.

³ Там же. С. 11, 52, 58.

феодалных распрей от Аюки отделился в 1669 г. улус Дугара, двоюродного брата Аюки-хана, а в 1670 г. улус Бока, которые откочевали к Азову, причем улус Бока остался в Войске Донском на постоянное жительство. В 1686 г. на Дон явилось до 200 семей, которые были приняты в казачье сословие. В 1690 г. Четер Мурза, Батыр Черкес и Тайцзи со своими улусами, в которых насчитывалось до 800 человек, способных носить оружие, спасаясь от преследований Аюки-хана, также перешли Дон и были приняты в казаки, получив для кочевья пространство между Доном и Донцом. Эти переходы вызывали неоднократные нападки со стороны Аюки, добивавшегося возвращения ушедших калмыков и их предводителей. Так, в 1691 г. сам Батыр Черкес, убежденный Аюкой, оставил Черкесск и перешел с Мурзою Четырем обратно за Дон.

Для большего привлечения калмыков к постоянному поселению на Дону и причисления их к казачьему сословию с 1694 г. решено было выдавать калмыкам за службу с казаками постоянное жалованье по 500 рублей в год. Численность калмыков, состоявших в войске Донском и способных носить оружие, составляла в это время до 600 человек. Новые междоусобия между наместником Церен Дондуком и другими соискателями власти после смерти Аюки-хана в 1724 г. привели к дальнейшим переселениям на Дон. Последовавшие за этим жалобы способствовали тому, что всех калмыков, перешедших на Дон до 1736 г., предписано было оставить при войске Донском. Новые жалобы на продолжающиеся переселения кончились тем, что в 1753 г. состоялось повеление о высылке в улусы всех калмыков, явившихся на Дон после 1736 г., и на калмыцкое поселение были распространены правила о паспортах. Так было возвращено с Дона до 366 кибиток, в которых считалось до 1 515 душ мужского пола.

Однако разрешения на причисление калмыков к Донскому войску давались и после 1736 г. Так, в 1744 г. указом на имя

войскового атамана Ефремова было причислено к Донскому войску около 400 кибиток калмыков-томутов.

В 1803 г. к калмыкам войска Донского были причислены Беляевские калмыки, кочевавшие у местности Беляева на р. Самара, впадающей в Днепр, которые затем под именем Доломанских калмыков служили в Ростовском казачьем полку, после расформирования которого они были причислены к Донскому войску. В том же году на Дон были переведены калмыки, состоявшие при Чугуевском казачьем войске.

Этническое происхождение донских калмыков является одним из интересных вопросов, связанных с их историей.

У донских калмыков существует предание о том, что якобы они происходят от особой группы выходцев из Джунгарии. Отголоски этого предания наблюдаются у А.К. Кума¹ в его статье «Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле Войска Донского».

Эта легенда, видимо, родилась после прихода в 1673–1676 гг. на Волгу новой группы калмыков, хотя не отрицается возможность появления ее гораздо раньше. Вероятно, она является следствием борьбы ушедших на Дон калмыков против притязаний царствующего дома Аюки, который беспрестанно предъявлял им свои права на них и всячески — военной силой, уговорами пытался вернуть их к основной массе калмыков. Это была ширма, за которой можно было как-то укрыться от Аюки и его приспешников. Вполне возможно, что донские калмыки отрицали свое отношение к основной массе и говорили о своем самостоятельном приходе из Джунгарии.

Как бы там ни было, эта легенда касается только части донских калмыков. По этому поводу Пальмов Н.Н. также пишет, что «если говорить об особых предках донских калмыков, имея

¹ Кума А.К. Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле Войска Донского // Северный Архив, март. 1824. Ч. IX. №6. С. 297–316.

ввиду известную часть последних, то в такой роли придется признать группу, явившуюся в донские степи в 1687–1688 гг.»¹.

Примерно тоже говорит Ц.Д. Номинханов, ссылаясь на информанта Адучинова Церена Басановича: предки жителей харьковской сотни (впоследствии станица Граббевская) по прибытии из Джунгарии поселились в местности Манан тоха при калмыцком Аюке-хане. Впоследствии они перекочевали в местность Эчки-дюю на истоках р. Бузулук, затем в местность Аюл, после к рекам Савдя, Пандя и Джурак — притокам реки Сал. Позже станица Харьковской сотни была переименована в Граббевскую станицу, по-калмыцки называлась Цевденякня аймак, по имени Цевден нойона. В 1924 г. около 200 семей этой станицы перекочевало в Больше-Дербетовский улус Калмыцкой автономной области и образовало два села: Теегин нуур и Цевденякня аймак около села Второй Чонос².

Опираясь на архивные, литературные данные историк К.П. Шовунов утверждает, что в результате феодальных распрей от Аюки отделились торгоутские улусы: в 1669 г. — Дугара, а в 1670 г. — Бока и откочевали к Азову, причем улус Бока остался в войске Донском на постоянное жительство. Кроме этого, осенью 1674 г. 150 калмыков из улусов Аюки-тайши, совершая набег на Крым, обратились в Черкесск к князю Петру Хованскому, находящемуся в это время на Дону, за помощью. Одобрив замыслы калмыков, князь выделил «калмык же человек 40, которые кочуют меж Ратного и Черкесского городков». В исследованных архивах и опубликованных документах нами не обнаружены факты, свидетельствующие о дополнительном приходе калмыцких групп на Дон между 1670 и 1675 гг. Можно смело предположить, что это были калмыки «боковского» улуса.

¹ Пальмов Н.Н. Калмыки и донские калмыки в XVII веке // Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 59. Л. 8.

² Номинханов Ц.-Д. О пережитках родового строя у донских калмыков (К вопросу о родоплеменном строе) // Научный архив КИГИ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 59. Л. 23.

Из приведенных материалов, по мнению К.П. Шовунова, видно, что, во-первых, основателем донского казачьего поселения калмыков является торгоутский улус Бока, во-вторых, начало основания этого поселения можно датировать 1670 г.¹

По вопросу происхождения донских калмыков Н.Н. Пальмов также утверждает, что основное ядро их составляли торгуты, пополнившиеся затем хошутами и дербетами. К тому же основному ядру, по мнению ученого, присоединились в 80–90 гг. XVII столетия группы джунгарцев, в которых Н.Н. Пальмов склонен видеть хойтов².

Дербетовские калмыки, как полагает Н.Н. Пальмов, пришли на Волгу около 1673 г. К этому времени предводитель торгутов Аюка уже успел посчитаться с хошутским Аблайтайши и подчинить хошутовских калмыков всецело своей власти. Отношение Аюки к хошутам было чрезвычайно поучительным для дербетовцев. Они должны были понять, что и их ждет та же участь, если они не примут соответствующих мер предосторожности и не сумеют оградить свои племенные права от посягательства на них вождя приволжских калмыков. Оберегая свои права, дербетовцы стараются держаться, по возможности, обособленно, а при возникновении в ханстве серьезных трений спешат выделиться из калмыцкой массы и уйти на Дон, оттуда, впрочем, снова возвращаются к Волге после разрешения здесь спорных вопросов.

Джунгарские калмыки, по мнению Н.Н. Пальмова, участвовали в передвижениях дербетовцев с Дона на Волгу и обратно, являясь для последних будирующим элементом. В 1733 г. джунгарцы окончательно откололись от дербетовцев и прикрепились к Дону, но дербетовцы не отказались после этого от передвижений, ставших обычными для них и сопровождавшихся отложениями

¹ Шовунов К.П. Калмыки в системе военной организации России (XVIII). Элиста, 1980. С. 100–101.

² Пальмов Н.Н. Указ. соч. Л. 14.

на Дону всякий раз больших или меньших калмыцких групп¹. Последнее очень сомнительно, потому что они всегда держались «обособленно», не распыляя своих людей, старались не допустить дербетовцев «до рассеяния»², ибо «погибнет самое название дербетовских калмыков»³. «Для сохранения дербетова имени» они всегда кочевали компактной группой, сколько придут на Дон, столько же и уходят, ибо как писали дербетовские зайсанги, «думаем, что дербетовых наших улусов имя уничтожиться может»⁴.

Видимо, Н.Н. Пальмов близок к истине, когда пишет: «заметно, что Четьер старался обособлять своих калмыков от «юртовских» и от беглых калмыков, которые одинаково состояли в команде донской старшины и несли службу наравне с казаками»⁵.

Об изолированном кочевании дербетовцев от остальных калмыков свидетельствует тот факт, что в 1771 г. при уходе большей части калмыков обратно в Джунгарию дербетовский «улус потерял всего лишь 56 кибиток. Указанное количество кибиток составляло совсем незначительную часть населения дербетовского улуса, исчислявшегося через 12, приблизительно, лет в 5 568 кибиток с обитателями, «по примеру», в 18 061 человек обоого пола»⁶.

После смерти владельца Ценден-Доржи 18 февраля 1785 г. правительство издало распоряжение от 30 апреля 1786 г. о передаче дербетовского улуса в казенное ведомство. Указом от 13 июня 1786 г. астраханскому военному губернатору П.С. Потемкину вменялось в обязанность располагать дербетовских калмыков к переходу на оседлый образ жизни. Это

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 84–85.

побудило недовольных калмыков в конце 1788 г. в количестве 4 881 кибитки, при 42 зайсангах откочевать на Дон¹.

Из имевшихся тогда в дербетовском улусе 5 568 кибиток, за уходом на Дон вышепоказанного числа в 4 881 кибитки, на Волге осталось 687 кибиток с несколькими владельцами. Таким образом, дербетовский улус распался на две части: большая его часть, откочевавшая на Дон, стала называться Большим Дербетом; меньшая часть, оставшаяся в астраханских степях, получила название Малого Дербета. Большедербетовцы избрали себе в правители Екрема Хапчукова, малодербетовцы — Бабула, сына Ценден-Дорджи.

12 октября 1798 г. губернатор И.С. Захаров объявил калмыцкому правлению указ сената от 20 сентября, что, по воле царя, «калмыцкая Большая Дербетова орда, с владельцем их Якремом, перешедшая из-за Волги по ту сторону, причислена к войску Донскому и отдана под начальство его правления»². Однако 10 мая 1800 г. через Джурук и Сал калмыки ушли с Дона.

Из этих калмыков 2 тыс. кибиток пожелали причислиться к Малому Дербету. Из ведомости 1783 г. видно, что под начальством Тундутова считалось 654 кибитки, у дербетовского владельца Цебек-Убуши была одна тысяча кибиток, которые после смерти владельца перешли в казенное ведомство. В казенном же ведомстве числились кибитки в количестве 3 881, состоявшие под управлением Екрема Хапчукова. Кроме того, имелось 33 кибитки у мелких владельцев. Итого 5 568 кибиток. К 1805 г. улус сына Чучея, Эрдни Тундутова, определялся в 3 911 кибиток. В этом же году произошел раздел кибиток.

Донские калмыки называются бузав. Относительно этимологии этого этнонима, его семантики существует несколько версий.

Первая версия этот этноним возводит к глагольному словосочетанию *бу за:в* букв. ‘обучал ружью; обучал военному

¹ Там же. С. 101–102.

² Там же. С. 106.

ремеслу¹. Это народная этимология, построенная на внешнем фонетическом сходстве этнонима бузав и словосочетанием *бу за:в*. Причем одним из компонентов сочетания является глагольная форма прошедшего времени, которая характеризует более всего того, кто обучал, а не того, кого обучали, кто является носителем этнонима.

Следует отметить, что калмыки издавна знакомы с огнестрельным оружием и для них оно не должно было быть в диковинку. Поэтому версия происхождения этнонима *бузав* из *бу+за:в* вряд ли состоятельна.

Вторая версия возводит исследуемый этноним к калмыцкому названию Северского Донца, притока реки Дона-*бузаг* ~ *бузуг*~ *бузыг*. Эта версия может быть вполне приемлема, если допустить чередование краткого и долгого *a* (*a* // *a:*) и заднеязычного *г* с губно-губным (зубным) *в*. В монгольских языках существуют примеры подобных чередований, ср. монг.-письм. *qamtagasun* 'лист растительный' > торг., дерб. *хамтхсн* ~ *хамтыхсын*, буз., ик-дерб. *хамтха:сын*; монг.-письм. <*degel* ~ *debel*> бур. *дэгэл*, калм. *дэвел* 'шуба'; монг.-письм. *burgagu* > калм. *буру:*, рус. *бурав*; калм.лит. *кишго*, дерб. *кишва* 'вредный'.

Помимо этого Н.Н. Пальмов¹, К.П. Шовунов (в личной беседе) утверждают, что первые более ранние поселения юртовых, базовых калмыков были на Дону под г. Черкесском, а не на Северском Донце, причем гораздо раньше, чем на последнем. Поэтому эта версия, видимо, также не может быть принята, ибо не подкрепляется историческими данными.

По третьей версии, бузав возводится к русскому слову «базовый». Это утверждают В.Н. Корниевский² и знаток истории, быта и культуры донских калмыков И.И. Попов, который пишет:

¹ Пальмов Н.Н. Письма Н. Н. Пальмова Х. Б. Канукову. Элиста, 1968. С. 41.

² Корниевский В.Н. Калмыки Донской области, Астраханской и Ставропольской губерний // Живописная Россия. Т. 7. Ч. 2. СПб., 1899. С. 133.

«Наши калмыки зовутся также базовыми (*бузава хальмугод*) или донскими (*тэнгийн гол-ду нутуклаксан хальмугод*)»¹.

Лингвистически развитие слова *базовый* в *бузавы* можно представить в таком виде: *базовый* — *баазовый* — *бозаавы* — *бузаавы*. На основе закона губной гармонии, т. е. неупотребляемости в калмыцком языке гласного [о] в непервых слогах, могла произойти дистантная метатеза долгой ударной фонемы первого слога [aa] и средней огубленной фонемы второго слога [о], затем — в процессе диссимиляции гласных [о, а, о] развился в [у]. Конечный [й] отпал, гласный [ы], качественно и количественно близкий к калмыцким редуцированным гласным твердого ряда, стал выполнять функцию последнего, поддерживая долготу [aa].

Примерно так можно было объяснить происхождение имени бузав от русского слова базовый. Однако до Октябрьской революции ввиду неграмотности калмыков заимствование русских слов шло устным путем. Орфограмма базовый должна была иметь произношение *баазавъй* ~ *базъвъй*, которое на калмыцкой почве не могло дать бузав.

Все рассмотренные версии, даже если бы мы их приняли за истинные, не могли пресечь притязания Аюки-хана, так как они содержат в себе понятие калмык. А донским калмыкам необходимо было такое название, которое бы отмежевало их от принадлежности к калмыкам и тем самым пресекло притязания Аюки. Даже ссылка на то, что они являются Джунгарскими калмыками, пришедшими прямо на Дон, не решала дело². Только название бузав несколько уредило пыл хана. Это название было известным, имело определенное распространение. Чтобы раскрыть этноним бузав, рассмотрим то, что калмыки в своем движении на Волгу вовлекали в себя представителей других народов — *маңһд*, *хар маңһд*, *моңһл*, *хапчн*, *шарад*, *тўркмин*,

¹ Богачев В.В. Указ. соч. С. 288.

² Бадмаев А.Б. Догзма — имя святое // Известия Калмыкии. 1998. №226. 23 окт.

ногай. Последних, т. е. ногайцев, обитавших в прикаспийских степях, калмыки оттеснили на Кавказ, многие ногайцы смешались с калмыками, и калмыки знали названия их родов.

Говоря о ногайцах, М.Г. Велиев пишет, что монголы в XIII в. под предводительством Норая или Нугая вторглись в пределы Азербайджана. Впоследствии они получили название ногайцев — по имени своего предводителя. В дальнейшем ногайцы распались на несколько поколений, среди которых можно назвать буджагов¹. Этноним буджаг сохранялся в начале XX в. в названии селений: в Геогчайском уезде — Кара-Буджаг; в Джевадском — Кара-Буджаг и Эгри-Буджаг; Агдамском — Буджаг; в Нухинском — Буджаг и Мухах-Буджаг².

Как видим, название *буджаг* у ногайцев было распространённым. Помимо этого, *Буджак* — историческая область между устьями рек Дунай и Днестр в XVI–XIX вв., южная часть Бессарабии (юг современной Одесской области), в XVII–XVIII вв. кочевья Белгородской орды³. Как видим, ногайцы вообще назывались буджакскими татарами. Надо полагать, что название буджак также было известным и калмыкам. Тем более в формировании ногайского этноса среди других принимали участие найманы, керейты, дурмены, кунграты и др.⁴.

Поэтому, когда воины Аюки-хана, уже который раз, пришли, чтобы вернуть донских калмыков в пределы ханства, вполне может быть, что они назвали себя *буджаг*, что на калмыцкой языковой почве могло звучать *бузаг* ~ *бузав*.

¹ Велиев М.Г. Азербайджан. Баку, 1921. С. 45.

² Кавказский календарь 1915 г. // Этническая ономастика. М., 1984. С. 149.

³ Советский энциклопедический словарь. 3-е издание. М., 1985. С. 175.

⁴ Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 256.

ЭТНОНИМ *ХОШУД*¹

Хошуды являются одним из этнических компонентов современных калмыков. В средние века они также входили в состав ойратов, предков калмыков, и были одной из основных составляющих ойратских ханств Джунгарского, Калмыцкого и Хошудского на Куку-Норе. В последнем, как видно из названия, составляли основное ядро. Они подарили миру великого просветителя калмыцкого народа Зая-пандиту, создателя ойратской, старокалмыцкой письменности, основателя калмыцкого литературного языка. Происхождение и семантика имени хошуд вызывает немало споров. Историк В.П. Санчилов пишет, что многие монгольские и ойратские термины, впоследствии ставшие бытовать среди ойратов в качестве этнонимических названий, восходят к эпохе Чингисхана, что в термине *хошоуд*, как и в термине *торгоут*, нашел свое отражение военный строй далекого прошлого².

Другой калмыцкий историк, этнолог Г.О. Авляев термин хошуд считает также военным и связывает со словом *хошун* ‘клов, морда, передовой отряд войска’ и допускает, что он зародился еще в эпоху Чингисхана, а не во времена Тогон-тайши в XIV в., как сообщают некоторые источники³. Автор считает, что хошудами первоначально называли отряды опытных и храбрых воинов, принимавших первыми удары противника, т. е. это название относилось к 7 полку, которым командовал Хабуту-Хасар. Полк, именуемый *тысячей* отборных богатырей, во главе с Хобуту-Хасаром должен был охранять жизнь самого

¹ Убушаев Н. Н. *Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, 2006. С. 221–226.*

² Санчилов В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. С. 64.

³ Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 143.

Чингисхана¹. Поэтому родословная хошудских тайшей, нойонов и ханов в монгольских летописях начинается именно с Хабуту-Хасара, т. е. от рода Чингиса *борджигин кият*². Далее Авляев отмечает, что по письменным источникам известно, что гвардия при первых чингизидах не была распущена, а переходила по наследству к очередному хану Монгольской империи, что она сохранилась в виде компактной группы и постепенно превратилась в этнические общности *торгоут* и *хошоут*³.

Известный китайский историк Шилэгийн Норбо считает, что хошуды являются потомками младшего брата Чингисхана Хабуту-Хасара, от которого в восьмом поколении были два брата по имени *Аруг-Тэмур* и *Өрүг-Тэмүр*. Когда последний пошел под покровительство ойратского Тогон-тайши, то получил от него новых албату из числа ойратов. Однако, так как они были собраны из разных хошунов, то и получили прозвище *хошуд* (мн. ч. от *хошун*)⁴.

Монгольская летопись XVII в. «Шара туджи» дает следующее происхождение хошудов: Чагатай-чинсан, его сын Цабдан-чинсан, его сын Уруб Тэмур, его сын Тэгүтэй, его сын Нагутай-чинсан, его сын Саймалху Чинджи, его сын Хушой-чинсан, его сын Бубой-мирдза, его сын Ханай-ноян Хонгор, его сын Туру Байху Гуши-хан, его сын Джигшиху Мэргэн-хаган, его сын Радна Далай-хаган⁵. Как видно, летопись не связывает хошудов с Хабуту-Хасаром.

¹ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un Niruca tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л., 1941. С. 169–170

² Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 22

³ Аврорин В.А. Основные закономерности сочетания согласных в нанайском языке // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 216–217

⁴ Ш. Норбо. Зая-Пандита. Элиста, 1999. С. 147–148.

⁵ Шара-туджи. Монгольская летопись XVII века. М.: АН СССР, 1957. С. 160.

Ю. Лыткин в «Материалах по истории ойратов» пишет, что у хошудского владельца Хан нойон Хонгора, жившего в середине XVI столетия, были две жены — от супруги Ахай хатун родились *табун барс*, от жены, взятой из подвластных, — Хамига Бекту и Хайнук Тушиету.

Эмчи Габан Шараб в «Сказании об ойратах» говорит, что Ахай хатун назвала своих сыновей их *табун барс*, т. е. пять барсов: 1. Байбагас батур, 2. Темеде Уйзан Кундулен Дюргечи Убаши (Кундулен Убаши), 3. Тйоре барихуни Дай Гуши, шашин барикчи — Номин хан Гуши (Гуши Номин хан), 4. Засакту-чинг батур и 5. Буян хатун батур (Буян Отхон)¹.

В «Сокровенном сказании монголов» (§ 249) говорится, что Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингисхана царевну по имени Чаха со словами: «Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы».

Как видно, здесь слова *Хашинский* и *Тангутский* выступают как синонимы. Это же подтверждает Рашид-ад-Дин²: область Тангут была известна монголам под именем *Kaumi (Kashi)*, или *Koши (Koshi)*. Клапрот дает перевод соответствующего места из Рашид-ад-Дина, где говорится, что страна тангутов называется также *Hoа-si*, это же по-китайски означает ‘запад большой реки’³. Когда Кашин, сын Угедей-каана, скончался, имя Кашин стало запретным. С этого времени снова называют эту страну Тангут.

К.Д. Оссон также говорит, что Чингисхан только что завоевал царство Каши, когда у его сына Оготая родился сын. Новорожденный получил имя Каши, но он умер молодым, и тогда дали стране название Тангут⁴.

¹ Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста. Калм. кн. изд-во. М., 2003. С. 416.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 2. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 143.

³ Bretschneider E. Medieval reseaches from eastern asian sosources. I. p. 185, прим. 518.

⁴ д’Оссон К. История Монголов. Иркутск, 1937. С. 75.

Академик В.В. Бартольд пишет, что во второй половине IX в. в местность с городом Бешбалык пришли уйгуры, вытесненные из Монголии киргизами. Это произошло «в 860 г. ... Другое княжество было основано уйгурами в пределах собственно Китая, где теперь город Ганьчжоу... В XI веке одному тибетскому народу, тангутам, удалось отнять эту область у уйгуров и основать здесь свое государство, которое впоследствии было покорено монголами, области с тех пор было присвоено наименование Тангут»¹. Н.Я. Бичурин (Иакинф) отмечает, что «название Жун принадлежало тангутам, обитавшим от Хухэнора на восток, от Китая на запад, почему китайцы еще называли их Си-Жун, западные жуны..., что в период брани царств монголы удалились в Халху, тангуты — к Хухэнору»². «Тангутские поколения, поражаемые китайцами, всегда отступали к Хухэнору, как средоточию сил их»³.

В другом месте Рашид-ад-Дин говорит, что Тангутское государство (Си-Ся) возникло в X в. н. э. и просуществовало до 1227 г., когда оно было покорено Чингисханом. В начале IX в. оно объединяло ряд мелких княжеств северо-западной окраины Китая, а в 30-х гг. того же века тангуты захватывают долину Эдзин (Эцзин)-гола, на юге пустыни Гоби, где возник город Идзинай, известный у нас под монгольским названием Хара-Хото⁴.

Известный калмыцкий языковед, переводчик «Сокровенного сказания монголов» П.А. Дарваев генезис хошудов, как кажется, справедливо связывает с сяньбийцами, в 312 г. пришедшими на плоскогорье Цайдам и на берегах Кукунора основавшими царство Тогон⁵.

¹ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 51.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 11.

³ Там же. С. 44.

⁴ Рашид ад-дин. Указ. соч. Т. 1. С. 132. Прим. 2.

⁵ Дарваев П.А. Калмыцкий язык в свете теории культуры языка и речи. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 15.

Бурятский ученый Р.Н. Дугаров, исследователь тибетской хроники «Дэбтэр-чжамцо», пишет, что, согласно преданиям, в древности с Ляодунского полуострова в долину Желтой реки перекочевала часть племени муюн, названная позднее тогонами, или монголоязычными хорами. В 312 г. они направились в Кукунор во главе со старейшиной Тогоном. Орда Тогона облюбовала горные долины Кукунора и верхнего течения Желтой реки¹.

Господство сяньбийцев муюн в Кукуноре было значительной вехой в истории края. Они сумели создать прочное государство, которое долгое время играло значительную роль в политической истории Центральной Азии². К IX в. они расселились от Ордоса и Алашани до верховий Желтой реки и входили в состав владений тангутов и тибетцев Цзюесыло³. В XI в. южные группы аши (тогон) вошли в состав объединения тибетских племен Цзюесыло, а алашанские и другие северные группы стали подданными Тангутского государства Си-ся (927–1227 гг.)⁴. Видимо, такой генетической и языковой близостью можно объяснить легкость вхождения их в состав монголов (ойратов) и полную ассимиляцию их языка с монгольскими. Однако, автор не совсем четок в отношении этнонима.

Искомое слово прослеживается также в работе В.Е. Войтова в названии местности «Хушо-Цайдам», расположенной на правом берегу р. Кокшин Орхон (приток Орхона) в 2–3 км к юго-западу от соленых Цайдамских озер⁵. Далее В.Е. Войтов сообщает, что в

¹ Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» — источник по истории монголов Кукунора. Новосибирск, 1983. С. 7.

² Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение: опыт экспериментально-фонетического исследования. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. С. 136.

³ Викторова Л.Л. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука; Глав. ред. вост. лит., 1980. С. 138.

⁴ Дугаров Р.Н. Указ. соч. С. 10.

⁵ Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958). // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 116.

1890 г. Н.М. Ядринцев выдвинул предположение, что памятники Хушо-Цайдама являются наследием уйгуров или киданей¹.

К.Д. Оссон отмечает, что государство Ся (Hsia), которое монголы называли тогда Хашин, а потом Тангут, состояло из северной части Шеньси и местностей, граничащих с этой китайской провинцией к северу и западу от Великой стены, к востоку и югу оно граничило с империей чжурчженей или Цзинь (Kin). Город Ся-чжоу теперь называется Нин-ся, расположенный в северной части Шеньси, был столицей государства. Название Каши или Коши является искаженным наименованием Хо-си (Ho-si), что по-китайски значит 'к западу от реки (Желтой реки)'. Имя Тангут по-монгольски значит 'страна Тан', т. е. династия, которая там царствовала, происходила от кочевой народности Тан-сян².

Лубсан Данзан также отмечает, что *Qasin* — одно из названий государства тангутов, встречающееся в средневековых монгольских летописях³.

Также можно встретить и другие варианты этого имени, например, Борагул-нойон был эмиром тысячи и заместителем Боорчи-нойона, принадлежал к числу старших эмиров и старых друзей Чингисхана, был из племени *хушин*⁴.

В монографической работе Шилэгийн Норбо «Зая-пандита» говорится, что Удумту-хашиха был хошуд, подданный Цэцэн-хана. Цэцэн-хашиха также был хошудский князь, который погиб в сражении, защищая Цэцэн-хана. Как видно из этих примеров, представители хошудского рода нередко имели в составе своего имени компонент хашиха. Слово хашиха, как отмечает Ш. Норбо, означает 'меткий стрелок' и в старину являлось у монголов одним из знатных титулов⁵.

¹ Там же. С. 117.

² д'Оссон К. Указ. соч. С. 75.

³ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М., 1973. С. 339. Комм. 34.

⁴ Рашид ад-Дин Указ. соч. Т. I.2. С. 268.

⁵ Норбо Ш. Зая-Пандита. Элиста, 1999. С. 279–280.

Значение ‘меткий стрелок’ вполне могло быть, если слово *хашиха* представить как *хаши-ха* из *хаши-ка*, где *ха* из *ка* ‘богатырь, воин, телохранитель’. Вполне возможно, что и титул давался известным выходцам из *Хаши*. Отсюда выражения Удумту-хашиха, Цэцэн-хашиха, видимо, надо понимать как Удумту-Хошудский, Цэцэн-Хошудский, подобно тому, как имеются имена: Таргудай-Кирилтух, Дмитрий Донской, Александр Невский, Александр Македонский и т. д. И слово хашиха, вероятно, надо ставить в один ряд со словами хашин, хошин, хушин, которые восходят к китайскому *хэ-син* ~ *хоа-син* ‘к западу от реки’.

Возникает предположение, что хошудские владельцы, и не только, раньше знали происхождение своего имени. Ю. Лыткин пишет, что хошудский Туру-Байху получил титул Гуши хан¹, который, как кажется, является фонетическим вариантом *хашин* ~ *хошин* ~ *хушин*.

Географический термин китайского языка *хэ-син* ~ *хоа-си* ‘запад большой реки’ на монгольской языковой почве стал этнонимом. Схематически это можно передать как *хэ-син*~*хоа-си* > *хашин* -*хушин* ~ *хошин* > *хошуд*. Современное этническое имя *хошуд*, как кажется, является формой множественного числа от его среднего огубленного варианта *кошин* (o-si) > *хошуд*. Что касается средневековых различных написаний этого имени в виде *хошеут* ~ *хошоут*, то это является старописьменной монгольской орфографической формой передачи на письме долгих гласных через двоегласие.

Хошуды в составе монголов, ойратов приняли самое активное участие в их формировании. Акад. Б.Я. Владимирцов говорит, что хошуды — ойратское племя, представители которого разбросаны по разным местам; те из них, которые кочуют по

¹ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. С. 419

р. Булгун в Западной Монголии, по языку принадлежат к говору Торгут-Алт., а хошуды с Волги — к говору Торгут.-Астр.¹.

Таким образом, этноним *хошуд* имеет монгольское происхождение из китайского *хо-си* ‘западнее Желтой реки’, что указывает на места их первоначального обитания. Только на монгольской языковой почве китайский географический термин приобрел значение этнонима. Хошуд — монгольское название тангутов, постепенно полностью заменившее его прежнее наименование. Так, может быть, прольется свет на решение проблемы происхождения народа тангуд, исчезнувшего с лица земли. Вовлеченные в круговорот общемонгольских движений, тангуты были активными участниками этногенеза монгольских народов.

¹ Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. Вып. 33. Л., 1929. С. 11.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ХОЙТОВ ¹

Ойраты — монголоязычный народ, предки современных калмыков, издревле были многочисленны и подразделялись на несколько этнических групп.

Летопись «Эрдэнийн Тобчи» Саган Сэцэна возводит ойратов к четырем сыновьям Дува-Сохора — Доною, Докшиту, Эмнегу и Эркегу, которые явились родоначальниками олетов, батутов, хойтов и кергутов². На наш взгляд, имя Эркегу могло стать эпонимом для племени эркетенов, название которых имеет значение ‘своенравный’.

В данной статье уделяется внимание одной из основных этнических групп ранних ойратов — хойтам. Этимология этнонима *хойт* учеными трактуется по-разному. Г.О. Авляев возводит к слову *хөн* ‘овца’, что вызывает некоторое сомнение. Значение слова *хойт* ‘север’³ связано с попыткой этимологии термина в соответствии с географическим, якобы северным расселением хойтов. Но что означает термин *север*, всегда ли хойты были «северными»? Шилэгийн Норбо пишет, что в XVII в. хойты кочевали на самой южной окраине ойратских владений, в Зултусе и по трем рекам Ташигай по соседству с хотонами⁴. По мнению автора, вполне вероятен вариант сближения термина *хойт* с названием древних самодийских групп *сойот* ~ *сойит*. Такое сближение фонетически не лишено основания: переход *c* ~ *h* зафиксирован в ряде языков народов, этногенетически родственных ойратам.

¹ Убушаев Н.Н. К проблеме этногенеза хойтов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 102–106.

² Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб. и исправ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 196.

³ Нямсамбу Х. Монголын угсаатны зүй. Удиртгал. Сурах бичиг. Улаанбаатор, 1992; Жуковская Н.Л. Хойты. Народы и религии мира. М., 1998.

⁴ Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.

Б.О. Долгих¹, ссылаясь на этнографические данные, пишет, что род сойта среди хантайских энцев — пришлый, и общим является мнение, что сойта лесного, южного происхождения. В другом месте Б.О. Долгих сообщает, что родоплеменное название *сойоны* — сойоты довольно широко было распространено в южной Сибири на Алтае и Саянах, а в XVIII–XIX вв. и даже гораздо раньше — в XVII в. русские называли сойотами всех тувинцев².

Появление ойратов, вместе с ними и хойтов, относят к VIII веку³, задолго до появления их на исторической арене в XII в. Как видно, в литературе используется разная хронология, к тому же неизвестно, насколько является монгольским чередование с//х (сойит — хойт, бурят. сайн — хайн, или кит. хунну — сюнну).

С.И. Вайнштейн приводит два предания о происхождении рода соян у тоджинцев. По одному из них сояны — коренные жители Тоджи, по другому — выходцы из Монголии⁴.

Б.О. Долгих этноним сойоты считает старинным наименованием всех тувинцев, названием наиболее древнего этнического элемента, населявшего этот район до самодийцев, кетов, тюрков и монголов⁵. Название сойт — это монгольская форма множественного числа от слова *сойон*, — пишет Б.О. Долгих, — но весьма вероятно, что сойонам пришлось не раз сменить свой язык, да и в XIX в. часть их потомков говорила по-тюркски (Тува), другая — по-монгольски (Тунка), а третья — по-самодийски (Нижний Енисей)⁶. Л.П. Потапов также пишет, что название

¹ Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970.

² Там же.

³ К столетию со дня смерти Д. Банзарова (Материалы научных сессий и статьи). Улан-Удэ, 1955. Примеч.

⁴ Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961. С. 23.

⁵ Долгих Б.О. Указ. соч.

⁶ Долгих Б.О. Указ. соч. С. 245.

соеты (*сойот* — мн. число от монгольского слова *сойон*) вовсе не изобретено русскими служилыми людьми XVII в., а бывало у северных монголов¹.

Возможно, авторы правы, говоря о монгольском происхождении термина *сойот* — *сойит*. Но независимо от этого, на монгольской языковой почве история знает имя хойт, основного компонента первых ойратов. В «Шара туджи» говорится, что хойты составляли один из четырех туменов ойратов².

Этимология имени *хойт* автором этих строк возводится к названию тотемного животного с корневой консонантной структурой по В.М. Иллич-Свитычу *k(j)n / κ(j)l/κ(j)r* со значением ‘волк, собака’³, ср. фин. *koira* «собака», англ. *kojot* ‘волк’, русск. *kajur* (каюр) ‘погонщик собак’, арм. *гайль* ‘волк’ и т. д. Сюда очень удачно подходит и слово *qojit* (*хойит*).

С.К. Хойт отмечает, что в составе ойратских групп Российской Федерации хойты сохранились лишь в виде немногочисленных родов, что не помешало, однако, включить их в алфавитные перечни национальностей и языков Всероссийской переписи населения 2002 г.⁴ В середине XIX в. П. Небольсин в Хошеутовском улусе отмечает 150 кибиток хойтов, помимо этого около, сотни кибиток находились в разных хотонах, так как население было привлечено к разным работам⁵. По данным

¹ Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 27.

² Шара-Туджи. Монгольская летопись XVII в. М.: АН СССР, 1957.

³ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b–K). М.: «Наука», 1971. С. 19.

⁴ Алфавитные перечни национальностей и языков для кодирования ответов на вопросы 7 и 9 форм К и Д и вопроса 6 формы В переписных листов Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2002.

⁵ Небольсин П.И. Очерки Волжского Низовья. СПб.: Тип. МВД, 1852.

А.Г. Митирова, хойт-хахачинеров насчитывалось 97 кибиток¹. В Харахусо-Эрдниевском улусе отмечается 111 кибиток².

Хойты в различные периоды кочевали на большой территории, простиравшейся от алтайских стран до Тарбагатая, в верховьях рек Или и Юлдуз. Они были довольно многочисленны, так как, по данным Г.С. Лыткина, могли выставять в XVI в. до 8 тысяч воинов³. Во второй половине XVIII в. в одном только хойтском улусе Эльзе Орошиху насчитывалось 800 кибиток⁴. В 1756–1757 гг. пришли на Волгу 25 000 ойратов из Джунгарии. Это были группы хойтов, торгутов, зюнгар, уцелевшие после военных столкновений с цинскими войсками в Джунгарии.

Среди калмыков известны следующие группы хойтов: кукунорские хойты, батудские хойты, хотогойты и собственно хойты⁵. Эти группы хойтов зафиксированы среди донских калмыков. Также они широко были распространены среди других групп калмыков.

Родословная хойтских нойонов и их происхождение по ойратским и калмыцким источникам уводят к эпохе Дува-Сохора и его потомков (IX в.). Из истории известно имя Хутуха-беки, предводителя ойратов XII–XIII вв., современника Чингис-хана. Его генеалогическая линия прослеживается до нойона Церен-Надмита Тюменя и далее:

Хутуха-беки

Инальчи, Торольчи

Вачиртай Мингату

¹ Митиров А. Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 62.

² Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб. и исправ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 174.

⁵ Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. С. 12–15.

Сутай Мингату
Йобоган-Мэрген
Эсельбей (суту Мингату)
Сайн-Ка
Ном-Далай (в «Шара Туджи»)
Солтан-тайджи
Уйзан-Хошучи (Цосхин в «Шара Туджи»)
Батур-Себтен
Бата-Нойон
Деджит
Тюмень-Джиргалан
Сербеджаб, Церен-Дондок, Батур-Убаши, Церен-Норбо
Церенджаб, Церен-Дорджи Бата-ка, Батур-ка
Церен-Надмит Константин¹.

Ойраты проявили лояльность к монголам, нейтралитет в найманской кампании и покорность Чингис-хану. Правящим домом у ойратов был хойтский, правителем — хойтский Хутуха-беки. Чингис-хан после мирного присоединения крупного объединения ойратов выдал своих дочь и внучку за сыновей хойтского Хутуха-беки: за младшего Инальчи — дочь Цецейкен, за старшего Торольчи — внучку Холуйхан, дочь своего старшего сына Джочи. С этого времени ойратские князья Инальчи и Торольчи стали зятьями Чингис-хана, а ойраты (*хойты*) как бы считались внуками (*зе*). Хутуха-беки называл Чингис-хана «Эгчиге», что означает «отец»². Внукам Худуха-беки сам Чингис-хан доводился дедом по женской линии и обязан был по обычаю оберегать и защищать хойтов как потомков своей дочери³.

¹ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб. и исправ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 308–309.

² Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1952. т. I, кн. 1. С. 107.

³ Авляев Г. О. Указ. соч. С. 120.

Согласно источникам известно, что когда дочь Цецейкен уходила из дома, Чингис-хан спросил её, что она желает получить в приданое. Дочь попросила у отца его девятиножное белое небесное знамя. Отец отказал ей, сказав, что он хан, властитель, и не может отказаться от символа своей власти. Тогда Цецейкен тайно увезла знамя¹. С этого времени ойраты племени хойт стали считаться хранителями белого знамени Чингисхана и их стали называть *цаган туг хойт* ‘хойты белого знамени’. Из аристократического рода *цаган туг хойт* происходит известный Амурсана, имевший под своей властью около 5 тысяч семейств².

Имя *цаган туг хойт* известно среди других народов. Л.П. Потапов среди алтайцев отмечает *сеок* (род) Чагандык и объясняет их имя названием реки Чаган, на которой они проживают³. Однако алтайский ученый Екеев Н.В. в слове *чагантык* (*чагандык*) видит *чагантук* и допускает, что чагантыки являются частью хойтов, вошедшей в состав теленгитов в середине XVIII в.⁴.

Хойты составляют основное ядро каракольских калмыков, потомков хойтского Солтан-тайши.

Переход к ойратам (хойтам) белого знамени Чингис-хана имел большое политическое значение. Название знамени стало эпитетом к имени хойт. Как уже отмечалось, они стали называться *цаган туг хойт*. По нашему мнению, со временем название знамени *цаган* вытеснило название хойтов. Они стали называться цагатан ‘владеющие белым’, а потом просто *цаатан*.

¹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. С. 325.

² Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М.: Наука, 1964. С. 437.

³ Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. С. 33.

⁴ Екеев Н. В. Алтайская этногония (вопросы состава, типологии, этимологии, стратиграфии) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2002. №8. С. 120–136.

Сетование С. К. Хойта, что хойтов осталось мало¹, с одной стороны, справедливо. С другой стороны, если учесть, что часть хойтов поменяла свое имя и называется цагатаны — цатаны, их численность не столь и мала.

Возникает вопрос: какая же часть поменяла свое имя? По нашему мнению, та часть, которая была наиболее приближена к власти, кто более всего контактировал с новым белым знаменем. Так цатаны зародились при дворе Хутуха-беки как аристократический род. Периферия ойратов, хойтов не была так сильно подвержена магии белого знамени. Она сохранила свои первоначальные имена, вот почему наряду с новым именем цатан существовало старое имя — хойт, и перед именем хойт нередко стоит какой-нибудь эпитет — кукунорские, будермесские, уйгурские (хотохойт): территория, регион обитания были немалыми.

Калмыки-цатаны подразделяются на следующие группы:

1. Бага цатаны — «младшие цатаны»
2. Аха цатаны — «старшие цатаны»
3. Эркетен цатаны — «эркетеновские цатаны»
4. Керейт цатаны — «кереитские цатаны»
5. Гурвуд цатаны — «гурвудские цатаны»
6. Цатаны — «просто цатаны»
7. Цатаны-хорняхины — «цатаны хоринахины» и др.

Бага-цатаны — «младшие цатаны» — называются так, потому что по происхождению относились к Инальчи, младшему сыну Хутуха-беки и назывались еще *унһн махн цаатн* ‘коренные, истинные цатаны’. Термин *унаган* Б. Я. Владимирцов передает как ‘старинный’². Истинными, коренными, основными они назывались потому, что белое знамя Чингис-хана хранилось у них, после того как появилось вместе с Чечейкен.

¹ Хойт С.К. Об этнониме хойт // Этнографическое обозрение. 2005. №6. [Электронный ресурс] http://journal.iea.ras.ru/online/2005/ЕОО2005_5с.pdf.

² Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. С. 64.

Багацатановский улус как наследственное владение принадлежал сыну Аюки-хана Гунделеку. После него более 2000 кибиток принадлежало его вдове Даши-Бирюн. Затем улус перешел хану Дондук-Даши и от него к Убуши-хану, составив багацатановский аймак в Эркетеновском улусе.

В 80-х гг. XIX в. Багацатановский аймак из Эркетеновского вошел в Яндыко-Мочажный улус. У. Э. Эрдниев отмечает, что цатаны в количестве до 1000 кибитко-хозяйств расселились на территории Яндыко-Мочажного и Эркетеновского улусов, к югу от современного города Каспийский (ныне Лагань) вплоть до границы с Дагестаном¹. Помимо этого, цатаны были распределены по разным владельцам. Так, у Момунту Убаши было 82 кибитки, также они значатся в аймаке зайсанга Гюнцик Арши и других лиц из улуса Баксадая-Доржи, сына Чагдорджапа. Только у одного Дондук-Даши в 1733 г. генерал-поручик князь И. Ф. Барятинский отмечает «младших» (у него — малых) цатанов — 3500 кибиток².

Особая значимость бага цатанов подтверждается также материалами обрядности. К примеру, во время жертвоприношения, проводимого ежегодно на месте кремации Дондук-Даши, сердце жертвенного животного вкушают только представители багацатанов, как кровные родственники хана по мужской линии. Так, Бахатин Монка (*Даран эцк*) с 12 лет выполняет данную роль, вкушая сердце животного во время обрядов (ПМА, информант Г. К. Наранова, 1914 г. р., ст. Улан-Хол).

Аха-цатаны ‘старшие цатаны’ — называются так потому, что относились к Торольчи, старшему сыну Хутуха-беки. В период правления хана Аюки существовал Аха-цатановский улус, позже распределенный между наследниками. Так, например, при

¹ Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С. 70.

² Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М.: Вост. лит., 2003. С. 235.

разделе большого улуса Чагдорджапа (8 тыс. кибиток) между 12-ю наследниками в улусы его сыновей Баксадая-Дорджи (Петра Тайшина), Яндыка и Бусурмана-Тайджи вошли группы цатанов и керейтов.

К аха-цатанам относятся также терские калмыки. Они после смерти владельца улуса Яндыка, не желая оставаться в подчинении его жены Битюки, со своим зайсангом откочевали на Терек. По данным источников известно, что в 1777 г. по приказанию астраханского генерал-губернатора Потемкина для увеличения численности Моздокского казачьего полка были переведены туда 80 кибиток калмыков Яндыковского улуса ахацианова рода. Вероятно, впоследствии были переселены или сами перешли еще несколько кибиток. В 1780 г. в Моздокском полку насчитывалось уже 200 кибиток, позже их численность составляла 328 кибиток или 1600 душ обоего пола. Общее число терских калмыков в начале XX в. было 895 кибиток с 4392 душами обоего пола¹.

Князь И. Ф. Барятинский, специально занимавшийся количеством поданных калмыцких владельцев, отмечает, что «старших» (у него — большие) цатанов:

- у Баксадая — 700 кибиток
- у Бодонга — 200 кибиток
- у Данжин Доржи — 500 кибиток
- у Чидана — 600 кибиток
- у Баты — 500 кибиток
- у Дайчина — 200 кибиток
- у Доржи Раши — 200 кибиток
- у Гончак Джапа — 200 кибиток².

Как видно, численность аха-цатанов была в пределах трех тысяч кибиток, или около пятнадцати тысяч человек. Следует

¹ Бурдуков Н. Ф. Митричен Кристен. Терские калмыки: 1777–1905 гг. СПб., 1906. 38 с.

² Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М.: Вост. лит., 2003. С. 235.

отметить, 700 кибиток аха-цатанов Баксадая (Петра Тайшина) после его смерти были поселены вдовой княгиней Анной Тайшиной в новом городе Ставрополь-на-Волге. Петр Тайшин имел в своем владении улус, состоящий в основном из цатанов и части керейтов, т. е. его отцу — Чагдорджапу принадлежали все керейты и аха-цатаны. Позже на базе ставропольских образовались оренбургские калмыки, по данным 1893 г. которых насчитывается 1 288 человек¹. Среди ставропольских, затем оренбургских калмыков (аха-цатанов), видимо, также были выходцы из бага-цатанов. Так, багацатановский род шикрәхен арвын до самой Октябрьской революции поддерживал родственные связи с оренбургскими калмыками.

Что касается группы керейт-цатаны, то возможно, что совместное пребывание и тесные контакты способствовали появлению понятия «керейтские цатаны».

С другой стороны, исторически среди керейтов зафиксирован род сакаит, который вполне мог иметь определенные связи с цатанами. Эта близость, как кажется, нашла отражение в песне о Миитр-нойоне:

<i>Кер алгинн тавтаднь</i>	— Пока справен гнедо-пегий
<i>Керәд-цаатнанн мендднь</i>	— Пока здравствуют керейт-цатаны
<i>Келәд дэврде</i>	— Предупредив нападающий
<i>Хөрн хойрта Миитр-нойон</i>	— Двадцатидвухлетний Миитр-нойон.

Этногенетическое родство керейтов и цатанов можно предположить, исходя из анализа и боевого клича керейтов и цатанов. У керейтов уран *туула* «заяц», у цатанов *туулан тоха* локоть зайца. О близости этих двух групп также свидетельствуют наши информанты.

¹ Митиров А. Г. Ойраты – калмыки. Века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. С. 341.

Группа керяд цатан зафиксирована также и среди донских калмыков, причем, по мнению информантов, некоторые ошибочно говорят об этой группе *натан-кереит*. По данным Ш. Норбо, близость происхождения двух этнических групп отражена в поговорке *керэ шаазһа хойр өрвлгин йлһл, керэд цаатн хойр үгин йлһл* «ворона и сорока — различия в перьях, керейты и цатаны — различия в словах (названиях)».

Эркетеновскими цатанами считаются выходцы из бага-, аха-цатанов, постоянно проживающие в Эркетеновском улусе. К представителям этой группы относятся известные калмыцкие писатели Н. Манджиев, Б. Басангов, А. Кукаев, Б. Манджиева и В. Шуграева.

Гурвуд-цатаны подразделяются на ики-гурвуд, бага-гурвуд и шиид-гурвуд. Понятие *гурвуд* среди цатанов обозначает кровнородственное объединение типа арванов, торелов. В народной памяти сохраняется знание об их принадлежности к цатанам, через них к хойтам, что свидетельствует о том, что они в составе древних хойтов могли стоять у истоков ойратства. То же самое можно сказать о цатанах-хорняхинах. Они относятся к древним родам среди цатанов и подразделяются на больших, малых и плохих (*му хорин*). Слово *хорин* нередко понимают как число 'двадцать' и шутливо говорят: «Чем быть плохой двадцаткой, лучше быть хорошей десяткой».

Таким образом, среди хойтов — одного из основных племен ойратов, появилась аристократическая по происхождению группа *цаган туг хойт*. Это имя затем трансформировалось в цагатан-цаатан. В настоящее время в мире существуют хойты, сохранившие свое древнее славное имя, и цатаны, которые составляли улусы ханов Мончака, Дондок-Даши, Убаши. В этническом плане родственными хойтам являются каракольские калмыки, потомки Солтан-тайши.

Основной отличительной чертой языка этих народов является гипертрофированное чаканье, особенно у цатанов и каракольских калмыков.

О *ТОХАН КЭСЕГ* И ДРУГИХ ЭТНОНИМАХ ¹

До настоящего времени почти не изучены представляющие ценный материал для исследователей, обычно не фиксировавшиеся в официальных документах, но существовавшие в быту калмыков мелкие этнические деления внутри калмыцких аймаков типа арбана, торела, ясуна².

В данной статье делается попытка рассмотреть вопрос о труднообъяснимых названиях мелких калмыцких родов *тохан кэсег*, *зээкен кэсег*, *наатан* и других.

По свидетельству И. А. Житецкого, в Икицохуровском улусе (ныне Яшкульский район) функционировали: большой эмчи Цаатанов хурул, Мало-Цаатанов (бага-Цаатанов) хурул, Цаатанов хурул (1884 г. в урочище Чилгир). В большой Эмчинов хурул ученики-манджики поступали из четырех родов: тохан кисик, эмчин (или ботхан) шабинерова, кетченерова и эльжигутского родов³.

У. Э. Эрдниев также отмечает, что в бывшем Икицохуровском улусе обитали группы под названием *зекен кисиков род* и *тохан кисиков род*⁴. По мнению Г. О. Авляева, эти этнические группы издавна входили в Икицохуровский улус Калмыцкого ханства и в документах зафиксированы как аймаки; ученый считал их родственными. Название «*тохан кэсег*» Г. О. Авляев справедливо

¹ *Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 107–109.*

² Авляев Г. О. Этнический состав и расселение калмыков Икицохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX и начале XX в. // *Этнографические вести. № 3. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. С. 103–126.*

³ Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 годов. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. С. 50–57.

⁴ Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С. 77.

связывает с бага-цаатанским ураном *туулан тоха*, что значит «локоть зайца»¹.

Слово *кэсег* значит ‘часть’². Тогда *тохан кэсег* «часть локтя», *туулан тохан кэсег* ‘часть заячьего локтя’. Это название является кличем определенной родовой группы и обозначает их как часть носителей урана *туулан тоха*. Представителями этнической группы и носителями такого урана *туулан тоха*, как отмечает Г. О. Авляев, являются цаатаны, бага-цаатаны, расселявшиеся широко в Икицохуровском улусе и имевшие в этом улусе, по свидетельству И. А. Житецкого, три хурула. Для сравнения скажем, что в бага-цаатанском аймаке Эркетеновского, позже Уланхольского, улуса имелось два хурула — в местности Цаган-Овеста и в хотоне Кююкед³.

Роды *тохан кэсег* и *экен кэсег*, как уже отмечалось, Г. О. Авляев считает родственными между собой. При этом первый возводит к цаатанам, стало быть, и второй тоже восходит к ним. Поэтому более полное название первого рода должно быть *туулан тохан кэсег*, ибо уран, боевой клич цаатанов, применяемый ими во время военных действий и в дни торжеств — *туулан тоха*. Название «тохан кэсег» говорит о том, что его носители после ухода основной части вместе с Бокширги на Дон представляют только часть целого и по своей численности составляют 157 кибиток⁴.

Представители род *экен кэсег*, по нашему мнению, могут с некоторой долей вероятности являться потомками Чечейкен,

¹ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб. и исправ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 131.

² КРС — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 296.

³ Бадмаев Б.Ш. Цаатанские хотоны // Церенов В. Эркетени. Земли и люди: Из истории Черноземелья. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 109–110.

⁴ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб. и исправ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 132.

дочери Чингис-хана, в 1207 г. вышедшей замуж за Инальчи, младшего сына ойратского предводителя Хутуха-беки, предка цаатанов. Название рода переводится как ‘часть, доля племянника по женской линии’, т. е. отражает систему аванкулата. Хойты, затем цаатаны считались внуками Чингис-хана — *зээнep*¹. Поэтому часть Икицохуровских цаатанов, оставших от нойона Бокширга, видимо, взяли себе название *зээкэн кэсег*. Слово *зээкэн* представляет собой родительный падеж от *зээ*, его уменьшительной формы *зээкэ* ‘внук, внучок’ (ср. *чон* — *чоңка* «волчонок», *миис* — *мишкэ* ‘котёнок’).

П. Э. Алексеева и А. Э. Борманджинов также считают, что представители рода *зэд/зээд* могли быть потомками ойратских племен хойтов и батутов, считающихся по женской линии чингисидами (от слова *зээнep*, т. е. внуки по женской линии (Чингис-хана от дочерей, выданных замуж за предводителей покоренных племен)². Эти исследователи отмечают наличие группы *маанин зээд* и считают, что в нее входили представители *зээдов*, связанные со службой в буддийских храмах (хурулах). На наш взгляд, авторов ввело в заблуждение слово *маанин*, которое они восприняли в значении ‘молитва’. Более правильным считаем исходить из значения *маань* ‘знамя’ (ср. выражение из родовой атрибутики цаатанов *маштыг цаган маань* ‘низкое белое знамя’). В соответствии с данным значением этимология названия *маанин зээд* ‘внуки знамени, знаменные внуки’, т. е. потомки, связанные с белым знаменем Чингис-хана, увезенным его дочерью Чечейкен к ойратам (хойтам/цаатанам). Потомки рода *зед* теперь носят разные названия — *зээкэн кэсег*, *зээд*, *маанин зээд*, *көвүд зээд*, *зээд көвүд*.

Среди калмыков также имеются рода *ачиныр*, *авһыныр*, происхождение которых возможно рассматривать опять-таки

¹ Там же. С. 37, 120.

² Алексеева П.Э., Борманджинов А.Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. С. 9.

в связи с именем Чингис-хана, особенно *ачиныр* — *ачасы* (*ачи куукнэсен*) *нарсн ачиныр* ‘внучатые племянники’, как потомки Холуйхан, дочери Джучи, вышедшей замуж за Торелчи, старшего сына ойратского Хутуха-беки, предка аха-цаатанов. В настоящее время ачиныр расселены в Черноземельском районе, недалеко от бывшего бага-цаатановского аймака Эркетеновского улуса.

По данным М. М. Батмаева, к детям нойонов с малых лет приставлялся большой штат служителей, который обслуживал их на протяжении всей их жизни... Подобный штат служителей имели не только мальчики, но и девочки, а затем взрослые девушки и жены¹. Такой же штат в прошлом имели монгольские правители. Так, жена Чингис-хана Ибаку-беки, дочь кереитского Джака-Канбу, имела штат из 200 человек².

Происхождение рода абганеры (*авһыныр*), на наш взгляд, может быть связано с вышеуказанной традицией — ведь к хойтам/цаатанам, как сопровождение двух принцесс, как телохранители, пришел целый штат солидного сопровождения.

В 1710 г. икицохуровские нойоны Дондук-Омбо и Богширга самовольно ушли на Дон и стали кочевать по берегам Дона, Егорлыка, Сала, Куберле, Хопра. Икицохуровский улус принадлежал им обоим, но старший брат Дондук-Омбо женился на кабардинке Джан и ушел к родственникам жены в Кабарду, оставив улус на попечение Богширги. Согласно легенде, последний выбрал для своей ставки местность Богла и улус стал называться Богширкинский аймак³. Среди донских калмыков также есть род цаатн, представители которого, вероятно, пришли вместе с Богширгой и расселились по разные стороны выше отмеченных рек. Этноним

¹ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 52.

² Сокровенное сказание монголов. Анонимная монгольская хроника. 1240 г. / пер. П. А. Дарваева и Г. Г. Чимитова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. С. 208.

³ Унгарлинова Д.А. Из истории станицы Новониколаевской // Известия Калмыкии. 2000.15 дек.

«цаатн» стал восприниматься в зависимости от расположения по отношению к реке: «цаатн» стали воспринимать как ‘заречный’, а цаатаны, живущие с ближней стороны, стали называться *наатн* — ‘сюсторонний’, ‘с этой стороны’. Так появился новый этноним *наатн*, *наатын*, а наряду с названием *цаатн керэд* появилось *наатн керэд*.

Среди донских калмыков встречаются этнонимы *моңл*, *хар моңл*, *шар моңл*¹. Последний встречается чаще всего. Чтобы объяснить распространенность этнонима *монгол*, особенно *шар монгол*, среди калмыков, следует напомнить родовую атрибутику цаатанов:

<i>Маитг цаһан мааньта</i>	— с белым низким знаменем
<i>туулан тоха урата</i>	— с кличем «локоть зайца»
<i>шар моңл яста,</i>	— родом желтые монголы
<i>(Баһ) цаатн ээмг</i>	— (бага) цаатанский аймак.

Из этой атрибутики одни помнят «локоть», другие — «желтые монголы» (они распространены были во всех тринадцати станицах), третьи — просто «монгол», забыв о цвете. Иные представители приписали себе новые цвета, отсюда появилось название *хар монгол*.

Так из цаатановского клича-урана образовались названия *монгол*, *шар монгол*, *хар монгол*. Поэтому, можно сказать, все калмыцкие «монголы» являются выходцами из цаатанов. И в целом все перечисленные рода: *тохан кэсег*, *зээкэн кэсег*, *ачиньыр*, *авһыныр*, *зээд*, *маанин зээд*, *көвүд зээд*, *зээд көвүд*, *моңл*, *шар моңл*, *хар моңл* связаны происхождением с цаатанами.

¹ Алексеева П.Э., Борманджинов А.Э. Указ. соч. С. 17.

БАГУТЫ: ЭТНОС, ЭТНОГЕНЕЗ, ЭТИМОЛОГИЯ ¹

Среди торгутов известно этническое подразделение багуты, которые в основном проживают в Лаганском, Черноземельском районах, в городе Элисте, в Астраханской области, в Синьцзянском автономном районе Китая. В XIX в. багуты проживали также среди донских калмыков, была и станица Багутовская.

Известный калмыцкий историк, выходец из багутов, А. Г. Митиров пишет, что при Аюке-хане Багутовский улус состоял из 5 000 (в другом источнике — 6–8 тысяч) кибиток и был передан в наследство его сыну Церен-Дондуку, который в течение 10 лет был калмыцким ханом. После отстранения его от власти улус перешел к его преемнику — хану Дондук-Омбо, а от него — к хану Дондук-Даши и к его сыну — наместнику Калмыцкого ханства Убаши².

У. Б. Очиров пишет, что сын Аюки Церен-Дондук получил улус 6 тысяч багутов (вместе с другими этническими группами, входящими в этот улус)³.

По утверждению Г. О. Авляева, три брата Халу, Дойды и Моголцыг распределили Багутовский хотон между собой, удел старшего брата стал называться багут, среднего — дойда багут, и удел меньшего брата тоже присоединился к дойда багутам⁴.

А. Г. Митиров также отмечает, что после смерти Яндыка багуты были поделены между зайсангами и стали называться ики-багуты и дойда багуты⁵.

¹ Убушаев Н.Н. *Багуты: к вопросу об этногенезе и этимологии этнонима // Монголоведение. Элиста: КИГИ РАН, 2013. № 6. С. 196–205.*

² Митиров А. Г. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во. 2002. С. 84, 14.

³ Очиров У. Б. Расселение и этнический состав в XVIII–XX вв. // Калмыки. Сер. «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 49–50.

⁴ Калмыки. Сер. «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 112.

⁵ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб. и исправ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 266.

Ики-багуты — «большие, старшие багуты», их клеймо — Чиндамани (*Жиндмн*) «Драгоценность, исполняющая желания».

Ики-багуты о себе говорят:

*Чакчм гидг сәкүстә,
Манл гидг гүрмтә,
Ээж Маңһатн гидг үрәтә,
Дәрк гидг хурлта,
Луувр гелҗгин судр¹.*

Г. О. Авляев также отмечает, что родовым божеством калмыков Ики-Багутского аймака Яндыко-Мочажного улуса был «Көгшин-Чакчу», или «Чакчм», молитва их — Манла, хурул их — Ноган Дәрке, уран их — Эджи-Авгатан².

Ики-багутов также называют Халувга-багут (Халвһа) по имени зайсанга Халванга. А. Г. Митиров отмечает, что Багутовский аймак, входивший в состав Эркетеневского улуса, стал называться Халванг-Багутовским аймаком, а старший сын Халванга Габунг-Джамбо Халвангов более сорока лет владел аймаком Ики-Багутов³.

В 1894 г., в год смерти Басанга Менко-Убушаева, в Ики-Багутском аймаке насчитывалось до 600 кибиток. Кочевья их располагались по урочищам: Намтар, Цомок, Боран, Нюкта и другие⁴.

Дойда багуты («дойодские багуты»). Они так называются по имени зайсанга Дойода, сына Даши-Дондука. Олегце их «привеска к знамени, копью жениха», по словам К. К. Нактанова (1966 г. р.), белого и синего цветов. Бурулов Яков Болдыревич (1902 – 1998) в 1981 г. говорил, что уран Дойда Багутов — Хавчн Дээвд.

¹ Запись автора. Лагань. 21.07.83.

² Митиров А.Г. Указ. соч. С. 110.

³ Авляев Г.О. Указ. соч. С. 267.

⁴ Митиров А.Г. Указ. соч. С. 269.

Г. О. Авляев отмечает, что дойда багуты поклоняются бурхану «Мээдрин гегэн» и ураном их был клич «Дээвл», а тавро их «Чиндамани» (*Жиндми*), они жили оседло в населенных пунктах: Цомок, Сум, Бадрунгу и другие. К 1910 г. в Багутовском аймаке (Дойда Багуты и другие) числилось 1 354 семьи, или 5 483 человека¹.

Шарс багуты. По утверждению У. Э. Эрдниева, багуты делились на две группы: шарс багут и дойда багут, или ики-багут и бага-багут².

А. Г. Митиров в своей монографической работе «Истоки» пишет, что в Яндыковском улусе шарс багутов — 191 кибитка³.

Бадмагаряева Зоя Содкаевна (1925–2007), генеалогическое древо которой следующее: Чивхн — Содка — Лиджигаря — Зоя, рассказывала, что шарс делится на «Нарна Шарс» и «Манджин шарс». Сама же Зоя Содкаевна родом из Нарна шарс, внутри шарсов — *Шар Дээв*. Нарна шарс подразделяется на: *Шар Дээв*, *Нагут*, *Шөркс*, *Тавнахн*, *Орсахн*. Человек по имени *Шар Дээв* имел семь жён и соответственно много детей, от которых пошло потомство. *Нарна шарс* жили в населенных пунктах: Большой Малзан, Малый Малзан, Мангут, Ондрин селян, Куря, Цомок⁴.

Г. Ш. и М. В. Дорджиевы рассказывают о двух братьях по имени Наран и Манджи и разделении шарс багутов на два колена: Нарна шарс и Манджин шарс⁵.

Термин *шарс* нередко наблюдается в научной литературе. Так, известный монгольский ученый Х. Лувсанбалдан среди джунгарских дербен-ойратов отмечает рода: Чорос, Хошод, Торгут, Хойт, Жиред, Шарс, Махас⁶.

¹ Там же. С. 112.

² Авляев Г.О. Указ. соч. С. 26–27.

³ Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С.112.

⁴ Запись автора. 23.12.1995.

⁵ Авляев Г.О. Указ.соч. С.17, 134.

⁶ Дорджиева Г.Ш., Дорджиев М.В. Хотон Эндыр: Прошлое. Настоящее. Будущее? Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. С. 83.

Финский ученый Г. Й. Рамстедт пишет, что в олётском языке словом *шарс* называется какой-то народ и добавляет, что *шарс-махыс* — народ монгольского происхождения, живущий, должно быть, в Западной Европе¹.

Г. Н. Потанин отмечает, «что у киргизов встречается кость Сары-ногай, т. е. желтые ноги. . . У них есть какое-то мифическое племя шарыс-махыс»².

Как видно, имя *шарс/шарыс/шарас* сопровождается словом *махыс/махас*, которое мы склонны рассматривать как фонетический вариант слова махч(ин) в выражении *махчин керэд*, которое известный калмыцкий ученый А.В. Бадмаев передает как «природные керейты»³. Исходя из сказанного, выражение *шарс махс* будет иметь значение «природные, истинные, коренные шарасы».

Г. О. Авляев в составе дербетов отмечает шарнутов, известных в торгутовских улусах под названием шарад, входивших в ойратский племенной союз домонгольской эпохи, основной ареал которых охватывает территорию Прибайкалья, т. е. территорию расселения ранних ойратов. Поэтому шарнуты-шарады (шарасы) встречаются в составе ойратов, бурят и калмыков, имевших в прошлом тесные этногенетические и хозяйственно-культурные связи и взаимодействия.

Как видно, этноним шарс показывает их отношение к ранним ойратам — хойтам, цаатанам, которые *шар моңл яста* «желтой монгольской кости» и знамя которых, до прихода белого знамени Чингиса, было *салврха шар маани* «растрепанное желтое знамя», а шарасы, видимо, сохранили в своем имени отношение к желтому знамени. Вероятно, поэтому Х. Лувсанбалдан не зря отмечает шарасов среди ойратских племен. Известный

¹ Лувсанбалдан Х. Тод усэг, тууний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1975. С. 351.

² Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1976. Прим. 59.

³ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. Материалы этнографии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. С. 101.

калмыцкий хореограф Очиров Анатолий Георгиевич говорит, что шарас багуты считают себя *шар моңһлт яста* «жёлтой монгольской кости». Генеалогическое древо Очировых, их близких родственников, которое представил Анатолий Георгиевич, составлено в 1927 г. гелюнгом Цаган-Манджиевым Бодгр. Из этого документа видно, что они — шарс багуты, род — шёркс, по кости — желтые монголы, тавро — Чиндамани (Жиндмн) «Драгоценность, исполняющая желания».

По словам А. Г. Очирова, представляет интерес реакция одного монгола, который узнав, что он из рода «желтых монголов», восхитился и сказал, что не каждый монгол может так называться, что Чингис-хана в народе по имени не называли, а называли просто *Шар Монгол*.

Помимо указанных подразделений также можно назвать шин багутов, бухтын багутов и тоста багутов.

Шин багуты — жители населенного пункта, который так и называется — Шин Багут. Это новая группа ики багутов, переселенцев из Эркетеневского улуса в Яндыковский во времена Очки Менко-Убушаева. Они делятся на следующие кости: харнуты, эльджигуты, шарнуты, заамуты, хо-меркиты, бага-цохуры и другие. Отсюда Г. О. Авляев делает вывод, что ики-багуты в XIX в. имели смешанный, разнородный состав¹.

Помимо этого существует мнение, что шинбагутовцы, в основном, если не все, состоят из эркетеневцев. У. Э. Эрдниев отмечает, что после революции на территорию Багутовского аймака прикочевали разорившиеся калмыки из Эркетеневского улуса, они образовали Шин багут².

Бухтын багуты — это также жители одноименного населенного пункта Бухта. О бухтын багутах исследователи не говорят, однако, такое подразделение багутов было. Поскольку багуты в основном были речными, ильменными, морскими

¹ Авляев Г.О. Указ. соч. С. 112.

² Авляев Г.О. Указ. соч. С. 56.

рыбаками, то это их название, казалось, должно быть связано с родом их занятий и местом проживания. Так оно и вышло. Тальбиев Владимир Алексеевич (1965 г. р.), выходец из дойда багутов, потомок жителя поселка Бухта, представил схему расположения домов в пос. Бухта с указанием фамилий и количества детей в семье, также список калмыков — выходцев из пос. Бухта (Ракуша), умерших в Сибири с 1944 г. по 1957 г. (95 человек). Эту схему и список он получил от своего деда Тальбиева Босхи Манджиевича, горячо болевшего за судьбу своего народа, своих однохотонцев.

Поселок Бухта находился в излучине Лаганской банки, недалеко от современной «Ракуши», с которой потом слился. Поселок не был чисто багутским. Информант В. А. Тальбиев по схеме поселка, по фамилиям называет знакомых представителей других групп: Убушаев Харцха, Комушев Басанг, Комушев Харча и другие.

Тоста багуты, по словам информанта Дорджиева Михаила Эрендженовича (1943), — это жители бывшего поселка *Шар Луузн* Долбанского района Калмыцкой республики, в основном выходцы из дойда багутов, колхозники бывшего колхоза «Красный овцевод». Наименование *тоста багут* имеет несколько версий происхождения. Наиболее вероятным является то, что колхоз был богатым и, исходя из калмыцкой пословицы *мал асрхла — амн тоста* «растить скот — в жиру рот», соседи и местные жители эту пословицу перевели на себя и стали называться *тоста багут* — *багуты в жиру*, подобно выражению «как сыр в масле».

Этимологию этнонима *багут* некоторые пытаются объяснять от корня слова *баг* (*bah*), что значит «малый, незначительный». Такое самоуничижительное слово вряд ли стало бы названием этноса, тем более самоназванием. К тому же численность багутов убеждает в обратном. Они наравне с цаатанами, эркетенами являются одним из крупных компонентов торгутов. Не зря существует поговорка *эрктн, цаатн, баһуд һурвн эвтэ сэхн*

жирһнэ «эркетены, цаатаны и багуты прекрасно, мирно живут». Они все между собой перемешались, переженились, образуя единое торгутское население. Нередко можно услышать: *докшин барс жилтэв, дойда багут гергтэв* «родился в год свирепого барса и жена из дойда багутов». Перемешались даже бурханы багутов и цаатанов. Известный лаганский поэт Иван Убушаев не различает их, он пишет:

Молитвы кружат над домами.
Они — очистители душ.
Пусть слышат их наши бурханы –
И старец Чагчав, и Аюш¹.

Существует склонность возводить искомый этноним к выражению *bah керэд*, однако никто из исследователей это не разделяет. К тому же слово «керэд», как ведущее слово из этого сочетания, не должно было исчезнуть. Если следовать этой логике, то словосочетания *bah цоохр*, *bah дөрвд* должны будут превратиться в слово *bahут*. Поэтому эта версия, как ненаучная, отмечается.

У. Э. Эрдниев отмечает, как давно багуты входят в состав ойратов. Он говорит, что во время чингисидов ойраты выставляли сорок тысяч воинов в общемонгольскую армию. Такое огромное число под силу союзу племен, что союз ойратских племен состоял из багутов, батутов, хойтов и других².

Персидский историк Рашид-ад-Дин говорит, что племена баргут, тулас, туман, ойраты жили в Восьмиречье и Баргуджин-Тукуме³.

Г. О. Авляев справедливо возводит багутов и их наименование к баргутам, баргу-бурятам, которые назывались «братскими

¹ Эрдниев У.Э. Указ. соч. С. 35.

² Убушаев И.У. Джунгарский ветер. Элиста: Калм. кн. изд-во. 2008. С. 26–27.

³ Эрдниев У.Э. Указ. соч. С. 118, 121–122.

калмыками»¹ и в древние времена обитали в Прибайкалье, где также проживали предки калмыков — ойраты. Он утверждает, что термин *баргут* вследствие выпадения звука [р] в калмыцком произношении превратился в *багут*², видимо, подобно тому как название *аха-цаатановского рода баатут* образовалось от *баатр* «богатырь», или слово *ут* произошло от урту «длинный, долгий». На этой основе Г. О. Авляев считает, что калмыки-багуы происходят от средневековых баргу-бурятов, или баргутов, и являются их потомками. Далее, он вслед за «Сокровенным сказанием монголов» справедливо отмечает, что часть хоритуматов и баргутов после подавления их войсками Чингиса в 1207 г. отдали под управление ойратскому тайше Хутуха-беки. С этого времени, справедливо считает Авляев, часть западных протобурятских племен оказалась под влиянием ойратов и ассимилировалась в их среде. Здесь он ссылается на С. Козина, Ц. Б. Цыдендамбаева, Дамдинова и других³.

Ц. Б. Цыдендамбаев говорит, что тюрки баргутов называют *байырки*, что означает «примитивный, стародавний»⁴ и, следовательно, вполне идентично монгольскому *барга* «грубый, примитивный, стародавний, патриархальный». При этом автор упоминает, что у части протомонголов был тотем *собака*⁵. В калмыцком языке слово *барг* означает «волкодав».

Таким образом, баргуы-багуы значит «собаки, волкодавы». Обычно волк, собака, выступающие как тотем, считаются сильными животными.

Э. Р. Раднаев сообщает, что баргузин в то время был своего рода «Запорожской сечью», куда стекались некоторые племена,

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.; Л: АН СССР, 1952. С.13.

² Авляев Г.О. Указ. соч. С. 113.

³ Авляев Г.О. Указ. соч. С. 113.

⁴ Юдахин К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965. Кн. 1 (А–К). С. 99.

⁵ Авляев Г.О. Указ. соч. С. 279.

бежавшие от постоянных войн, угнетения феодальных ханов и земельного вытеснения¹.

По «Сокровенному сказанию монголов», в 1207 г. баргуты подняли восстание, которое было подавлено объединёнными силами ойратов и монголов, и баргуты были включены в состав ойратов. Именно воинственная черта характера позволила им выделиться и войти в героический эпос «Джангар» в качестве телохранителей Шара Гюргю: *Найн хойр бархтинь түлкн чавчад* «Восемьдесят два бархутов (баргутов) рубили, толкнув»². Это, наверное, единственный калмыцкий (ойратский) этноним, который встречается в эпосе.

Помимо этого, имя Шаджн Девя, отца гражданской супруги Джангара, которая родила ему сына и с которой он прожил шестнадцать лет, как кажется, является фонетическим вариантом имени багутского Шар Дяяв. Такое множественное отражение баргутов-багутов в эпосе показывает древность вхождения их в состав протоойратов, активность участия их в формировании калмыцкого народа, создании калмыцкой культуры, проливает свет на хронологию и географию создания «Джангара», на отношение между баргутами и протоойратами, обитавшими по соседству в Восьмиречье, — страна их называлась «Эрцс Бумбин орн» — «Иртышской страной Бумба»³.

Следует отметить, что ики-, дойда-, шарс багуты столько веков проживают вместе в одном регионе, все перемешались, даже имя Шар Дяяв, как кажется, стало ураном дойда багутов («Хавчн Дээвд»), а тамга «Чиндамани» стала всебагутской.

В научной литературе этноним багут нередко встречается в близких по написанию, заманчивых формах. Возможно, эти

¹ Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. С.74.

² Раднаев Э.Р. Баргузинский говор. Исследование бурятских говоров. Вып.1. Улан-Удэ: БК НИИ СО АН СССР, 1965. С.254.

³ Джангар. Калмыцкий народный эпос / пер. С. Липкина. М., 1960. С. 249.

разные орфографии, напоминающие искомый, разнесены самими баргутами, ушедшими, как говорит Э.Р. Раднаев, в Монголию¹.

Известный калмыцкий ученый Намжавин Содмон, ссылаясь на Чингелтея, пишет, что в результате экспедиций монгольские языки Китая были систематизированы и классифицированы следующим образом: 1. Баргу-бурятский диалект; 2. Восточный диалект; 3. Центральный диалект; 4. Западный диалект; 5. Ойратский диалект².

Баргуты — тюрк. *байыркы*, кит. *ба-ей-гу*, калм. *багуты* (лучше всего сохранили древнее название), преодолев пространство и время, оказались на просторах от Байкала до Китая и Калмыкии, сохранили свое имя, свои языковые особенности.

Известный ученый А. П. Окладников пишет, что обстоятельный разбор фактов, относящихся к этническому составу бурятской народности, и сводка теорий об их происхождении даны Б. Б. Бамбаевым, что ему же принадлежит новейшая попытка определения состава предков бурят-монголов, в частности, эхирит-булагатов, связываемых с байырку-баргутами — ответвлением ойратов³. Возможно, этим можно объяснить наличие среди бурят багутов, которые по своим внутривидовым подразделениям идентичны калмыцким. К тому же становится понятным, почему в 1207 г. Чингис-хан ввел баргутов в состав ойратов. Он, вероятно, тогда знал, что баргуты являются ойратами. Отсюда вытекает, что багуты являются истинными ойратами.

¹ Там же. С. 76–77.

² Намжавин Содмон. История развития и современное функционирование ойратской письменности «тодо бичиг». Элиста, 2012. Рукопись. С. 14–16.

³ Окладников А.П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бур. книгоиздательство, 1976. С. 95.

Информанты

1. Бадмагаряева Зоя Содкаевна, (1925–2007 гг.), нарна шарс, Шар Дяяв.
2. Нактанов Константин Константинович, 1966 г/р.
3. Бурулов Яков Болдыревич(1902–1998 гг.), дойда багут, урань – Хавчн Дяявд.
4. Тальбиев Владимир Алексеевич, 1965 г/р., дойда багут.
5. Очиров Анатолий Георгиевич, 1946 г/р..
6. Дорджиев Михаил Эрендженович, 1940 г/р., тоста багут.

ЭТИМОЛОГИЯ ИМЕНИ ЧИНГИС¹

Имя Чингис-хана, одного из выдающихся полководцев, всегда привлекало к себе внимание ученых.

Как известно, при рождении Чингис-хану было дано имя Темучин, в честь победы Есугея, отца Чингис-хана, над татарским ханом Темучином.

При возведении Темучина на трон возникла необходимость в новом имени, более соответствующем новому положению, которое он теперь занимал. Видимо, это было совершенно новое имя, которое раньше не было в ходу. Это имя сразу получило известность, и в скором времени возник вопрос о его значении. Конечно, когда давалось это имя, люди знали его значение, иначе бы оно и не возникло. По крайней мере, сам Чингис-хан должен был знать.

Характеризуя поиски в этом направлении, К. Д. Оссон говорит, что большинство авторитетных монголистов объясняют титул из тюрко-монгольского *тенгис* ‘море, океан’, отсюда ‘великий, беспредельный’ (ср. Далай-лама, Далай-хан от монгольского *далай*, однозначного с *тенгис*)².

Казахский ученый, член-корреспондент М. Джолжанов существующие до него выводы о смысле титула «Чингис-хан» считает основанными на поисках подобных «Чингису» слов в языках народов Востока, и приходит к выводу, что этот титул (в начале новое имя) является символическим выражением понятия ‘сын вечного неба’, при этом ссылается на будто бы калмыцкое *жингес* со значением ‘вечный и бесконечный’³.

¹ Убушаев Н.Н. Этимология имени Чингис // Проблемы современного калмыковедения: сб. науч. трудов. Элиста, 2001. С. 48–51.

² К. Д’Оссон. История монголов. Т.1. Иркутск, 1937. С.11.

³ Джолжанов М. Еще раз о титуле «Чингис-хан» // Хальмг үнн. 1997. 26 марта.

Примерно в этом же ключе высказывается китайский автор Мэн Хун, который слово *Чингис* считает транскрипцией китайского *тянь цзы* ‘сын неба’¹. Другая китайская этимология *цзин сы* ‘совершеннейший воин’ приведена Дугласом².

Некоторые исследователи (Саган-Сецен и др.) пошли по пути народной этимологии, объясняющей этимологию этого слова подражанием пению птицы³.

Шмидт пришел к выводу, что это слово не имеет на монгольском никакого значения⁴. В то же время были ученые, стоящие на верном пути, и чтобы доказать истину, им не хватало абсолютной малости. Абуль-Гази производит от *чин*, что на монгольском значит ‘великий’ и окончания превосходной степени *гиз* Д’Оссон — от *чинг* ‘могущественный’ и знака множественного числа *гиз*⁵. Рашид-ад-Дин сообщал, что «*Чингиз*» объясняется как форма множественного числа от прилагательного *чинк* ‘сильный’⁶. Доржи Банзаров говорит, что есть монгольское слово *чинг*, но оно значит ‘твердый’, а не великий или могущественный, окончания же *-гиз* в монгольском языке не находится⁷.

В современном калмыцком языке имеются слова, имеющие корень *чин*: *чинэтэ мал* ‘упитанный скот’; *чинэн алдрх* ‘недомогать, чувствовать слабость’; *чинэн орх* ‘чувствовать прилив силы’; от этого же корня *чидл* ‘сила, мощь’, *чаңһар* ‘сильно, крепко’.

В. В. Бартольд говорит, что Темучин, как сообщают, получил свое царское имя от шамана, и слово *Чингиз*, вероятно, заимствовано из области (еще недостаточно изученной) религиозных представлений монголов⁸.

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т.V. М., 1968. С. 618, 619.

² Там же.

³ Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955. С. 175.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Бартольд В. В. Сочинения. Т.V. М., 1968. С. 618, 619.

⁷ Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955. С. 175.

⁸ Бартольд В. В. Сочинения. Т.V. М., 1968. С. 618, 619.

Соглашаясь с В. В. Бартольдом, мы считаем, что это имя связано с древнейшей формой религии раннеродового строя — тотемизмом. По свидетельству Л. Н. Гумилева, образ волка был тотемом древних тюрков, уйгуров и монголов, которые считали его одним из прародителей. Ссылаясь на китайские источники, он пишет, что понятия *тюркский хан* и *волк* синонимичны, и допускает возможность бытования такого воззрения у самих тюрков¹. Видимо, поэтому, как пишет Олжас Сулейменов, в тюркских и монгольских традициях волк — образ мужества. Сравнения с волком удостаиваются немногие. Волк — один из авторитетнейших тотемов степного культа².

Волк на монгольских языках называется *чон/шоно*, монг.-письм. *чино*, т. е. древний корень *чин*.

Совершенно правы те, кто утверждает, что *Чингиз* является формой множественного числа от корня *чин* — *чинг/к/* — Абуль-Гази, Д'Оссон, Д. Банзаров³, Рашид-ад-Дин⁴.

Чин является общим корнем для именной и глагольной форм со значением 'сила, мощь, могущество; быть сильным, могущественным, мощным'. Прилагательное от этого корня должно иметь форму *чино* — *чину* 'сильный, крепкий, могущественный' (ср. «эрге» — «крутиться», «эргү» — «крученный, тупой», «сэрге» — «быть бодрым», «сэргү» — «бодрый», «бүрк» — «закрывать, накрывать», «бүркү» — «закрытый, пасмурный»). Именно прилагательное «чино – чину», по всей видимости, было эпитетом к названию тотемного животного, и когда это название было табуировано, эпитет принял на себя значение названия тотема. Так прилагательное «чино» — «сильный, крепкий, мощный» приобрело дополнительное вторичное значение «волк», которое со временем передалось и общему корню *чин*.

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 23.

² Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1975. С. 109.

³ Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955. С. 175.

⁴ Ramstedt J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Однако форму чино – чину финский ученый Г.Й. Рамстедт передает как чинуа, тут же дает аналитическую форму *чин* *o/?*¹. Он почему-то затрудняется объяснить долготу гласного *o*, которая образовалась из дwoегласного *ya*. Скорее вопрос должен вызывать гласный *a*. Что это? Откуда он?

Он, как нам кажется, является аффиксом уважения, заимствованным из китайского языка. Он, видимо, еще не успел адаптироваться в монгольских языках, поэтому стоит в постпозиции. В слове *Ашина* от этого же корня он уже стоит в препозиции. Этот аффикс в монгольских языках не получил распространения, и в калмыцких названиях родов *чонос* — *чо-ныс* — *чонсахн* долгого гласного *o* мы не обнаруживаем.

Согласный *n* корня чин в конечной позиции развился в заднеязычноувулярный назально-ртовый согласный *ŋ* (*нг*), что в монгольских бывает нередко (ср. монг.-письм. *sonus* ‘слышать’ — калм. соңс =, монг.-письм. *уну-* ‘падать’ — калм. *уңһа-* ‘валить, ронять’). Так получилась форма *чин/з/*, которая при наращении аффикса множественного числа *-с/-з/* принимает протетический гласный *и*. Так мы имеем слово Чингис /Чингис/.

Следует отметить, что множественность здесь не количественная, а уважительная (ср. Мы — Николай Второй).

Простое значение ‘сильный, крепкий’ не могло дать имени хану. Только получив вторичное значение ‘волк’, это слово стало названием тотемного животного, выражением культурного, идеологического, религиозного миропонимания.

Темучин покорил себе все племена Средней Азии, ему нужен был достойный его положения титул. Победив иль-ханов и гур-ханов, он бы унизил себя, если бы усвоил себе их звание, их, которые были его подданными². Эти титулы содержат компоненты, имеющие значение ‘народ’, обращение же к тотему дает ему возможность подняться над народом.

¹ Ramstedt J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

² Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955. С. 175.

Чингис-хан был не единственным, кто хотел быть волком. Известно, что слова с корнями *кей-кий-кай-кой-куй* и производными от них, имеющие значение ‘волк’¹, нередко становятся титулами (ср. династия персидских ханов Кейянидов — Кей-Кубас, Кей-Хосров; Кай Юлий Цезарь; Кий — имя полянского князя, основателя г.Киева и др.). Последним, кто мнил себя волком, был Гитлер, который свою ставку под Растенбургом называл *Вольфшанце* ‘Волчье логово’².

Так Чингис-хан в своем имени возродил название тотема, только не древние Кият, Койра, Хойт, а новое его название — *чино* ‘волк’.

¹ Убушаев Н. Н. Происхождение этнонима ойрат // Теегин герл. 1994. №3. С. 109–110.

² Коновалов Г. И. Истоки. М., 1984. С. 498.

РОДОПЛЕМЕННАЯ АТРИБУТИКА КАЛМЫКОВ ¹

В Республике Калмыкия проводится определенная работа по возрождению национальной культуры, истории калмыцкого народа, его обычаев, традиций, обрядов. В связи с этим очень своевременны Указы Президента РК о паспортизации родов калмыцкого и русского народов. Эти указы явились отражением тяги народов к своим корням, логическим завершением интереса калмыков ко всему прошлому, традиционному. Ключевыми в поле всеобщего интереса являются такие понятия как арваны, ураны, улан зала, тамга и другие.

Деление калмыков на арваны «десятки» является остаточным от структуры построения чингисовской гвардии, которая подразделялась на десятки, сотни, тысячи. Многие полководцы, вожди, народы старались перенять структуру построения монгольской армии, о чем свидетельствуют военные термины — десятники, сотники, тысяцкие, — передающие командный состав их армии. Отсюда войсковые подразделения — стрелецкая сотня, казачья сотня, соответствующая эскадрону.

Однако, как бы ни копировалась структура армии монголов, понять секрет, силу духа монголов никто не мог. Не могли построить армии, подобной монгольской. В то же время секрет заключается не в больших военных подразделениях — сотнях, тысячах, а в самом низшем подразделении — десятках.

Арваны (десятки) являются наименьшей ячейкой армии. Вся армия состояла из десятков. Секрет десятки в том, что она состояла из близких родственников — десяти человек. Во время сражения десять родственников костями ложились друг за друга. Видимо, отсюда пошло русское выражение *не робкого десятка*. Можно представить, как сражалась армия, состоящая из таких десятков. В этом один из секретов побед Чингис-хана.

¹ Убушаев Н.Н. Родоплеменная атрибутика калмыков // Теегин герл. 2005. №3. С. 99–102.

Однако, если в десятку не набиралось десять родственников, то включались люди со стороны, которые назывались орудями. В Ики-Бурульском районе среди манджикинцев имеется род *көвүд*, среди которых есть *оруд көвүд*, в данное время именующиеся *орс көвүд (орси)*.

Г. О. Авляев отмечает, что каждый тюмен (или ирген) у ойратов XI в. делился на тысячи, тысячи — на сотни, сотни — на десятки (арваны). Десятка прикрывала в ту эпоху родовое подразделение и сохранилась в пережиточной форме у волжских калмыков¹.

Академик Б. Я. Владимирцов считает, что меньше всего были задеты новые «тысячные организации Чингис-хана, некоторые лесные народы, ойраты в первую очередь», что вместо родовых и племенных названий теперь появляются названия «тысяч»². Хорошая сохранность арванов среди дербетов Калмыкии, слабая распространенность термина *арван* среди торгутов и сохранение слова *төрл* 'род', видимо, являются отражением разной степени подверженности «тысячной» организации Чингис-хана. Из «Сокровенного сказания монголов» 1240 г. известно, что торгуты были вместе с Чингис-ханом. Дербеты же были в коалиции Джамухи, однако потом в составе ойратов они покорились, но, тем не менее, видимо, больше подверглись «тысячной системе».

Как говорил бурятский писатель В. Г. Митыпов, прошлое мы изучаем не праздного любопытства ради, а чтобы понять свое время, себя понять³. Хочется добавить: сохранив в душе своё прошлое, непобедимы будем, и язык свой, и народ сбережем.

Кроме того, крупные родоплеменные объединения имели боевой клич — *уран (ура-үрә)*. Торгуты и дербеты произносили *ура*, в бузавском и багацаатанском говорах это слово звучит *үрә*.

¹ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. М.; Элиста, 1994. С. 144–145.

² Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М., 1934. С.110.

³ Митыпов В. Г. Долина бессмертников. Улан-Удэ, 1979. С. 79.

Ураны произносили во время тревоги для оповещения остальных об опасности, во время атаки и наступлений, в моменты торжества, для отличия своих от чужих, во время сражения. Поэтому существует калмыцкая поговорка: *ура — урдас, бурхн — деерас* (*ура приходит спереди, бог видит сверху*). У древнего племени керейтов боевой клич *туула*. Бага-цаатановцы о себе говорят:

<i>Маитг цаһан мааньта.</i>	С низким белым знаменем,
<i>Туулан тоха урата,</i>	С ураном «туулан тоха».
<i>Шар моңһ яста</i>	По кости желтые монголы,
<i>Баһ цаатн ээмг.</i>	Багацаатановский аймак.

Считается, что близость уранов говорит о близости происхождения их носителей. Так, Шуурган Лиджиев из совхоза «Волжский» Астраханской области утверждает, что у керейтов и цаатанов «цацль негн» (общий цацыл). Что это такое? Это, например, если к дочери керейта приехали сваты, а хозяина дома нет, то сосед цаатан имеет право принимать гостей и быть за хозяина. Насколько это действительно так, сказать трудно. Однако в любом случае, видимо, это были близко родственные племена.

В калмыцком героическом эпосе говорится, что боевой клич джангарцев был *шара зандн* ‘светложелтый сандал’¹, с которым герои Джангара шли в атаки.

Во время одного из сражений джангаровских войск с неприятелем наступила темень, и они только по кличу узнавали друг друга².

<i>Манр ик харңһу болад одв.</i>	Когда наступила сильная темень
<i>Эгц хойр сард</i>	Ровно два месяца
<i>Эврэ күүнэһэн таньлдл уга</i>	Своих и чужих не узнавали,
<i>Ура ураһарн урадад...</i>	Только ураны поднимали...

¹ Жаңһр: Хальмг героическ эпос М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 239.

² Джангар. Калмыцкий героический эпос. Тексты 25 песен в 2-х т. Т. I. М., 1978. С. 286.

Также у калмыков существует легенда, в которой одного пленного мальчика должны были привести в жертву знамени. Мальчик поднял клич. На защиту мальчика никто не приходил. И тут со словами «да это же наш мальчик» вышла одна старушка и увела его с собой.

Малые военные подразделения, хотя и имели свой уран, но, входя в более крупные, видимо, подчинялись их урану или единому общевойсковому урану. Б. Д. Муниев и Н. Ш. Ташнинов не раз говорили автору этих строк, что существовал общеторгутский уран, однако записать его нам не удалось.

Боевой клич, вероятно, существовал и у других народов Средней и Центральной Азии. После смерти казахского хана Среднего жуза Аблай-хана потомки его шли в атаку с кличем «Аблай»¹. Здесь нагляден пример патронимического происхождения названия урана, что, вероятно, было типичным для того времени, давать уран по имени великих людей, вождей. В то же время вполне возможно происхождение урана по названию тотемов. На эту мысль наталкивают ураны керейтов *туула* и бага цаатанов *туулан тоха*. В слове *туула* мы не склонны видеть название реки Тола. Тем более, что Рашид-ад-Дин располагает керейтов² по рекам Онону и Керулену.

Что касается цаатанов, то это один из северных лесных народов. Поэтому географическое происхождение названия урана нами отмечается сразу. Мы более склонны видеть в слове «туула» название дикого зверька — зайца. Спрашивается, почему заяц оказался в такой чести? Все дело в том, что заяц в тюрских языках называется *коён* (*kojon*) и входит в систему древних монгольских слов с корнями *кай* = - *кей* = - *кой* = - *кий* = - *куй* =, имеющих значение 'волк'³. Одно из древних ойратских племен

¹ Киргизский героический эпос «Манас». Кн 1. М., 1984. С.539.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 127.

³ Убушаев Н. Н. Происхождение этнонима ойрат // Теегин герл. Элиста, 1994. №3.

при табуировании заменило свое имя на тюрское слово *бури* с тем же значением ‘волк’ и называется теперь буряты. Точно также предки керейтов и цаатанов при табуировании свой уран замаскировали в переводе тюркского *коён* на калмыцкий *туула* (‘заяц’), подразумевая при этом волка *койра* — *коен* — *койот*.

Как видно, пути происхождения уранов различны. И сегодня интерес каждого народа и племени к своему урану велик. Представители старшего поколения при знакомстве обязательно расспросят всю атрибутику. Однако бывают случаи, когда люди, не зная свой уран, заменяют его текстами восхваления. К таким текстам относится следующий:

<i>Чолунас бишинкинъ иддг,</i>	Ест все, кроме камней,
<i>Чонас бишинкинъ ундг,</i>	Ездит на всех, кроме волка,
<i>Хойр болхла, негинъ авдг,</i>	Из двух берет одного,
<i>Хоосн болхла, орминъ илдг</i>	Если нет ничего, место погладит
<i>Теднэ...тер...</i>	Такой-то ...такой-то

Трудно представить, что такой уран произносят во время сражения: думается, ни один носитель этого урана не сможет договорить его до конца.

Конечно, ураны имели большое значение, многим спасали жизни. Но в то же время они имели свои неудобства, задерживали ход сражения. Поэтому в 1437 г. ойратский Тогон-гайши ввел опознавательный знак на одежде своих воинов, а именно — красную кисточку на шапке¹. Так ойраты, а затем и калмыки приобрели преимущество над противниками. Однако этот военный секрет продержался недолго. Вполне возможно, что к этому периоду относится калмыцкое выражение: *унсн махлахан авдг цол уга* (некогда шапку упавшую поднять). Потерявший шапку рискует быть зарубленным своими. Так же к этому времени, видимо, относится и калмыцкий обычай никогда не снимать шапку. Ношение красной кисточки на шапке было

¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967. С.60.

обязательным для всех — старого и малого, потому что народ и армия едины. Это был народ-воин. Воины жили со своими семьями и уходили по первой тревоге.

Не менее важным элементом родоплеменной атрибутики была *тамга* ‘тавро, клеймо’, которой метили лошадей, реже — скот. На крупный рогатый и мелкий скот ставили метки — име, особым способом резали уши. В то время лошади имели большое военно-стратегическое значение как основное средство передвижения и доставки воинов в нужное время в нужное место. Свою тамгу имели каждый род, каждое племя. Так, цаатаны имели много тамг — *маля тамг* (‘тамга кнут’), *альхта маля* (‘маля с ладонью’), *бахн тамга* (‘тамга столб’), *алх тамг* (‘тамга молот’), *шалх тамг* (‘тамга сдвоенный молот’)¹.

Представляется интересным, что в эпосе «Джангар» ничего не говорится о тамгах лошадей, но часто упоминается о тамгах людей, когда Савар Тяжелорукий пощечиной ставил клеймо «пятерню» на всю щеку².

Возможно, клеймение людей предшествовало клеймению животных и является остаточным от рабовладельческого строя. Может, эта деталь прольет некоторый свет на хронологию происхождения «Джангара».

Немалый интерес вызывают ясуны, буквальный перевод термина означает ‘кость’. Как нам представляется, ясун-ясын — это корень, происхождение того или иного рода. У калмыков существуют понятия *хар ясн*, *цаһан ясн* (здесь имеется в виду, какого человек происхождения — благородного или простолюдин). Помимо такого классового подхода, существуют социально нейтральные ясуны, свидетельствующие о происхождении. Например, *яснь хошуд* (хошут) — о великом

¹ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. М.: Элиста, 1994. С. 241–248.

² Жаңһр: Хальмг героическ эпос М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 178–179.

просветителе Зая-пандите¹, или цаатаны *шар монгол яста* (по происхождению желтые монголы). Среди калмыков много лиц *шар монгол яста* среди бузавов. Люди одной кости, находясь в разных концах республики, впервые познакомившись, начинают родниться между собой.

Вот, наверное, все основное, что хотелось сказать людям, интересующимся своими корнями, своим происхождением, своими обычаями и традициями.

¹ Сарин герл. Элст, 1994. С. 162.

ТОРГУТСКИЙ ДИАЛЕКТ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К КАЛМЫЦКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ ¹

Современный калмыцкий литературный язык, складывавшийся как средство общения всех калмыков, независимо от их родоплеменной принадлежности, до сих пор несет в себе заметные следы диалектных отличий двух крупных этнических массивов — торгутов и дербетов, на основе которых сложился единый калмыцкий народ.

В трудные дни своей истории небольшой по численности калмыцкий народ, оторвавшийся от основной массы монголоязычных народов, нередко насильственно разобщавшийся территориально, иногда разбросанный по несколько семей, а то и по несколько человек среди народов иной культуры, иного языка, всегда бережно хранил свою культуру, свой родной язык. Привыкший в прошлом противостоять всяким влияниям извне, калмыцкий язык и сейчас упорно сопротивляется различным внешним влияниям, а также междиалектным взаимопроникновениям внутри самого себя. Только этим можно объяснить ту устойчивость, которую мы наблюдаем в отношении диалектов калмыцкого языка. Вот уже в течение нескольких столетий эти диалекты не могут перемолотья в горниле калмыцкого литературного языка.

Итак, калмыцкий литературный язык представляет собой явление, состоящее из нескольких слагаемых, одно из которых — торгутский диалект — и рассматривается нами на фоне развития калмыцкого литературного языка.

Торгутский диалект — язык той части ойратов (предков современных калмыков), которые одними из первых отделились от основной массы ойратов, покинули Джунгарию и первыми нашли

¹ Убушаев Н.Н. Торгутский диалект и его отношение к калмыцкому литературному языку // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 7. Сер. Филолог. Элиста, 1969. С. 186–198.

себе новую родину на берегах Волги. Характеризуя торгутский диалект, один из представителей дербетского диалекта Номто Очиров писал: «Торгутская речь отличается от дербетской силою и энергичностью, изобилует эмфатическими долготами и усилениями на отдельных слогах, чего не заметно у дербетов, которые говорят вяло и медленно».¹ Это высказывание Номто Очирова о торгутском диалекте удивительным образом совпадает с высказыванием Георгия Лыткина об ойратском (калмыцком) языке. Так, в 1859 г., посетив калмыков на Волге, он писал: «Живость, необыкновенная сжатость, удивительная беглость и. кипучесть живого говора ойратов вполне выражали их жизнь кипучую, деятельную и бдительность от нападения врагов»².

На новом месте торгуты продолжали развивать свою самобытную материальную и духовную культуру, продолжали пользоваться той же общемонгольской письменностью, которую они привезли со своей родины. Так было до 1648 г., когда один из выдающихся ойратских просветителей Зая-пандита на основе старомонгольской письменности создал новую письменность, соответствовавшую живой разговорной речи ойратов, заложил основы нового литературного языка. Академик Б. Я. Владимирцов утверждает, что Зая-пандита создал ойратский литературный язык на основе ряда ойратских говоров. Однако невозможно себе представить, что один человек, пусть даже такой выдающийся, как Зая-пандита, мог бы выполнить такую колоссальную работу. Тем не менее, в результате деятельности Зая-пандиты ойраты получили свой литературный язык. Возникает вопрос, как же Зая-пандите удалось разрешить эту задачу?

¹ Очиров Н. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. 11. №2. СПб., 1913. С.83.

² Лыткин Г. Исторический очерк письменности монголов и ойратов. СПб., 1859. С. 4.

Если мы допустим, что в основу зая-пандитского языка легли ойратские диалекты, то для многообразных ойратских диалектов требовалось в качестве универсального письмо полифонное¹, как например, монгольская письменность, которая объединила все монгольские диалекты. Но коль скоро Зая-пандита создал «Тодо үзүг» («ясное письмо»), то «Тодо үзүг» «как всякое “ясное” письмо было в состоянии отобразить графически лишь один какой-либо диалект, который обязательно должен бы быть навязан всем другим племенам в качестве гегемоны»². Таким образом, в основу зая-пандитского языка должен был лечь какой-то один диалект. Какой же именно? Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо разобраться в следующих положениях.

Создатель ойратского литературного языка Зая-пандита по происхождению был хошутом, диалект которых почти ничем не отличался от торгутского диалекта. Если бы хошуты имели тогда свой говор, отличный от торгутского, то в языке современных хошутов, живущих в нашей республике компактной группой, неизбежно были бы обнаружены следы бывшего различия этих говоров. Ведь даже внутри самого торгутского диалекта имелись различия, сохранившиеся до нашего времени. Например, у цатанов, говорящих на торгутском диалекте, до сих пор обнаруживаются следы их бывшего диалектного отличия.

Таким образом, хошуты, а следовательно, и Зая-пандита, говорили на диалекте очень близком торгутскому. «Хошуты с Волги, — писал академик Б. Я. Владимирцов, — по языку принадлежат к говору Торгутов-Астраханских»³. Создавая литературный, язык, Зая-пандита не мог обойти своего родного диалекта. Он должен был, если не полностью, то в значительной степени использовать свой родной диалект, его особенности. Это же утверждает Г. Лыткин, говоря, что «Зая-пандита переделал

¹ Козин С. А. Джангариада. М.: Л., 1940. С. 23–24.

² Там же.

³ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. М. 1929. С. 11.

алфавит монгольский, усовершенствовал его сообразно духу своего родного наречия»¹.

Зая-пандитская письменность получила распространение среди всего ойратоязычного мира, среди ойратских народов Джунгарии, Кукунора, Поволжья. В зависимости от того, в какой исторической обстановке развивался тот или иной ойратский народ, и получила свое развитие зая-пандитская письменность.

У калмыков, т. е. Волжских ойратов, в процессе практического применения этой письменности в литературный язык стали все больше проникать элементы разговорной речи, и сам литературный язык начал еще больше сближаться с живым языком калмыков. Этим самым создались благоприятные условия для развития местных диалектов, их влияния на литературный язык и закрепления в литературном языке диалектных особенностей.

Поэтому неудивительно, что торгутский диалект, являвшийся средством общения большинства масс калмыцкого населения, поддерживавшийся господствующим домом, выдвинулся на положение ведущего. Под нормализующим влиянием письменности торгутский диалект стал превращаться в литературный. Об этом свидетельствует язык ряда письменных памятников XVII–XIX вв. В качестве примера возьмем «Монголин Уваши хун тайжин туужи орошибуй» («История Убаши хунтайджия»). Это анонимный историко-литературный памятник ойратов, отражающий события войны между халхасцами и ойратами. Он написан на зая-пандитской письменности и отличается довольно последовательной установившейся орфографией.

Говорить, что этот литературный язык, язык ойратов того времени, отличается от современного диалекта торгутов, нет надобности. Это отличие примерно такое же, как современный русский язык отличается от древнерусского языка. Но, имея перед собой язык письменных памятников и современное со-

¹ Лыткин Г. Указ. соч. С. 5.

стояние языка, зная законы фонетического изменения, нетрудно определить их отношение друг к другу. Так, Ц.-Д. Номинханов отмечает, что в вышеуказанном «памятнике встречаются некоторые лексические и фонетические элементы торгутского диалекта, которыми последний отличается от других диалектов»¹, эти особенности суть следующие:

Гедергеен һарһал үгей, ураалаан йабулал үгей (стр. 209) ‘назад не выпустили и вперед не дали двинуться’. В этом предложении слова *гедергеен* ‘назад’, *ураа-лаан* ‘вперед’ соответствуют дербетским *хооран* ‘назад’ и *өмөөрээн* ‘вперед’.

Чиданаста келе бари-жи иректун, йаданаста үзежи иректун (стр. 201) ‘если можете, то захватите язык, если не можете, то обнаружьте’. Здесь слова *чиданаста* ‘если можете’ и *йаданаста* ‘если, не можете’ соответствуют в дербетском говоре словам: *чидаху-ду-бээн*, *чидахуудаан* ‘если можете’, *йадахуудаан* ‘если не можете’.

Алида геҗи йабунай та гебе (стр. 199) ‘куда вы пойдете?’. Здесь слово *алида* ‘где?’ соответствует дербетскому *хамаа*.

Малиин баури үзээд зулжи. харихуна (стр. 199) ‘если увидевши стоянку скота, обратиться в бегство (убегая возвратиться)’. Слово *харихуна* ‘если возвратиться’ (условное деепричастие) соответствует общенародному *харихула* ‘если возвратиться’.

Йуман эсэ олдохуна харижи иректун (стр. 20) ‘если ничего не найдется, то возвращайтесь’. Слово *олдохуна* ‘если найдется’ (условное деепричастие) соответствует общенародному *олдохула*.

Уваши хун тайжи (стр. 202. 5). Имя Уваши написано с буквы [У], в дербетском же следовало бы ожидать Оваши (Овш).

Дебелин захарни үмүсүдүк бишийу (стр. 201. 9) ‘ведь шубу надевают через ворот’. Слово *үмүсүдүк* ‘надевают’ соответствует дербетскому *өмүсүдүк*.

¹ Номинханов Ц.-Д. История Убаши-хунтайджия. Рукопись // НА КИГИ РАН. Фонд Номинханова.

Саин муу дунда хурбалаиду (стр. 202.3.) ‘хорошим, плохим и средним’. Слово *хурбалаиду* ‘трём, троим’ соответствует дербетскому *хорбалаиду* ‘троим’.

Нере соносхуин орон ду (стр. 207. 1.) ‘вместо того, чтобы слышать имя’ (кличку). Слово *орон ду* ‘вместо’ соответствует дербетскому *орчи ду*. Эти примеры наглядно свидетельствуют о торгутской основе этого памятника.

Наличие в памятнике этих элементов торгутского диалекта Ц.-Д. Номинханов объясняет тем, что автором его является представитель торгутского племени. Однако причины этого явления кроются не только, а может быть и не столько в этом. В противном случае, как же тогда быть с другими письменными памятниками, которые также изобилуют «торгутизмами»? Во всех памятниках («Сказание о дербен ойратах», «Краткая история калмыцких ханов», «Джангар» в издании А. Позднеева) мы наблюдаем тот же живой литературный язык, те же обороты, те же общие места и эпитеты. Может быть, все они написаны торгутами? Вполне возможно, но мы знаем и такой литературный памятник как «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши», автором которого был дербет.

Что же собой представляет язык этого произведения? По этому поводу А. Позднеев пишет: «Основательное рассмотрение этого произведения должно удостоверить каждого, что современный литературный язык волжских калмыков доселе еще остается таким же изящным, богатым своим лексиконом и своими формами, а потому и таким же строго определенным как в выражении понятий, так и взаимоотношения их, каким видели мы этот язык и в прежних произведениях джунгаров, или первых выходцев на берегах Волги. Живучесть форм этого языка поистине может почитаться поразительною. В самом деле, в путешествии База гэлунга мы встречаем решительно все те этимологические агглютинации и синтаксические обороты, которые находим в ойратских уложениях 1640 г.,

законах Дондук-даши, Зинзилинских постановлениях, поэме Убаши-хун-тайчжи, или в истории калмыцких ханов Габан-Шараба»¹. Поэтому нельзя объяснить торгутские особенности письменных памятников одной только принадлежностью автора к торгутскому племени. Эти особенности можно объяснить только торгутской основой калмыцкого литературного языка. Иными словами, наличие торгутских элементов в перечисленных памятниках объясняется не тем, что автором того или иного произведения был обязательно торгут, а тем, что калмыцкий письменный литературный язык, созданный Зая-пандитой, базировался на торгутском диалекте и им с равным успехом пользовались как тогуты, так и дербеты.

На этом языке, новым письмом, который был создан Зая-пандитой, писали калмыцкие ханы, велась официальная переписка с русскими административными органами; ими пользовалось калмыцкое духовенство, писались и печатались научные труды, учебники, словари и пр. На этой письменности записан «Джангар». Эта письменность принимала активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, когда в первые годы ее (революции) выпускались газета «Улан Хальмг» («Красный калмык»), брошюры и листовки. Эта письменность использовалась при ликвидации неграмотности в первые годы Советской власти (напр, «букварь-гязят» и снова газета «Улан Хальмг»). В 1924 г. зая-пандитская письменность была отменена, и калмыки перешли на новую письменность на основе русской графики. Но через некоторое время, в 1930 г., в связи с латинизацией алфавитов языков ряда народов СССР калмыцкий язык переведен на латинизированную письменность. В 1938 г. и латинизированный алфавит был найден несовершенным, и калмыцкий язык был вновь и на этот раз окончательно переведен на русский алфавит.

¹ Позднеев А. Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши. СПб., 1897. С. 15.

Отмена зая-пандитской письменности в отчете ЦИК Калмыцкой автономной области пятому Общекалмыцкому съезду Советов (15 октября 1924 г.) мотивировалась «огромными неудобствами зая-пандитского алфавита (трудность письма, своеобразность знаков, недостаток шрифтов в типографиях, на телеграфе и проч.) В последующие годы в научной литературе закрепилась точка зрения, согласно которой основной причиной отмены зая-пандитской письменности явилось то, что она превратилась в тормоз для развития калмыцкого языка, литературы и всей национальной культуры. Зая-пандитская письменность и сложившийся на ее графической основе калмыцкий литературный язык были объявлены классовым достоянием богачей-нойонов, зайсангов и духовенства. Вышеуказанные мотивы отмены зая-пандитской письменности и «отмены» калмыцкого литературного языка нельзя считать основательными. Однако изучение вопроса о причинах отмены зая-пандитской письменности не входит в задачу настоящей статьи, поскольку этот вопрос является предметом самостоятельного исследования.

В связи с провозглашением отмены прежнего письменного калмыцкого литературного языка на повестку дня неизбежно вставал вопрос, по какому пути должен развиваться новый литературный язык. Фактически же вопрос о путях развития «нового» литературного языка сводился к неоднократным обсуждениям того, какой говор должен лечь в его основу. Для решения всех этих вопросов созывались лингвистические совещания и конференции. При облисполкоме была организована комиссия по усовершенствованию калмыцкого языка и письменности. Член этой комиссии писатель Нимгир Манджиев писал: «После дебатов комиссия установила основой литературного языка калмыков считать торгутовское наречие. Главными причинами, побудившими комиссию к принятию этого постановления, послужили: чистота

торгутовского наречия; богатство и художественность устного народного творчества на торгутовском наречии»¹.

В январе 1931 г. в Москве созывается конференция по вопросам языка и письменности монгольской группы народов. На этой конференции по вопросу о литературном языке «поставлено было новокалмыцкий литературный язык создавать на основе торгутского говора, из того соображения, что торгутское население является наиболее пролетаризованной и численно преобладающей частью калмыцкого народа»².

В этом же 1931 г., 17–20 мая, в г. Элисте состоялась научная конференция по вопросам языка и письменности. Эта конференция «несколько уточнила принятое в Москве постановление, добавив, что торгутский говор, признаваемый ведущим в деле создания литературного языка, должен впитывать в себя все ценное из других говоров, которые таким образом будут также использоваться при оформлении калмыцкого литературного языка»³. Это дополнение существенным образом уточняло, но ни в коей мере не меняло существа предшествующих решений по вопросам языкового строительства. Это же положение было отмечено и на страницах Большой Советской Энциклопедии (1937 г.): «Ныне существующий литературный язык, в основном, базируется со стороны грамматической на торгутском говоре»⁴.

Таким образом, торгутский диалект, лежавший и ранее в основе калмыцкого литературного языка, в 1920–1930-е гг. вновь был признан его основой. Тот факт, что после победы Октября

¹ Манджиев Н. Калмыцкий литературный язык. Торгутовское наречие — основа литературного языка калмыков // «Красная степь» — приложение к газете «Тангчин зянг». №2 (327). 5 янв. 1930 г.

² Номинханов Ц-Д. Языковое строительство в Калмыкии // Революция и Письменность. 1932, № 1:–2. С. 52. О постановлении конференции см. ж. «Культура и письменность Востока». М. 1931. Кн. IX. С. 66.

³ Номинханов Ц-Д. Указ соч.

⁴ Большая Советская энциклопедия. М., 1937.

торгутский диалект неоднократно признавался основой языка, свидетельствует о том, что этот диалект пронес через толщу веков всю чистоту и энергию языка ойратов и с этим не могли не считаться даже самые смелые реформаторы языка.

Несмотря на то, что торгутский говор был богаче, больше сохранил особенности калмыцкого языка, третья Элистинская языковая конференция 1931 г. приняла решение совершенно оправданное, внося добавление об использовании особенностей других диалектов калмыцкого языка. Это было крупным шагом на пути дальнейшей консолидации калмыцкого литературного языка, а через него и к стиранию существующих диалектных различий в живом разговорном языке. В результате следовало бы ожидать относительно быстрого слияния всех говоров в один язык. Тем более, что различия между диалектами в калмыцком языке по сравнению с другими языками небольшие. Тем не менее, калмыцкий литературный язык и на сегодняшний день не представляет собою такого органического сплава, каким должен быть сформировавшийся современный литературный язык.

Основной причиной этого явилось то, что начатое в 1920–1930-х гг. языковое строительство в Калмыкии было искусственно прервано Великой Отечественной войной, упразднением Калмыцкой АССР и переселением калмыцкого народа. Вследствие этого принятые решения по оформлению калмыцкого литературного языка остались нереализованными. И только с 1957 г. возобновились работы по изучению проблем развития калмыцкого литературного языка, который продолжает развиваться на своей прежней основе.

Однако в последние годы этот объективный закономерный процесс развития языка пытаются регулировать административными и по существу волюнтаристскими методами. Этот курс нашел свое отражение в необоснованном пересмотре ряда устоявшихся научных положений. Так, например, в книге «Младописьменные языки народов СССР» в издании Академии Наук СССР

за 1959 г. проф. Т. А. Бертагаев пишет, что якобы «в качестве основы литературного языка был положен дэрбэтский диалект»¹. При этом он делает ссылку на материалы IV конференции по языковому строительству Калмыкии, в которых такого положения не содержится. Поэтому не случайно проф. Т. А. Бертагаев не смог указать страницу издания, на которое он ссылается.

Как ни странно, в 1961 г. Ц.-Д. Номинханов, глубоко осведомленный в вопросах развития калмыцкого языка, вопреки своим предыдущим высказываниям о торгутской основе литературного языка, слепо повторил утверждение Т.А. Бертагаева о том, что «в качестве основы литературного языка был положен дэрбэтский говор»².

В 1964 г. У. Э. Эрдниев в солидном двухтомном труде «Народы европейской части СССР» пишет, что в основу литературного языка лег дербетский говор³.

Само собой разумеется, что У. Э. Эрдниев, выдавший здесь желаемое за действительное, затруднился привести в подтверждение своего положения какие-либо конкретные факты из истории языкового строительства в Калмыкии.

Все эти искусственные попытки изменить действительную основу калмыцкого литературного языка ведут не к сближению, а к консервации диалектных различий. Эти же попытки накладывают отпечаток на разработку норм калмыцкого литературного языка. Создание таких норм является первоочередной задачей языкового строительства в Калмыкии на современном этапе. При этом совершенно невозможно закрывать глаза на факты и игнорировать исторически сложившуюся основу калмыцкого литературного языка.

¹ Бертагаев Т. А. Калмыцкий язык // Младописьменные языки народов СССР. М., 1959. С. 500.

² Номинханов Ц.-Д. История изучения калмыцкого языка // НА КИГИ РАН. Фонд Номинханова. С. 13 (37).

³ Викторова Л.Л., Эрдниев У.Э. Калмыки // Народы Европейской части СССР. Т 2. М., 1964. С. 742.

ОБ ОДНОМ СЛОВЕ-ВОЗГЛАСЕ ¹

У калмыков очень богатый фольклор. Академик Б. Я. Владимирцов по богатству фольклора отводил им второе место после Индии. Устно-поэтическое творчество в какой-то мере изучено. В определенной степени изучен и богатый танцевальный фольклор, с его бесчисленным набором коленцев, прыжков и па, шавашей и возгласов — Хэдрис! Авад од! Холькад од! Эрелзэд од! и т. д. Вместе с тем изученность музыкального и песенного фольклора оставляет желать лучшего. А исполнительская манера, исполнительское мастерство народных певцов — выходцев из народа — вовсе нетронутая целина. Старые записи, материалы фольклорно-диалектологических экспедиций в архиве КИГИ РАН ждут своего исследователя.

В данной статье делается попытка рассказать об одном слове, услышанном не один раз в молодые годы. Это старинное слово ирхид. Оно было в ходу еще в период колхозного строя, когда люди работали бригадами и работу нередко сопровождали песнями. Оно часто звучало вечерами, когда талантливая, бесшабашная молодежь собиралась у кого-нибудь дома, играла кто на чем горазд, пела, кричала, танцевала. Здесь стоит хотя бы упомянуть имена некоторых из них. Это веселый колокольчик, хохотушка Анджа Убушаева, для которой шить, вязать, петь, танцевать, сыграть на калмыцкой домбре или саратовской гармошке с колокольчиками — все было едино. Ей часто говорили, что нельзя все уметь, на всем играть — грех. Надо что-то не уметь. Был Коокуев Михаил, красавец, душа компании, играл на саратовской гармошке, пел, танцевал. Гигант Анджаев Манджи — краса и гордость компании, спортсмен, лыжник, бывший военный разведчик, вернувшийся с фронта еще летом 1943 г. без руки и ноги. Донкуев Гаха — скрипач, изумительная игра которого нередко собирала всю округу. Убушаев Егор — гармонист, знаток народных обычаев и традиций, его брат Иван

¹ Теегин герл. 2005. №8. С. 122–124.

— заядлый охотник. Михаил Доштанов — прекрасный счетный работник, и многие другие, талантливые, молодые, красивые. Теперь их нет, почти все ушли из жизни молодыми.

Итак, о слове. Это красивое слово «ирхид!» пропевалось таким же красивым высоким голосом на фоне песни хорового или сольного исполнения. Данный возглас воспринимался присутствующими с воодушевлением, как обычно воспринимается возглас *Хэдрис!* во время искрометного танца. Это возглас воодушевления, любование красотой голоса. Существует калмыцкая пословица *Буулимжи уга баатр уга* — ‘Нет богатыря без восхваления’. Аналогично этому можно сказать *сүрэ уга дуучи уга* — ‘без воодушевления и певца нет’. Певцам, оказывается, тоже нужно восхваление, подбадривание. Так, видимо, возник возглас *Ирхид!* Это слово также применяется на охоте и имеет значение ‘Ату его!’, возглас подбадривания собаки, гонящейся за зверем.

Такой же возглас, вероятно, существует и у других монгольских народов. Исследователь монгольской народной музыки Б. Смирнов¹ рассказывает, как певец запел песню без текста на непере译имый возглас *Дзе!* Семантика возгласа *Ирхид!* также не поддается расшифровке.

Однако, в словаре Г.Й. Рамстедта² встречается словосочетание *ирү сээхн дуута* ‘с высоким красивым голосом’. Здесь, как видно, слово *ирхе, ярхы* ‘резать, разрезать’ (старописьменная монгольская форма *iragu*) дает отглагольное прилагательное *ирү* ‘резкий, пронзительный’. Слово же *ирхид*, с которого начинался разговор, наряду со старокалмыцкими формами *харид* ‘возвращаясь’, *барид* ‘поймав’, является, как кажется, деепричастной формой от указанного выше слова *iragu* со значением ‘выше, звонче’, с переводом гласных непервых слогов в мягкий ряд под палатализирующим влиянием начального [и].

¹ Смирнов С. Монгольская народная музыка. М., 1971. С. 14.

² Ramstedt G. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. P. 210.

В романе известного калмыцкого писателя Басанга Дорджиева «Чик хаалһ»¹ говорится: *Ольдан Гэрэ хойр цер уга хоолар өргэд авсн дууна айс, цевр, шалдрң аһарт өөд хаджэ, холын дүүрэндэ жиңнв ...* ‘Чистый звук песни Ольдани Гари устремился ввысь и зазвенел далеким эхом’; – *Өргэд! Өргэд! — гижэ зөвэр машун улан болад орксн Бакдг дуучнриг сурэлкүлв.* — ‘Выше! Выше! — воодушевлял певцов порядком раскрасневшийся Бакдыг’.

О слове *өргэд!* также можно прочесть у других авторов. Так И. А. Житецкий пишет, что для поощрения певцов и танцоров начинают раздаваться возгласы: *Хадрысь!* ‘Бодрей!’, *Еркче!* ‘Выше!’². Г. Й. Рамстедт также приводит слово *Өргэд!* ‘Выше!’. При этом автор отмечает, что этот возглас применяется во время дойки кобыл³.

Писатель Морхаджи Нармаев говорит: *Ээдь бишив!* — *болж көвүд дөңнв*». ‘Ребята поддержали возгласом *Ээдь*’⁴. Доктор педагогических наук Б. Б. Оконов, однажды слушая исполнение народной песни, воскликнул: *Ээль бишив!* Эти последние два примера выражают согласие с исполнением, одобрение и образованы от слова *Ээ* ‘Да, да так, вот именно’. Можно также в этом духе сказать *Ээ тиим, тиим бишив, ээлүхен*. Это более пассивная форма одобрения.

Еще о словах *ирһид* и *өргэд*. Если бы не было разобрано происхождение первого и не было прозрачным происхождение второго, их можно было бы назвать фонетическими вариантами, тем более они функционально и семантически очень близки. Хотя этимология первого для не специалистов довольно-таки туманна, да и к тому же старая деепричастная форма не каждому может быть понятна, однако в ней присутствуют экспрессия

¹ Доржин Басң. Чик хаалһ. 1 боть. Элст, 1973. С.61.

² Житецкий И.А.Очерки быта астраханских калмыков. М., 1893. С. 31.

³ Ramstedt G. Kalmückisches Wörterbuch.Helsinki, 1935. P. 299.

⁴ Нармин М.Хар келн тоһрун. Элст, 1972. С. 32.

и воодушевление, которые придают слову невесомость, полетность.

Слово же *Өргэд!* более позднее образование, оно сохраняет свою произносительную норму, свою семантику.

По бытовому использованию *ирһид!* выступает как охотничий термин, а *өргэд!* — скотоводческий. Первое слово более древнее, нежели второе.

Помимо всего сказанного, разбираемые возгласы, видимо, отражают этнические, региональные особенности этого музыкального, певческого возгласа. *Ирһид!* восклицают торһуды и цаатаны. *Өргэд!* восклицают дербеты. В любом случае богатый калмыцкий музыкальный, певческий фольклор ждет своих исследователей.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СИСТЕМЕ НОТНОЙ ЗАПИСИ У КАЛМЫКОВ ¹

Данная статья посвящается светлой памяти Харцхи Убушаева (1890–1975), гелюнга бывшего Хамхултинского хурула Лаганского района, в 1957–1975 гг. жившего в г. Лагани и занимавшегося духовной практикой, обогатившего калмыцкий язык и культуру своих соотечественников рассказами об атомно-молекулярном строении вещества, о величине атома, знакомством с терминами: *маш нэрн тоосн* ‘атом, молекула’, *нэрн шинжэ* ‘головоломка’ и др. Он сохранил многие знания об этнической культуре, в том числе родовой атрибутике, и, в частности, об уранах, изучение которых помогает исследовать неизвестные вопросы калмыцкой этнологии. Данная статья также подвигнута его давним рассказом о калмыцкой нотной грамоте.

Венгерский ученый Д. Кара в своем труде «Книги монгольских кочевников» пишет, что «монголы, буряты и калмыки могут гордиться богатством письменной культуры своих кочевых предков, беспокойная история которых вовсе не благоприятствовала развитию грамотности... В библиотеках и музеях многих народов мира бережно хранятся памятники монгольской письменности»². В своем утверждении Д. Кара бесконечно прав. У калмыков бытовали национальные шахматы со специфическими правилами игры³, многочисленные образцы богатого устного народного творчества. П. Нефедьев свидетельствовал, что калмыки не оставляют ни одного замечательного для них случая, чтобы не воспеть

¹ Убушаев Н.Н. Некоторые сведения о системе нотной записи у калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. №3 С. 66–67.

² Кара Д. Книги монгольских кочевников (Семь веков монгольской письменности). М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1972. С. 5–6.

³ Церенов В.З. Калмыцкие шахматы // Утро Калмыкии. 2001. 20 июля. № 24. С.7.

его¹. Видимо, этим объясняется богатство песенного творчества калмыков. Народные песни их по содержанию подразделяются на военные, трудовые, бытовые, любовные. По манере исполнения выделяют *ут дун* ‘протяжные’, *ахр дун* ‘короткие песни’, *домбрт келдг дун* ‘песни, исполняемые под домбру (плясовые)’, *шог дун* ‘шуточные, частушки’, *шаваш* ‘прибаутки’, *сүрә* ‘возгласы воодушевления’. Народные и современные авторские песни являются предметом исследования специалистов по музыке.

Музыкальная культура калмыков, монголоязычных народов в целом своими корнями уходит в глубокую древность. Предки их в своей музыкальной культуре были близки к природе и в музыке отражали шум ветра, шелест листьев, пение лебедя, крикание уток и т.д. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» говорится:

Если ханша начнет играть,
Почудится: в камышах
Лебединый летит хоровод,
Хоровод лебединый поет,
Отдается пенье в ушах
Уток, летящих вдоль озер².

Героический эпос исполняли нараспев, под музыкальное сопровождение. При этом в зависимости от региона или диалектных особенностей носителей различалась мелодика песен.

Музыкальные звуки, звуки голоса, речи в представлениях калмыков сочетаются с цветовой характеристикой — *нархн цаһан дун* (букв. ‘тонкий белый голос’ (высокий голос), *боркрси бор дун* (букв. ‘хриплый серый голос’), *бөдүн хар дун* (букв. ‘толстый черный голос’ (бас). Существует выражение *хар, цаһан ду һарси уга* ‘не сказал ни слова, промолчал’ (букв. ‘не издал ни черного,

¹ Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках собранные на месте Н.Нефедьевым. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 290 с.

² Джангар. Элиста, 1971. С. 24

ни белого звука'). В калмыцко-русском словаре также дается пример: *нээмн миңгн баатрнь нагин хар дууһарн хээкрлдэд орв* 'восемь тысяч богатырей ворвались, крича зычным черным голосом'¹.

По представлениям калмыков, музыкальный дар, умение петь, владение музыкальным слухом — это дар свыше, который имеет особое происхождение. По легенде, записанной в 1804 г. Б. Бергманном у калмыков, джангарчи (сказитель, певец эпоса) получил дар необыкновенного пения и игры на домбре в нижнем мире, у Эрлик-хана². Это определило магический характер музыки, соединило в себе добуддийские и буддийские представления. К ранним формам религии восходит вера в магическую силу звука, которая может по-разному воздействовать на окружающий мир, благотворно или разрушительно. Возможно, поэтому такое сильное оружие, как музыка, находилось «в ведении» хана подземного царства.

Харцха Убушаев (1890 – 1975), согласно традиционным представлениям отмечал, что калмыки имеют свою нотную грамоту, основанную на цифровой записи. По свидетельству М. Л. Тритуза, при хурулах существовали специальные школы молодых послушников (манджиков), обучавшихся, наряду с религиозными премудростями, также и игре на музыкальных инструментах. Существовала и должность начальника хора-гунзуд³. Джинджуками называли лам-музыкантов, а их число в больших монастырях доходило до двух-трех сотен⁴.

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 366.

² Бергман Б. Легенда о джангарчи [1804]. Пер. с нем. Т. А. Емельяненко // Научный архив КИГИ РАН. Ф.5. Оп. 2. Д. 1.

³ Тритуз М. Л. Музыкальная культура КАССР. М.: Музыка, 1956. 111 с.

⁴ Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 160.

В отличие от народной музыки, никем не записывавшейся, духовная музыка имела свою систему записи, изучавшуюся служителями культа. По утверждению П. Небольсина, гелюнги учились петь по нотам¹, которые писались у них особыми знаками, вроде старинных крюковых нот, а богослужения сопровождалось пением мужского хора и оркестром².

В «Музыкальной энциклопедии» отмечается, что крюки, знамена — знаки древнерусской музыкальной идеографической безлинейной нотации, один из видов невменного письма. Древнейшие памятники русского крюкового письма относятся к концу XI — началу XII веков³. Невмы — знаки средневековой системы записи музыки⁴. По свидетельству Б. Ф. Смирнова, имеется монгольско-тибетская нотная запись *ян-иг*, автор называет ее системой невменных знаков. Делая попытку расшифровать их с использованием современной нотной грамоты, он подчеркивает, что исследование древней письменности для изучения истории монгольской музыкальной культуры представляет большой интерес⁵. Возможно, с *ян-иг* связан *янг*, о котором пишет К.В. Кутушова⁶, и калмыцкие слова *ян-яңг* ‘духовное песнопение’, *яных* ‘петь хором, звучать’, *яных* ‘много говорить, болтать, твякать’.

Как видно из сказанного, калмыки знали средневековые «крюковые» ноты и невменное письмо. С другой стороны они, по словам Убушаева Харцхи, знали систему записи нот

¹ Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. С. 129.

² Тритуз М. Л. Указ. соч. С. 91.

³ Музыкальная энциклопедия / гл. ред. Ю. В. Келдыш. Т. 3. М., 1976. С. 74.

⁴ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 869.

⁵ Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Музыка, 1971. С. 83–85.

⁶ Кутушова К. В. «Янг» — феномен музыкальной культуры калмыков // Международный симпозиум «История и культура монгольских народов: источники и традиции». Ч. 2. Элиста, 1999. С. 63.

цифрами. О том, что такая нотная грамота существовала, известно из рассказов о Моцарте: молодой В. А. Моцарт, с малолетства любивший математику и везде писавший цифры и математические формулы, впоследствии пользовался цифрами для нотной записи (а возможно, он знал древнюю нотную грамоту?). О существовании нотной записи через цифры говорит сборник мелодий эпохи Ю-Вана и Марко Поло «Тобшур ба цуурин аилһа», выпущенный в г. Урумчи (1985) авторами Джо Дорджара и Джу Джи в современной (европейской) нотной записи и цифровой параллельно.

По сведениям разных информантов-монголов, среди монгольского народа имела хождение нотная грамота, на которой как будто сохранились записи 400-летней давности.

Таким образом, согласно устной традиции, калмыки издавна пользовались нотной записью — невменными, крюковыми и цифровыми нотными знаками. Задача обнаружения подобных записей в архивных письменных памятниках, возможно, дело будущего.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ МОНГОЛЬСКИХ И КАЛМЫЦКИХ БОЕВЫХ ЗНАМЕН ¹

В древности возвеличивание героя, батыра-богатыря, видимо, передавалось через воспевание, через украшение его коня. Так, на Ленских писаницах курыканского времени лошади имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник в виде султана из перьев или волос, с узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или науз². Султаны, подшейные кисти имели магическую силу, служили оберегами и в тоже время означали высокое общественное положение владельцев коней³.

Конь является верным другом своего хозяина, храбрым товарищем и умным советчиком. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» конь также выступает как друг, товарищ и советчик, более того, конь упоминается в эпитетике героя, например, *Куукн курң Һалзнта кунд Һарта Савр* 'Савар тяжелорукий, у которого лысая темно-бурая кобылица'. Описание процесса обрядования коня, седлания его предшествует рассказу о самом богатыре.

На Ленских писаницах у некоторых всадников в руках имеется знамя, которое, как нам представляется, является показателем известности носителя знамени. На рисунке с «Писаной Горы» изображен скачущий всадник. В одной руке у него повод, в другой руке — копьё с двумя флажками, вероятно, обозначающими в схематической форме хвосты⁴. Здесь, скорее всего, представлен индивидуальный знак — флаг воина, настоящие же знамена, как считает А. П. Окладников, были в виде широких прямоугольных полотнищ. По свидетельству Ю. Н. Рериха, бунчук, или значок командующего (уйгурский или монгольский *tug*) из конского

¹ Убушаев Н.Н. К вопросу о семантике монгольских и калмыцких боевых знамен // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. С. 55–59.

² Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. Вып. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 143.

³ Там же. С. 145.

⁴ Там же. С. 149.

хвоста подвешивался под перекрестье копья или наверхие в культуре тюрков и монголов. Такое копьё почитается как обиталище гения-хранителя войны¹.

В калмыцком языке имеется слово *өлгү*. Т. И. Шараева справедливо возводит его к глаголу *өлгх* — ‘вешать, привешивать, подвешивать’². В этом термине субстантивный аффикс *-ц* (*-це*) обозначает название предмета, значение которого выражено корнем слова, например, *тэвх* ‘ставить’ — *тэвц* ‘полка, подставка’, *барх* ‘держатъ’ — *барц* ‘подношение, презент’. Точно также *өлгх* ‘вешать, привешивать’ — *өлгц* ‘висюлька, подвеска’.

На наш взгляд, вероятно, что калмыцкое *өлгү* есть бунчук, который подвешивался под перекрестие копья или наверхия, о котором говорит Ю. Н. Рерих. Правильность такого вывода можно подтвердить свидетельством буддийского священнослужителя, гелонга Оргакинского хурула Хар-Церена Оргаевича Бембеева, который сообщал, что, по словам его деда, Бембеева Сангаджи Нарановича, *өлгү* — это желтые, синие нити, которые привешивают на копьё или пику. Также *өлгү* как думается, является названием кисточки, лент на знамени рода, племени. У многих азиатских народов средневековой эпохи знамя почиталось как святыня. С ним была связана судьба воина. Видимо, поэтому в свадебном обряде калмыков невеста должна была принести сакральные *өлгү* будущему мужу. Можно считать, что семантика данного обряда в том, что воин (жених) требует уважения (признания) своего знамени, принимая *өлгү* украшение к нему цвета знамени. Это стало обычаем, традицией. Возможно, *өлгү* было знаком признания личной зависимости невесты от жениха, своеобразным знаком вассалитета. Вероятно, поэтому

¹ Рерих Ю. Н. Упоминание о бунчуке в «Ригведе» // Индия — Тибет: текст и вокруг текста. Рериховские чтения. М.: Вост. лит. 2004. С. 8–9.

² Шараева Т. И. К проблеме изучения маркеров рода: символика и функции «өлгү» // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 205.

дочь Чингис-хана Чечейкен, выданная замуж за сына хойтского Худуха-беки, не захотела богатства, золота, а попросила у отца его знамя, и вместо *өлгү* она принесла к жениху свое знамя, что повлияло на ее статус в новой семье. Семья, вернее хойты, хойтский двор, поменяли свое имя и стали с тех пор называться *цаган туг хойт* ‘белознаменные хойты’, потом *цагатаны* и *цаатаны*¹.

В настоящее время связь *өлгү* с копьем, пикой почти утрачена, но сохранилось как название одного из элементов приданого невесты во время свадьбы. В качестве *өлгү* иногда могут привезти халат или сорочку.

По свидетельству И. А. Житецкого, халат такого цвета, какой употребляется в роде жениха, вешают в кибитке родителей жениха над головной подушкой, и он носит название *элекци*². Об этом же свидетельствуют и наши информанты (Х. А. Санджиев, С. Х. Санджиев): знамя и его цвет в традиционном обществе имели важное значение. Поэтому сторона невесты всегда интересовалась цветом требуемого стороной жениха *өлгү*.

Цвет в калмыцком языке передается словом *өңг*. Существует выражение *өңг таньх* ‘узнавать, признавать цвет’, видимо, это значило признавать над собой власть владельца знамени. Вероятно, этим объясняется второе значение выражения *өңг таньх* ‘дарить, отдавать даром’, также сравните антонимы: *мөңгэр* ‘за деньги, платно’, *өңгэр* ‘по цвету, даром, бесплатно’. Признание власти цвета знамени, верность ему, надо думать, нередко переходили в дружбу. Отсюда пословица: *хорха герлд үкдг, күн өңгд үкдг* ‘мотылек гибнет на свету, человек гибнет за цвет, дружбу (друга)’. Таким образом, слово *өңг* обозначает цвет знамени, по которому узнают, признают, заводят дружбу, дарят, отдают даром.

¹ Убушаев Н. Н. К вопросу об этногенезе хойтов // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 18–19.

² Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884 — 1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. С. 22.

В этой связи уместно вспомнить о так называемых пяти цветных и четырех чуждых народах (*tabun ongge dorben qari ulus*). Летопись «Шара Туджи» приписывает эти слова Чингис-хану, который будто бы сказал их, подводя итог своей жизни. Неправильное понимание значения слова *оңг*, как кажется, породило появление понятия «цветные народы». «Шара Туджи» делает попытку расшифровать эти слова, называет пять народов, покоренных Чингис-ханом. При этом каждому из этих народов приписывается определенный цвет: корейцы — белый, китайцы — красный, тибетцы — черный, туркестанцы — желтый и т. д.¹ Однако семантика данных цветовых обозначений неясна.

Это место в источнике, вероятно, надо понимать не как указание о цветных народах, а как упоминание о близких, дружественных и дальних народах. Поэтому выражение *tabun ongge dorben qari ulus* следует переводить ‘пять дружественных и четыре дальних народа’. Стоит вспомнить, что ойраты жили в Восьмирье, в верховьях Енисея, относились к дальним лесным народам и назывались *xari dorben oirat* ‘четыре дальних ойрата’. Поэтому цветовую символику, отмеченную в «Шара Туджи», не обязательно следует связывать со словами, приписываемыми Чингис-хану.

Если задаться целью представить себе «девятиножное» (*йисн кэлтэ*) белое знамя Чингис-хана, можно исходить из того постулата, что, если его слова действительно о пяти цветных народах, то он как военный человек мог иметь в виду боевые знамена своих противников, их цвета, и после каждой победы мог привешивать лоскут побежденного знамени к своему знамени, как «ножку». Исходя из признания вассальных отношений через символику подношений в виде цветовых маркеров, можно признать, что каждая ножка его «девятиножного» знамени должна быть какого-либо одного цвета, т. е. все «ножки» должны быть разных цветов.

¹ «Шара туджи» – монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер., введение и примеч. Н.П. Шастиной. М.; Л., 1957. С.17.

У калмыков существует обычай во время праздника Зул возжигать девятифитильную лампадку *йисн зул*. По данным информантов (Александра Манджиевна Наранова, 1930 г. р.), эта девятифитильная лампадка по бортику подсвечника должна иметь также девять кисточек (флажков) — залмы из белых и синих нитей, любимых цветов Чингис-хана. Здесь невольно возникает аналогия между девятиножным знаменем и девятифитильной и девятикисточной лампадкой. Только все кисточки одного бело-синего цвета. Возможно, каждая «ножка» белого знамени Чингис-хана тоже не была одного цвета, как это предполагалось нами ранее, как об этом говорится в эпосе «Джангар»: знамя бойцов развевалось на легком ветру, красное вечером, желтое поутру, девятицветной украшено тесьмой¹.

Обычно число «ножек» «девятиножного» белого знамени объясняли количеством орлюков в армии Чингиса. С другой стороны, сумма «цветных» и «дальних» народов тоже составляет девять, как и число знамен в названии города Эссентуки (от старописьменного монгольского *jesūn*) — опять-таки девять². Принято считать, что в монгольской (калмыцкой) армии знамя имела крупная военная единица, например, на уровне дивизии. Трудно представить, что в Эссентуках сошлось столь многочисленное войско. Скорее всего, в названии города отразилось одно «девятиножное» знамя, здесь произошло упрощение названия знамени, и *йисн кэлтэ цаһан* туг ‘девятиножное белое знамя’ — изменилось в *йисн туг*.

В названии города Эссентуки и в других случаях, где упоминается числительное девять, скорее всего речь идет о магическом числе, символика которого характерна для многих народов.

¹ Джангар. Элиста, 1971. С. 338, 368, 387.

² Бадгаев Н.Б., Омакаева Э.У. О происхождении топонима Эссентуки // История и культура монголоязычных народов: источники и традиции: Международный «круглый стол» монголоведов, г. Улан-Удэ, октябрь 1989 г. Улан-Удэ, 1989. С. 92–93.

Р. Т. Муратова отмечает, что в башкирской языковой картине мира число тугыз ('девятнадцать'), наряду с числительными 3, 7, 40, занимает особое место и объясняет его символику: 1) как утроение тройки, как сложный образ трех миров; 2) как конец, предел цифровой серии до ее возвращения к единице; 3) неопределенное большое количество¹.

Каббала считает основным числом, связанным с идеей человека, девять (3x3) — высочайшее в декаде число, трижды совершенное. Девять небесных сфер вращаются вокруг Земли². Объяснять число «ножек» на знамени количеством орлюков или «дивизий» вряд ли будет справедливо, ибо эти категории не являются постоянными, армия может увеличиваться, уменьшаться. К тому же (если рассматривать семантику знамени Чингис-хана) не может быть, чтобы у Чингис-хана была столь малочисленная армия.

Возникает вопрос о цвете знамени ранних ойратов (хойтов) до «прихода» белого знамени. Для ответа на этот вопрос стоит вспомнить атрибутику цаатанов, восходящих к ранним ойратам и сохранивших в определенной целостности и чистоте свою атрибутику. По словам бывшего гелюнга Хамхултинского хурула Харцхи Убушаева, клич бага-цаатанов следующий:

Маитг цаһан мааньта,

Туулан тоха урата,

Шар моңһл яста,

Баһ цаатн ээмг.

С низким белым знаменем,

С кличем «Локоть зайца»,

¹ Муратова Р.Т. Число «тугыз» девять в башкирской языковой картине мира // Подвижники сибирской филологии: В.А. Авронин, Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев. Тезисы докл. Всероссийской науч. конф. (Новосибирск, 27–29 сент. 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 166.

² Каббала. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. М., 2006. С. 498.

По кости желтые монголы —
Баг-цаатановский аймак
(подстрочник автора).

Конечно, этот магтал появился после смены знамени, после «прихода» белого знамени Чингис-хана, давшего аристократическому дому ойратов новое название *цаган туг хойт*.

По мнению бурятского ученого С. П. Балдаева, роды, вышедшие из Джунгарии, носят названия цветов древнейших знамен монголов: шаранууд, харанууд, боронууд, цэгээнүүд, хухэнууд и хурэнууд¹. В связи с этой точкой зрения в выражении *шар моңһ яста* видится указание на их знамя желтого цвета. Эта мысль подтверждается словами нашего информанта (Б. Б. Анджаев), который слышал от своего дяди Халги Бадма-Халгаева, что у цаатанов было *салврха шар маань* ‘резное, рваное (истрепанное) желтое знамя’.

Желтый цвет знамени яркой линией проходит по всему героическому эпосу «Джангар»:

*Дугту дотран бээхлэрн
Долвң сарин герлтэ.
Дугтуһасн һархларн
Долан нарна герлтэ
Алтн бээрин Шар-цоохр туг.*

Когда находится в чехле,
имеет блеск сверкающей луны.
Когда вынут из чехла,
сверкает светом семи солнц
боевое желто-пестрое знамя².

Знамя 3-го Донского Калмыцкого конного полка начала XX в. имеет белое полотнище и желтую окантовку. Здесь, как нам кажется, удачно сочетаются желтый цвет знамени ранних

¹ Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ, 1961. С. 98–99.

² Джангар. Элиста, 1971. С. 5.

ойратов и белый цвет «девятиножного» знамени Чингис-хана, привезенного Чечейкен ойратам. Такое сочетание у калмыков, видимо, идет издавна.

Г. Н. Прозрителев описывает, как он фотографировал в Александровском хуруле два очень ветхих знамени, относящихся еще ко времени появления калмыков в России. На одном из знамен — изображение всадника на белом коне Дайчи-тенгри — небесного воина, покровителя войн и воинов, помощника в сражениях и победах. В руке у него — древко знамени, которое также имеет окантовку и три хвоста. Конец древка украшают золотой шар и трезубец. У ног всадника видны звери: тигр, медведь, волк, собака и другие¹. Рядом с Дайчи-тенгри, согласно описанию Г. Н. Прозрителева, изображена Ожн тенгри — божество из ранга защитников буддийской веры, синкретический образ которого объединил и представления о божестве — хозяйке огня, очага. На другом знамени начертаны изречения на тибетском языке и надпись хойтского предводителя «Саин-Ка Исильбеев»².

Флаг Всевеликого Войска Донского был утвержден в 1918 г. на «Кругу спасения Дона». Он состоял из трех продольных полос равной ширины синего, желтого и красного цвета. В постановлении Круга по этому поводу говорится, что три народа издревле живут на Донской земле и составляют население Донской области — донские казаки, калмыки и русские крестьяне. Характерными цветами их были: у донских казаков — синий, васильковый, у калмыков — желтый и у русских — алый.

В 1996 г. решением Законодательного собрания Ростовской области к левой стороне флага была добавлена белая полоса, символизирующая единство Ростовской области и России. В таком виде флаг был утвержден в качестве флага Ростовской области³.

¹ Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1912. С. 90–91.

² Там же. С. 90–92.

³ Астапенко М. П., Астапенко Е. М. История Донского края. Ростов-на-Дону, 2005. С.15, 668.

В современном знамени Республики Калмыкия основным является желтый цвет, выбранный как цвет буддийской веры калмыцкого народа. Но при этом можно считать, что желтый цвет является и «ранне-ойратским».

В дневниковых записях О. М. Ковалевского отмечается, что во время войны на врагов надвигается сначала белое знамя, затем — зеленое, черное, желтое — храбрейшее¹.

В героическом эпосе «Джангар» также отмечается желтый цвет знамени. Знамя хана Джангара желто-пестрого цвета. Возможно, цветовая символика связана с желтым цветом знамени ранних ойратов. С другой стороны, исходя из предположения С. П. Балдаева, в «желто-пестром» знамени отмечается название племени — создателя эпических сказаний — цохуров, которые среди волжских калмыков составляли два аймака — Икицохуровский и Багацохуровский. Возможно, название ойратского племени *цоохр*, имеющего отношение к созданию эпических песен, отражено в названии цвета знамени *шар цоохр*, ‘желто-пестрый’.

Желтый цвет знамени ойратов, как видно из сказанного, восходит к периоду до 1207 г., когда Чечейкен привезла к ойратам белое знамя Чингис-хана.

В связи с предпринятым исследованием отдельных аспектов семантики древних знамен можно отметить два примера их отображения в изобразительном искусстве. В работе О. Пархаева «Урядник калмыцких казачьих полков»² художник изобразил главного персонажа с развернутым знаменем в руках, при этом со знамени не снят чехол, который обычно наматывается на древко поверх знамени. Другой пример — изображение двухлопастного знамени (не характерного для ойратов) в скульптуре «Золотой всадник» в г. Элисте. Таким образом, в разновременных про-

¹ Скородумова Л. Г. Рец. Россия — Монголия — Китай. Дневники монголовед О. М. Ковалевского, 1830–1831 // Восток (Orient). 2007. №6. С.172.

² Пархаев О. Русская армия в 1812 г. Вып.3. М.: Изобразительное искусство, 1989.; Муратова Р.Т. Указ. соч. С.166.

изведениях отразилось незнание символики знамен и обычаев, связанных с культурой монголоязычных народов. Поэтому значение древней символики знамен актуально как для понимания их глубинной семантики, так и для правильного отображения в художественной культуре.

Список информантов

Авджаев Борис Бадмаевич (Лаганский район)
Бембеев Сангаджи Наранович (г. Элиста)
Наранова Александра Манджиевна (г. Лагань)
Санджиев Сергей Хечеевич (г. Элиста)
Санджиев Хеече Адучиевич (г. Элиста)
Убушаев Харцха (Лаганский район)

О СЛОВЕ ЭБЕ¹

Как-то в фольклорно-диалектологической экспедиции в поселке Чилгир во время записи *Кемэллн* в исполнении Батандаева Гари обратило на себя внимание выражение *Эб-эб, би эндуржэжэжэв*. ‘Эб-эб — что бы это могло значить?’.

Помог Б. Я. Владимирцов, утверждавший, что слово гутурального ряда иногда обозначает мужской род, а слово палатального ряда — женский². Руководствуясь этим положением, в словаре Г.Й. Рамстедта мы находим слово *аба* ‘отец’, противоположного *эб* сингармонического ряда. Если судить по *аба* ‘отец’, то *эб* /*ebe*/ должно иметь значение ‘мать, матушка’. Слова *аба, ебе* составили, видимо, и составляли сингармоническую пару. При знании семантики одного из них не трудно было определить значение другого.

С развитием языка, в результате количественной метатезы, *аба* развилось в *аава*, а *ебе* в результате выпадения интервокального согласного развилось в *ээ*, т. е. нарушилась сингармоническая пара, трудноопределяемым стал род слова *ээ* /< *ebe*/. Поэтому к нему /*ээ*/ был присоединен показатель женского рода *~жэи* /- *ji, -jin*/, ср. *ebe* > *ee+ji* > *eeji* ‘мать, матушка’³.

Правильность определения значения слов *эбе* подтверждается материалами бурятского языка, в диалектах которого сохранилась форма *эбы* ‘мать, матушка’⁴. В киргизском языке это слово сохранилось в форме *эбий* /тяньш./ ‘старуха’⁵.

¹ Убушаев Н.Н. О слове эбе // Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 122–123.

² Владимирцов Б. Я Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. С. 127.

³ *Ебе* развилось и дало *ете* «женщина; самка».

⁴ Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: Сов.энциклопедия, 1973. С. 753.

⁵ Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. С. 942.

Позже это слово нами обнаружено в произведениях калмыцкой художественной литературы, например, в произведениях основоположника советской калмыцкой литературы Баатра Басангова. В его пьесе «Экин туск частр» мы встречаем *эбэ, би нам ирсн кергэн мел мартчкжэ*¹ ‘Матушка, я даже забыла, зачем я сюда пришла’.

Здесь гласный [э] непервого слога перешел в широкий гласный [э], что вполне закономерно, так как в современном калмыцком языке [э] в непервых слогах постоянно переходит в [э].

В антологии калмыцкой поэзии мы встречаем: *эбэд эр... би эндү кемэлһад орксн бээжэ*². Здесь, видимо, ошибочное написание в два слова, скорее всего здесь множественное число от *эбэ* /<*ebe*/ и надо его писать *эбэнер* ‘матушки, женщины’, по существующей орфографии это будет *эбэнр*.

Интересно отметить частое употребление этого слова сказителем Батандаевым, да и вообще само обращение толкователя кости к *ebe* ‘матушке, женщине’ как к собеседнице, на вопросы которой он отвечает, может пролить свет на роль женщины в древнем калмыцком обществе и на время происхождения *кемэлһн* ‘толкования кости’.

¹ Басңа Б. Бумбин орн. Элст, 1971. X. 116.

² Хальмг поэзин антолог. Элст, 1962. X. 87.

«ЦАГАН САР»¹

Название калмыцкого праздника *Цаган Сар* обычно переводят ‘белый месяц’, однако, понимая, что этот буквальный перевод ни о чем не говорит, добавляют, что это праздник наступления весны². Значение слова *цаган*, которое все знают как ‘белый’, трактуют обилием молочных продуктов *цаган идэн* после зимнего приплода скота.

Время проведения *Цаган Сар* первый бурятский ученый Д. Банзаров пытается связать с русским праздником масленицей, сырной неделей, опять-таки связывая с молочными продуктами.

В древности *Цаган Сар* был (да и сейчас есть, например, у вьетнамцев) праздником нового года и проводился осенью. Об этом также говорит Д. Банзаров. Он пишет, что происхождение названия белого месяца толкуют различно, так как этот праздник в старину совершался осенью, то надобно думать, что название это произошло от слова *цага* ‘творог’, потому что осенью, когда скотина мало доставляет молока, начинают есть творог. Поэтому *цаган сара* можно переводить ‘творожный месяц’ или ‘белый месяц’. *Цаган* по-монгольски и значит ‘белый’. Мы придерживаемся последнего перевода, пишет Д. Банзаров, потому что он уже давно принят. По такому же поводу август называется у бурят (в наше время этого нет. — *Н.У.*) месяцем молочным и, вероятно, предшествовал белому. Как бы то ни было, празднование белого месяца принадлежит к древнейшим народным обычаям Средней и Центральной Азии, ко временам, предшествовавшим эпохе Чингис-хана³.

¹ Убушаев Н.Н. Цаган Сар // Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 107–109.

² Джангар. М.: Госполитиздат, 1958. С. 359.

³ Банзаров Д. Собр. соч. М., 1955. С. 42.

С принятием монголами буддизма¹ празднование *Цаган Сар* перенесли на конец зимы. На праздновании все поздравляют друг друга, обнимаются и (в древности монголы, здороваясь, обнимались) говорят приветствия.

Описание празднования *Цаган Сар* у монгольских народов дает известный путешественник XIII в. венецианец Марко Поло. Он пишет: «Большой праздник, в начале их года, зовется белым праздником. Год у них начинается в феврале, по обычаю все одеваются в белое. Белая одежда у них почитается счастливой, поэтому одеваются в белое, чтобы во весь год было счастье и благополучие, друг другу дарят белые вещи, обнимаются, веселятся, пируют, чтобы счастливо и подобию прожить весь год. В этот день весь народ, все страны, области и царства и все, у кого от великого хана земли в управлении, приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей... В этот день дарят великому хану более ста тысяч славных и дорогих белых коней. В этот же день выводят пять тысяч слонов под белыми, зверями и птицами вышитыми, попонами; у каждого слона на спине по два красивых и дорогих ларца, а в них посуда великого хана и богатая сбруя для этого белого сбора.

Выводят еще многое множество верблюдов; они также под попонами и навьючены всем нужным для дара. И слоны, и верблюды проходят перед великим ханом, и такой красоты нигде не видано!».²

Можно сказать, что Марко Поло подтвердил значение слова *цаган*, которое в калмыцком языке имеет большое количество различных семантических нюансов. *Цаган* — это не только ‘белый’, это и ‘светлый, благородный, чистый, святой, хороший, добрый’.

¹ Приблизительно IX в. н.э. См. Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. С. 91.

² Книга Марко Поло. М., 1956. С. 112–113.

Как было выше сказано, на этом празднике все приветствуют, поздравляют, желают друг другу здоровья. Это по-калмыцки называется (производным от цаган словом) *цагалх* ‘приветствовать, здороваться’.

В связи с поднимаемой здесь темой следует отметить, что у калмыков есть выражение *залу кун мөрн деерэс цагалдо*, т. е. по калмыцкому этикету вообще, вне связи с *Цаган Сар*, мужчине не положено здороваться, сидя верхом на коне.

Если перекинуть обратно от *цагалх* к *цаган* семантический мост, то слово *цаган* будет иметь значение не ‘белый’, а ‘приветствие, поздравление; здоровье’. Такой вывод подтверждается материалами родственных тюркских языков. Например, в туркменском языке есть слово *сагат* ‘здоровый, крепкий’, *сагат адам* ‘здоровый человек’, *сагат болмак* ‘быть здоровым, крепким’, *сагатлык* ‘здоровье’¹.

Если принять во внимание закономерность чередования *ц/с*, свойственную тюрко-монгольским языкам, то обнаружим здесь один и тот же корень *цаһа /цага/ сага*.

Итак, слово *цаган*, кроме вышеуказанных, имеет еще значение ‘здоровый, крепкий, здоровье, приветствие, поздравление’. Отсюда название *Цаган Сар* соответственно должно переводиться как ‘месяц приветствий, месяц поздравлений’. Тем более, ни на каком другом празднике калмыки так не поздравляют друг друга как на *Цаган Сар*. Может возникнуть резонный вопрос: при чем здесь слово *сар*? При том, что этот праздник, вернее поздравления, приветствия друг друга, могут длиться две-три недели, а то и месяц.

¹ Туркменско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова, Б.А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 554.

«НООСТА НОЦХН» И «ГЛОКАЯ КУЗДРА»

Составление словаря — архиважная и архисложная работа. Надо обращать особое внимание значение каждого слова. Например, очень интересно толкование слова *ноцхн*. Это слово встречается в калмыцком устном народном творчестве, в его разговорном жанре *яс кемялген* ‘рассказе по кости’, заключающемся в вопросах и ответах: как называется это, как называется то, почему оно так называется.

Знание этих вопросов и ответов говорит о мудрости человека, широте его кругозора и таланте красноречия. *Яс кемялген* нередко ставится на калмыцких сценах как конкурс, соревнование вопрошающего и того, кто отвечает на вопросы. Ставка такого соревнования в древности была ничуть не меньше стоимости хорошего коня.

В наше время конкурсантами выступают двое пожилых людей, знающих перипетии дискуссии. Мы же считаем, что этот жанр восходит к эпохе матриархата, когда конкурсантами выступали пожилая женщина и молодой человек, видимо, проходящий испытания на зрелость, находчивость, красноречие. Об этом говорит тот факт, что один из них обращается к другому *эбе* ‘мать-матушка’. Батендаев Гаря, сказитель из Улан-Эрге (Яшкульский район), рассказывая о *яс кемялген*, говорил: *Эбе, эндүржэнэв, буру кемэц* ‘Матушка, матушка, я ошибаюсь, неправильное выражение’.

В калмыцком фольклоре 1941 г. это обращение передается как *эв, эвэн эр*, которое, видимо, надо понимать как *эвэнр* ‘матушки’. От этой древней формы *эбе* плюс уменьшительный аффикс *-жи* образовалось слово *эбежи* — *ээжи*. Слово *эбе* сохранилось в современных именах собственных: *Эбэ* — Абя, *Эббэ* — Аббя. Мы здесь попытались показать древность этого памятника устного народного творчества.

Так, о *нооцхн*. О *ноцхон* говорится: *ноцхн ноцхлжэ*. Спрашивается: *нооста ноцхн ноцхлсм-би, аль ноосн уга, нөцкн ноцхн ноцхлсм-би?* Ответ: *Нооста ноцхн ноцхлл уга, ноосн уга — нуцкн ноцхн ноцхлх били?* Так трижды, вопросом на вопрос, на одном дыхании дается ответ.

Лингвист Александр Каляев этот отрывок из *Яс кемялген* справедливо переводит: *ноцхон* ощенился. Шерсть имеющий зверь (*ноцхн*) ощенился, или без шерсти, голый (*нөцкн*) зверь (*ноцхн*) здесь ощенился? Конечно, зверь *ноцхн*, имеющий шерсть, ощенился. Разве без шерсти, голый (*нуцкн*) зверь (*ноцхн*) ощенился бы?

Такой перевод соответствует грамматическим, языковым данным этой загадки-скороговорки. Действительно, некто или нечто «ноцхон» оноцхонился и произвел на свет ноцхоненка. Автором, древним мудрецом, от существительного *ноцхон* при помощи словообразовательного аффикса *-л* создан глагол *ноцхлх*, но что значит основное исходное слово *ноцхон*?

Фонетически слово *ноцхон* начинается с согласного [н]. Из калмыцкого языкознания известно, что в торгутском говоре калмыцкого языка часто наблюдается чередование начального [л] с [н]. Например, литературное *лавиг* ‘халат’ — торгутское *навиг*, литературное *лаг* — имя, торгутское — *наг-нагга*, литературное *Лагань* — название города, торгутское — *Наган*. Отсюда *ноцхн* вполне может быть *лошх* ‘лопух’, а по-торгутски — *ношх*, от которого, видимо, и образован *ноцхн*. Если мы примем цепочку: *лошх* — *ношх* — *ноцхн* как ‘лопух’, то как быть со значением ‘ощениться, окотиться’, ибо ‘лопух’, как растение, не может дать приплод, не может ‘оноцхониться’ и родить ноцхоненка, как выше предполагалось. Однако глагольный аффикс *-л* все еще действует. Значит, основное слово-подлежащее *ноцхон* производит что-то другое. Здесь на помощь приходит детская игра — лепить из колючек лопуха комья и, играя, кидаться как снежками. Теперь становится ясно, почему древнего мудреца

волновал вопрос: волосатый ли *ноцхон*, или безволосый, голый *ноцхон*, «оноцхонился». Безволосый лопух не будет лепиться в ком, значит, *ноцхлх* — имеет значение ‘лепиться’.

Так решена древняя загадка, калмыцкая теорема Ферма, или Пифагора, созданная гением народа, решен вопрос авторства, происхождения *яс кемялген*, в какой народной среде вырос этот, теперь уже можно сказать, лопух.

Казалось, что на этом можно было бы завершить разбор *яс кемялген*, о его тонкостях, построенной на грамматическом строе языка, на прекрасном владении языком, если бы не другой гений, великий знаток теории общего языкознания Лев Владимирович Щерба уже в наше время не придумал подобную загадку о «глокой куздре», в которой говорится: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Здесь нет ни одного знакомого слова. Надо сказать, о чем тут речь, на каком языке говорится. Конечно, ясно, что какая-то свирепая куздра очень невежливо обошлась с бокром и теперь расправляется с его детенышем.

Если учесть, что в этом выражении наблюдается согласование в роде, числе и падеже, свойственное русскому языку, то можно сказать, что автор Л. Щерба говорит на русском языке. Ученый показывает, что язык — это не только слова, но и грамматика, аффиксы, окончания и другие служебные слова. В калмыцком языке и не только, даже позиция, место в предложении имеет значение.

Если бы они встретились, то древний мудрец и Л. Щерба понимали бы друг друга без слов.

КАЛМЫЦКИЕ РОДА ЧОРАС, ЗЮНГАР, ДЕРБЕТ

Среди калмыков имеется род чорас. Известный ученый историк М. М. Батмаев не отделяет их от джунгар, которых считает одного происхождения с дербетами. Он отмечает, что в XVI в. Чоросский дом разделился на два дома: зюнгарский и дербетский¹. Указанный автор также обращает внимание на два обстоятельства: во-первых, мальчик-найденный Цорос (Чорас) и его потомки стали нойонами воспитавшего их народа; во-вторых, дербетские нойоны имели общее происхождение с зюнгарскими владельцами, но впоследствии отделились от них. Отсюда объединение чорасов будто бы получило свое название от имени управлявшего ими нойонского рода. Отделившаяся от них на определенном этапе часть родов, или группировка получила название «дербет»². Примерно эту же историю рассказывает Батур Убаши Тюмень в «Сказании о дербен ойратах»: будто бы в древности были два человека — Аминай и Дебене. Они кочевали в безлюдной стране. У каждого из них было по десять сыновей. От десяти сыновей Аминая произошли подвластные зюнгарских нойонов, а от четырех (?) сыновей Дебенея произошли подвластные дербетских нойонов (*дербен* ‘четыре’), потомство которых постепенно размножилось. Из их числа один охотник нашел в лесу маленького ребенка под кривым деревом, похожим на цорго — винокурную трубу, по названию которой он дал мальчику имя Цорас³.

Следует отметить, что в калмыцком языке слово цорго не может дать Цорос, оно так и сохраняется — Цорга, Цоргаев⁴.

¹ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993. С 42.

² Там же. С.21.

³ Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С.132.

⁴ Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста, 2012. С. 213.

Г. О. Авляев слово *чоро*, со ссылкой на К. Юдахина, объясняет как ‘богатырь, витязь’¹.

К тому же Батур Убаши Тюмень в легенде не говорит о родственных отношениях Аминая и Дебенея. Отсюда не понятно происхождение зюнгарских нойонов Цоросского дома. Здесь два разных этнических понятия. Должно быть что-то одно, или зюнгары, или цоросы, если оба, то только каждый в отдельности, ибо их происхождение должно быть совершенно различно. Об этом говорят хотя бы их разные наименования, тем более когда известно происхождение найденыша, его имя Цорас, которое никакого отношения к зюнгарам не имеет.

Зато Габан Шараб, чтобы показать, что дербеты с зюнгарами одного происхождения, Аминая и Дебенея выдает сыновьями найденного дитяти Цораса, которые потом все-таки отделились друг от друга².

Авторы «Очерков истории Калмыцкой АССР» отмечают, что крах империи монгольских феодалов Китая (1368) круто изменил течение жизни Монголии. Особенно тяжелым оказалось положение западных районов Монголии, населенных ойратами. К тому же усилился нажим на них и с запада, со стороны правителей Моголистана, развивающих свою экспансию на восток. Будто бы вооруженные столкновения между ойратскими и моголистанскими войсками начались в последнем десятилетии XIV в. и носили довольно обостренный характер³.

Моголистан, или Могольское государство — это государственное образование, возникшее в середине XIV в., первым его ханом был Тоглок-Тимур (1347–1362). После распада государства на две части в 1462 г. потомок этого хана Султан-Саид-хан

¹ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста, 2002. С. 200.

² Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969, С. 143–144.

³ Очерки истории Калмыцкой АССР М., 1967. С.64.

в 1514 г. основал независимое ханство Могулия (Мамлакат-и Моголией) со столицей в Яркенде после победы над дуглатом мирзой Аба Бакром¹. Могулию также называют Малой Бухарией, Кашгарией, или Восточным Туркестаном. В труде Шах Махмуд Чураса «Хроника» встречаются материалы, связанные с историей узбеков, казахов, киргизов и ойратов (калмаков). Об авторе «Хроники» говорится, что он не простой летописец, или незаметный хронист без рода и племени, а знатный происхождения, образованный и влиятельный бек из рода чурас². Шах Махмуд был выходцем из влиятельного военно-феодального рода, десятки представителей которого из поколения в поколение избирали себе только военную карьеру, к которой они готовились сызмальства и которая приносила им чины и должности³.

Из истории рода чурас отмечаются отдельные сведения о разных представителях военно-кочевой знати чурасов, проходивших через историю Могольского государства середины XIV в. Чурасы в разное время занимали целый ряд главнейших военно-административных и государственных постов: были хакимами Яркенда, Кашкара, Хотана, Аксу, Чалыша, Кусана, Барчука; назначались на должности верховного эмира, аталыков наследников престола; были личными советниками правителей государства⁴.

Согласно традиционной классификации тюркских и монгольских племен и народов, этот род входил в правое крыло и был достаточно могущественным и многочисленным, чтобы оспаривать у рода бекчик право идти на краю (т. е. быть первым) как на охоте, так и во время военных действий⁵. По словам автора «Хроники», первенствующее положение на правом

¹ Шах Махмуд Чурас. Хроника. Сер. Памятники письменности Востока. XLV. М.: Наука, 1976. С. 12.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 25.

крыле принадлежало чурасским эмирам, эмирам народа духтуй и предводителю керайтов¹.

Родным языком Шах Махмуд Чураса был один из тюркских диалектов, на котором говорили в районе Кашкара и Яркенда как кочевники, так и оседлые поселенцы². По мнению В. П. Юдина, тюркоязычность моголов представляет собой «древнее явление», причем «они говорили на тюркском языке кыпчакского типа, близком к казахскому и киргизскому языкам»³.

В связи с разногласиями на религиозной почве, затем смуты среди могольского улуса часть племени байрин и рода чурас ушла в Мавераннахр, другая часть по неизвестным причинам не последовала за своими соплеменниками, а предпочла уйти к калмакам Амасанджи-тайши, отказавшись признать власть Эсен-Буга-хана (1434–1462)⁴. Так среди ойратов мог появиться, род чорас. Среди ойратов они, видимо, быстро освоились, овладели их языком и в истории уже не воспринимаются как пришлый народ, а их предводитель Хара-Хула часто претендовал на ведущую роль среди ойратов.

Однако Г. О. Авляев все-таки отмечает, что чорасы являются пришлыми («оруд улс»), тюркским компонентом в составе ойратов домонгольской эпохи, что они сыграли определенную роль в этногенезе ранних ойратов, с начала XIV в. и позже в формировании племен средневековых «зюнгаров» и «дербетов»⁵. Г. О. Авляев, конечно, прав насчет их тюркского происхождения, но, на наш взгляд, не совсем справедлив насчет домонгольской эпохи и ранних ойратов, ибо чурасы вошли в состав ойратов только в XV в.

¹ Там же. С. 25.

² Там же. С. 46.

³ Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахами и другими соседними народами // Известия АН Казахской ССР. 1965. № 3. С. 52–65.

⁴ Шах Махмуд Чурас. Указ. соч. С. 25.

⁵ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста, 2002. С. 199–200.

Новейшая «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» отмечает, что чорасы, позднее ставшие аристократическим правящим родом у джунгар и дербетов (ойратских этнических подразделений позднего средневековья и нового времени), населявшие в разное время Западную Монголию, имеют общую легенду о своем происхождении и своем первопредке¹.

Получается, что джунгары и дербеты имеют общее происхождение от тюркоязычных чурасов, которые пришли к калмакам Амасанджи-тайши, отказавшись признать власть Эсен-Буга-хана, правившего 1434–1462 гг. Отсюда вытекает, что дербеты появились после чингисовского времени, в XV в. и имеют тюркское происхождение, являются ответвлением чурасов. Может, чурасовские дербеты не есть истинные дербеты, которые жили во времена Чингис-хана, от которых в 1207 г. Дорбо-Докшин был послан к лесным народам на подавление восстания Туматского племени².

И. Я. Златкин затрудняется проводить связь между дербетами-потомками четырех сыновей Дува-Сохора и дербетами, которые под таким же именем появились во второй половине XV в. среди ойратов в Западной Монголии, он отмечает, что в известных источниках нет данных, подтверждающих такую преемственность, что источники дают основание предполагать, что между дербетами XIII в. и дербетами послеоаньской эпохи нет никакой связи³, а также что Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмень утверждают, что дербеты и чоросы имеют общих предков, что дербеты выделились из дома Чорос не ранее начала второй половины XV в., что китайские источники считают дербетов и чжунгаров (т. е. чоросов) выходцами из фамилии

¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т.1. Элиста, 2009. С. 119.

² Сокровенное сказание монголов. Элиста, 1990. § 240.

³ Там же. С. 71.

Чжо-ло-сы, т. е. Чорос¹. Это как раз то время, когда Чурасы вышли из Восточного Туркестана и пришли к ойратам. Правда, в их составе было племя байрин, также могли быть другие рода, отсюда, кроме чорасов, могли появиться наименования дербет, зюнгар. И. Я. Златкин имя джунгар часто сопровождает скобкой с пометой чорос². Отсюда можно сделать вывод, что Илья Яковлевич их не разделяет, ставит между ними знак равенства.

Новейшая «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» со ссылкой на японского историка-монголиста Хидехиро Окада утверждает, что «чоросские племена — джунгары и дербеты, населявшие древнюю родину найманов, по-видимому, являются остатками древнего Найманского ханства, которое было разрушено Чингис-ханом»³. Следовательно, джунгары и дербеты являются найманами, и новейшая история Калмыкии отмечает, что предположение Х. Окады о происхождении их от древнемонгольского племени найманов вполне согласуется с историческими фактами, что «чоросские племена — джунгары и дербеты являются остатками Найманского ханства»⁴. На мой взгляд, трудно с этим согласиться, если известно, что найманская кампания была в 1204 г., тогда были известны дербены (дербеты) — потомки Дува Сохора, от них к Чингис-хану пришел Мочи-Бедуун⁵, а чурасы вошли в состав ойратов в XV в. С другой стороны получается, что древнемонгольское племя найманов является чурасским, тюркоязычным. Об этом почему-то умалчивает «Хроника» Шах Махмуд Чураса. Уж он, наверное, в первую очередь об этом с гордостью сообщил бы. Также умалчивает и «Сокровенное сказание монголов»

¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 72.

² Там же. С. 72, 81, 120.

³ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Элиста, 2009. С. 119.

⁴ Там же. С. 248.

⁵ Сокровенное сказание монголов. Элиста, 1990. §120.

На наш взгляд, следует внимательнее отнестись к сочинению Шах Махмуд Чураса, в котором можно почерпнуть сведения о происхождении ряда племен. Также, видимо, следует напомнить, что первенствующее положение на правом крыле в Моголистане принадлежало чурасским эмирам. Однако, оказавшись в Джунгарии, понимая этот старинный географический термин за обозначение первенствующего положения на левом крыле они, вероятно, приняли себе имя чжунгары от географического термина «Джунгария».

История не дает объяснения о причинах принятия имени *дербет* выходцами из тюркоязычных чурасов. Создается впечатление, что дети Деменей и их потомки придумали легенду о Цоросе, мальчике-найденыше и присоединились к могущественному моголистанскому племени чурас, затем взяли себе имя рода сыновей Дува Сохора — древних дербетов, имеющих близкое отношение к кият-борджигинам, из которых вышел Чингис-хан, затем решили более ближе подойти и взяли родовое имя Чонос, от однокоренного с Чингисом старомонгольского слова *чино*. Такая частая смена покровителей вводит историков в заблуждение.

Говоря о причинах передвижений восточномонгольских феодалов, китайские источники объясняют поисками новых пастбищ. И. Я. Златкин вопрошает — почему же они покинули старые кочевья, кормовые и водные ресурсы, которые до этого их удовлетворяли? Прямого ответа источники не дают¹. Эти же вопросы можно адресовать и ойратам, тем, которые откочевали и создали отдельные ханства в Кукуноре и Поволжье. Конечно, одной из главных причин, как всегда, можно назвать рост численности стад, но ведь раньше старые кочевья, кормовые и водные ресурсы, как выше сказано, их удовлетворяли. Здесь, как кажется, первоначальной причиной является не рост численности стад, а рост численности населения. И. Я. Златкин, со ссылкой на Махмуд Шарас, отмечает, что Ходжа-Али-бахадур сделал

¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 100.

доклад хану о том, что монголы количественно увеличились¹. Никто из историков не говорит о приходе к ойратам одного из ведущих могущественных и многочисленных родов Восточного Туркестана воинственного рода чурасов, которые, как кажется, заняли центральную Джунгарию, создали три рода: чоросов, зюнгаров, дербетов, стали верховодить и постепенно вытеснять хошутов и торгутов. Так хошуты оказались в Куку-Норе, а торгуты — в России.

Создается впечатление, что джунгары и дербеты в составе чурасов представляли самостоятельные рода, ибо, говоря о своих происхождениях от чурасов, они не взяли себе в название это имя, да и отношения между ними были не устойчивы, не ладя между собой, они разделились².

¹ Там же. С. 119.

² Лунный свет. Элиста, 2003. С. 133.

СТАТЪИ

О НИКОЛАЕ НАДБИТОВИЧЕ УБУШАЕВЕ

Н.Н. УБУШАЕВ И КАЛМЫЦКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В 1962 г. в числе выпускников калмыцкого отделения Ставропольского педагогического института Николай Надбитович приехал в Элисту и по счастливой случайности вместе с несколькими своими товарищами попал в состав участников первой фольклорно-диалектологической экспедиции, которую организовал возобновивший свою деятельность Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (далее — КНИИЯЛИ). Работой экспедиции руководил Анатолий Шалхакович Кичиков.

В том же году руководство КНИИЯЛИ направило Николая Надбитовича на учебу в аспирантуру Института народов Азии АН СССР. Научную подготовку он проходил под руководством выдающегося монголоведа проф. Г.Д.Санжеева, который предложил Николаю Надбитовичу заняться изучением фонетики родного для него торгутского говора. Так определилось будущее молодого лингвиста.

Закончив обучение в аспирантуре, Николай Надбитович вернулся на работу в сектор калмыцкого языкознания КНИИЯЛИ. В составе авторского коллектива он принимал участие в составлении калмыцко-русского словаря, создании нормативной грамматики калмыцкого языка и в разработке других важных проблем калмыцкого языкознания. Одновременно Николай Надбитович продолжал изучение калмыцких говоров, с целью сбора необходимого материала много ездил по районам республики, накапливая опыт полевых исследований.

Надо заметить, что в 1960–1970-е гг. калмыцкие ученые А.Ш. Кичиков, Д.А. Павлов вели активную деятельность по изучению и выявлению дифференциальных признаков говоров оренбургских, донских и уральских калмыков. Появилось

первое монографическое исследование, посвященное особенностям фонетики и морфологии дербетского говора¹. В эти же годы выходит несколько статей самого Николая Надбитовича, в которых по материалам экспедиций дано описание торгутского диалекта в его отношении к литературному калмыцкому языку, рассмотрены некоторые своеобразные черты икицохуровского, волго-каспийского и цаатанского подговоров².

В 1974 г. Николай Надбитович защитил кандидатскую диссертацию. В ней на обширном и достоверном материале, собранном лично автором во время полевых экспедиций 1965–1970 гг., впервые в практике диалектологического изучения монгольских языков была поставлена и успешно решена задача научного освещения системы вокализма и консонантизма торгутского говора. Спустя несколько лет на ее основе была издана монография «Фонетика торгутского говора»³.

Данная работа носит характер сравнительно-исторического исследования, поскольку к описанию привлекаются показания всех диалектных подразделений калмыцкого языка. Кроме того, для выявления тенденций исторического развития торгутского говора автор систематически обращается к соответствующим фактам старокалмыцкого и монгольского письменных языков. В этом отношении работа Н.Н. Убушаева продолжила традиции классических исследований Б.Я. Владимирцова, В.Л. Котвича, Г.Й. Рамстедта, А.Д. Руднева, Г.Д. Санжеева, изучавших

¹ Пюрбеев Г.Ц. Развитие языкознания в Калмыкии // Вопросы языкознания. 1969. № 2.

² См.: Убушаев Н.Н. Торгутский диалект и его отношение к калмыцкому литературному языку // Ученые зап. КНИИЯЛИ. Вып. 7. Серия филологии. Элиста, 1969; Убушаев Н.Н. О некоторых особенностях торгутского диалекта по материалам экспедиции в Юстинский район // Ученые зап. КНИИЯЛИ. Вып. 7. Серия филологии. Элиста, 1969; Убушаев Н.Н. Икицохуровский говор торгутского диалекта // Ученые зап. КНИИЯЛИ. Вып. 7. Серия филологии. Элиста, 1969.

³ Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Калм. кн. изд-во. Элиста, 1979.

фонетические явления живых наречий монгольских племен в свете данных письменных монгольских языков.

В книге большое место отведено обсуждению актуальных теоретических и практических проблем калмыцкой диалектологии и калмыцкого языкознания в целом. К их числу можно отнести классификацию говоров и подговоров калмыцкого языка, образование и развитие долгих гласных, процесс редукции гласных непервых слогов, явление сингармонизма, а также специфика фонетических изменений гласных и согласных по диалектным подразделениям. По всем этим вопросам автор высказывает свое мнение и во многих случаях предлагает собственное решение. В результате всестороннего освещения вокализма и консонантизма, фонетических изменений гласных и согласных в потоке речи удалось установить отличительные черты торгутского говора и определить общекалмыцкие явления, получившие отражение в фонетике изучаемого говора.

Критически воспринимая высказывания и замечания монголистов относительно некоторых фонетических явлений монгольских языков, Н.Н. Убушаев развивает те положения, которым в свое время не придавалось должного значения. Это касается, например, высказывания Г.Й. Рамстедта о метатезе как способе образования долгих гласных из комплекса ГСГ, замечания Г.Д. Санжеева о фарингализации заднеязычного щелевого глухого [x] в торгутском, т. е. переходе его в гортанный спирант [h]. Полемизируя с точкой зрения Б.Я. Владимирцова и других монголистов, ставивших образование долгих гласных в первую очередь в зависимость от выпадения интервокального согласного, Н.Н. Убушаев дает свое обоснование причины возникновения долготы гласных.

Важно подчеркнуть, что в этой работе автор показал себя не только квалифицированным специалистом, хорошо разбирающимся в теоретических проблемах общей диалектологии и фонетики, но и прекрасно знающим письменный монгольский,

старописьменный калмыцкий и современный калмыцкий язык во всех его диалектных разновидностях.

Работая в течение многих лет (1965–1982, 2001–2015) в Калмыцком научно-исследовательском институте, который неоднократно менял свое название (КИОН, КНИИФЭ, КИГИ РАН), Николай Надбитович занимался изучением вопросов, относящихся к различным областям калмыцкого языкознания и филологии: лексикологии, лексикографии, грамматики, истории литературного языка. Однако основной сферой его научных интересов всегда была калмыцкая диалектология. Все годы он неутомимо продолжал собирать материал, расширять проблематику своих диалектологических исследований, углублять ранее сделанные им выводы и наблюдения, о чем свидетельствуют его публикации разных лет¹.

Венцом этих многолетних изысканий явился обобщающий труд Н.Н. Убушаева «Диалектная система калмыцкого языка», в котором нашли обстоятельное научное освещение проблемы ее становления и развития, сравнительно-сопоставительная характеристика звукового строя калмыцких говоров и подговоров, морфология именных частей речи и калмыцкая этнонимика². Научная значимость монографии подчеркивается и тем, что она подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». Эту работу с некоторым видоизменением Николай Надбитович представил в 2011 г. к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук в диссертационный совет при Институте языкознания РАН по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (калмыцкий язык).

¹ Бадмаев А. Н.Н. Убушаев – калмыцкий диалектолог // Хальмг унн. Мөчн сарин 10 (№114); Монраев М.У. Убушаев Николай Надбитович – ученый-лингвист // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 1.

² Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, 2006.

Таким образом, благодаря трудам Николая Надбитовича Убушаева и его предшественников, калмыцкая диалектология приобрела в настоящее время статус самостоятельной научной дисциплины. Вклад Николая Надбитовича в развитие калмыцкого языкознания и филологии высоко оценен. Ему присвоены почетные звания Заслуженного деятеля науки Республики Калмыкия и Отличника народного просвещения РСФСР.

НОМТ Николай Надбитович
Убушаевин 70 насни өөнд нерэдсн
хурвнтс

Угта-эцктә көвүн сән.
Үлгүр бәрлдүлж келдгнь сән.
Үрән өөрән дахулсн сән.
Эцн цогцас күдртәнъ үзмэжтә.
Күдр цогцас һәэхмэжтәнъ үзмэжтә.
Һәэхмэжтә цогцас эрүл-менднь үзмэжтә.
Хар үстә болхла – ке.
Буурл үстә болхла – ухага.
Цаһан үстә болхла – цецн.
Дал күртлән дадмг биший.
Дадмг күн хәэвртә биший.
Хәэврн күсл Дала биший.
Бүтү ууран һарһхла – чик.
Һарһсн ууран шинжлхлә – чик.
Шинжлсн ууран татч авхла – чик.
Барун һарин чидл – ончга.
Чидлтә һарин төвнь – ончга.
Төв һарин бичмр – ончга.
Көдлмиән кесн залу – әвртә!
Залуһан өөдлүлсн Таңһч – әвртә!
«Таңһчм»! гисн залу – әвртә!
Мөчн сарин 10, 2006 ж.

Увшан Альчан Иван

КАЛМЫЦКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГ

Убушаев Николай Надбитович — известный калмыцкий ученый-лингвист в эти дни отмечает свой юбилей. Родился он 10 июня 1936 года в поселке Хавтхрин Омрун Лаганского района в многодетной семье рыбака, был пятым ребенком.

В то время уже ощущалось приближение страшного монстра, который насаждал в стране страх, недоверие, жестокость, переполнил «гулаги» десятками тысяч безвинных своих граждан. Появившемуся на свет калмычонку еще предстояло пережить многое: голод, холод в годы войны и выселения в Сибирь и другие места Советского Союза... Безрадостным было детство и юность поколения, к которому принадлежит Н. Убушаев, да и старость, видно повсему, не обещает быть безоблачной...

В семилетнем возрасте Коля Убушаев разделил страшную судьбу своего народа, так он оказался в селе Ново-Краюшкино Краюшкинского района Алтайского края. С этого времени (начало 1944 г.) жизнь всех детей калмыцких «спецпереселенцев», разбросанных по огромной территории бывшего Советского Союза от Урала до Сахалина, от Норильска до Алма-Аты, похожа: школа (чаще всего в первый класс дети-калмыки поступали в 9–10 летнем возрасте), возвращение в Калмыкию, определение своего жизненного пути.

Вот и Николай Надбитович пошел в первый класс, когда ему было 11 лет, окончил среднюю школу в селе Буденновка в Западно-Казахстанской области.

В 1957 г. семья Убушаевых, оставив навечно в местах ссылки отца и двоих детей, возвратилась в Калмыкию, а Николай Надбитович с аттестатом зрелости в кармане в том же году приезжает в г. Ставрополь-на-Кавказе и поступает в Государственный педагогический институт на калмыцкое отделение. Здесь-то в июле

1957 г. я встретился с Николаем Убушаевым, и вот уж скоро, в будущем году, исполнится 60 лет нашему знакомству и дружбе.

Многое пришлось нам с ним вместе познавать, делить и главное то, что в нем я никогда не сомневался. Мы вместе в 1962 г. поступили в аспирантуру Института народов Азии АН СССР в Москве, жили в одной комнате...

Говоря сейчас о Николае Надбитовиче, я прежде всего имею в виду свое поколение, рожденное до или накануне Великой Отечественной войны, выросшее в Сибири, на Алтае, в Казахстане, говорю о поколении, лишенном нормального детства, опаленного пламенем жесточайшей войны, но не обозленного, а напротив, до последнего вздоха готового служить своему народу, своей Отчизне. Как бы там ни было, мы были первыми ростками новой интеллигенции восстановленной Калмыкии, ведь из нашей группы вышли первые доктора наук по филологии, истории, языкознанию. Я назову их. Это Г.Ц. Пюрбеев, А. Л. Каляев, Р.А. Джамбинова, В. П. Дарбакова, есть среди нас кандидаты наук, доктора наук, заслуженные деятели науки РК, заслуженные учителя РФ и известные деятели культуры.

Наш путь в науку был определен незабвенным нашим профессором Б. К. Пашковым, который настоятельно рекомендовал нам четверым — А. Л. Каляеву, Г. Ц. Пюрбееву, Н. Н. Убушаеву и мне готовиться в аспирантуру еще со второго курса. Другие преподаватели всячески поддерживали инициативу уважаемого профессора и привлекали нас к исследовательской работе.

Вот один пример. Летом 1961 г. А.Ш. Кичиков пригласил Николая Убушаева и меня в организованную им экспедицию, которую можно назвать этнолингвистико-фольклорно-диалектологической. Мы открыли новые имена сказителей, записали очень много образцов фольклора, причем запись вели на магнитную ленту и русской академической транскрипционной системой, в которую был влюблен А. Ш. Кичиков и азы которой он нам тогда и преподнес. Может тогда-то Николай Надбитович и определил

для себя ту область языкознания, в которой ему интересно работать – диалектология. С первого дня знакомства Коля (для меня он Коля и сейчас) меня удивил своей влюбленностью в родной язык, энергичностью, дотошностью копать в слове, потом уже я понял: это черта лингвиста, фонетиста, диалектолога.

С самого начала исследовательской деятельности родное слово, его значение, произношение его, варианты говора были для него главным.

В аспирантуре ему повезло, потому что его научным руководителем был профессор Г.Д. Санжеев – глава отечественной и мировой монголистики. В эти годы проявилась такая важная черта исследователя, как подвергать сомнению все, перепроверять все.

Так ученый Н. Убушаев написал более 80 научных работ, круг его научных интересов широк, но определяющими для него являются вопросы фонетики и грамматики, лексикографии, истории, этнографии (этнологии) и этимологии монголо-калмыцкой филологии, истории и культуры. Не вдаваясь в анализ его научных трудов, хочу обратить внимание на работу ученого «Фонетика торгутского говора калмыцкого языка» и была издана в Элисте в 1979 г. Объектом исследования, как напоминает название работы, является торгутский говор современного калмыцкого языка, целью же — фонетическое описание данного говора. Это результат десятилетнего напряженного поиска. Сбор материала проводился во время фольклорно-диалектологических экспедиций с 1965 г. в районах республики, где проживали носители этого говора. На основе опроса и записей собран достаточно разнообразный по тематике материал: мифы, легенды, исторические сказания, эпос «Джангар», сказки, загадки, пословицы, поговорки, песни (исторические, свадебные, революционные и нового времени), ураны (боевые кличи), образцы разговорной речи, детские скороговорки и прибаутки, термины и слова, употребляющиеся в разных отраслях производства, в домашнем

ремесле и в быту. Для исторического освещения особенностей исследуемого говора автор также использует данные старописьменного монгольского языка и отчасти данные ойрат-калмыцкого письменного языка (памятники «ясного письма»).

Сравнительно-исторический метод исследования, лежащий в основе настоящего труда, позволил автору впервые не только в калмыковедении, но и в монголистике, осуществить наиболее полное описание фонетики торгутского говора калмыцкого языка в современном его состоянии.

Калмыцкий язык, под которым понимается современный живой разговорный язык (бытовой язык), как известно, относится к группе монгольских языков и представлен в основном двумя говорами – торгутским и дербетским. Фонетическое описание их достаточно емко и полно осуществлено А.Ш. Кичиковым (дербетский говор) и Н.Н. Убушаевым (фонетика торгутского говора). К сожалению, исследования в этом направлении не находят продолжения.

В последнее десятилетие Н. Убушаев стал часто публиковать статьи по этимологии имен и названий, которые вызывают неподдельный интерес у читателя. Дискутировать по этой теме сейчас не буду, хочу только отметить, что с публикацией этих коротких, но интересных по содержанию и аргументациям статей (я имею в виду статьи «Этимология имени Чингис», «Происхождение этнонимов «калмык» и «хальмг», «Торгуты — этнос, этноним, этимология»), вопрос дешифровки всех этих этнонимов, имен и прочих наименований не снимается, не считается окончательно решенным, да вряд ли можно решить их, если иногда и чередование букв и звуков дает возможность выстроить стройную цепочку вариантов слов и их корней.

Работая после окончания аспирантуры в секторе языкознания КНИИЯЛИ (сейчас КИГИ РАН), который разрабатывал все важнейшие проблемы калмыцкой филологии, молодой ученый Н. Убушаев принимал участие в работе над калмыцко-русским и русско-калмыцким словарями, а также в составлении словаря

общественно-политических терминов. Он является одним из авторов академической грамматики калмыцкого языка, принимал участие в разработке правил орфографии с восстановлением неясных (редуцированных) и долгих гласных и т.д.

Период 1978–1980-х гг. для Николая Надбитовича примечателен тем, что в это время наиболее ярко проявились его педагогические качества: он был направлен в Институт театрального искусства им. А.В. Луначарского старшим преподавателем кафедры сценической речи и работал там в калмыцкой студии.

Эта деятельность не ограничивалась чтением лекций и проведением практических занятий, надо было заниматься и переводческой работой из-за отсутствия учебного материала по сценической речи, мастерству актера, ораторского искусства и т. д.

В начале 80-х гг. прошлого века Николай Убушаев стал возглавлять калмыцкую лабораторию Института национальной школы. Здесь проявились его организаторские способности. Ему удалось обновить учебные планы по родному языку и литературе, составить новые программы, т.е. открыть путь для функционирования национальных классов национальной школы, ввести преподавание родного языка в дошкольных образовательных учреждениях.

С 2001 г. он снова является ведущим научным сотрудником отдела языкознания КИГИ РАН, много сил и энергии отдает редакторской деятельности: под его редакцией подготовлены Толковый словарь калмыцкого языка Б.Б. Манджиковой, издан словарь синонимов М.У. Монраева. Сам же подготовил монографическую работу «Диалектная система калмыцкого языка». Таковы вехи жизни и научной деятельности калмыцкого ученого Николая Надбитовича Убушаева. В день его знаменательного юбилея по праву сокурсника и старого друга и от имени нашей студенческой группы поздравляю Николая Надбитовича с днем рождения и желаю здоровья, бодрости духа, успехов в его кропотливой исследовательской работе по любимой калмыцкой словесности.

**УБУШАЕВ НИКОЛАЙ НАДБИТОВИЧ —
УЧЕНЬИ-ЛИНГВИСТ**

В 2016 г. филологическая наука Калмыкии отмечает 80-летие со дня рождения доктора филологических наук, доцента Николая Надбитовича Убушаева.

В 1962 г. Н. Н. Убушаев окончил историко-филологический факультет (калмыцкое отделение) Ставропольского государственного педагогического института по специальности «преподаватель калмыцкого языка и литературы, русского языка и литературы». В том же году поступил в аспирантуру Института народов Азии АН СССР. С 1965 по 1978 гг. научный сотрудник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ). В 1974 г. защитил диссертацию «Фонетика торгутского говора калмыцкого языка» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С 1978 по 1980 гг. работал старшим преподавателем на кафедре сценической речи «Государственного института театрального искусства имени А.В. Луначарского (г. Москва), затем старшим научным сотрудником Калмыцкого НИИИФЭ. С 1982 по 2000 гг. — заведующий Калмыцкой лабораторией Института национальной школы Министерства народного образования РСФСР, потом зам. директора по научно-методической работе в базовой экспериментальной школе «Алтин Гасн». С 2001 г. работал в отделе языкознания КИГИ РАН.

Научные интересы Н.Н. Убушаева связаны с исследованием проблем фонетики, диалектологии, морфологии, лексикографии, этнографии. Широкому кругу специалистов он известен как крупный лексикограф, диалектолог. Н.Н. Убушаев является одним из составителей «Словаря общественно-политических терминов» (1969 г.), «Словаря спортивных терминов» (1996), «Калмыцко-русского словаря» под редакцией Б.Д. Муниева (1977 г.), авто-

ром «Школьного тематического калмыцко-русского словаря». Активно участвовал в разработке новых правил орфографии с восстановлением на письме редуцированных гласных и составлении «Орфографического словаря калмыцкого языка» («Хальмг келнэ чикэр бичлһнэ зокал болн толь» 1999, 2000 г.).

Будучи зав. лабораторией ИНПО (Институт национальных проблем образования МО РФ), Н.Н. Убушаев стоял у истоков возрождения национальных классов в общеобразовательных школах республики, национальных групп в детских садах. В этой связи стали активно разрабатываться новые программы, учебники, методические пособия по калмыцкому языку и литературе для школ и дошкольных образовательных учреждений. Он является автором (соавтором) ряда программ, учебников калмыцкого языка.

Необходимо отметить, что диалектология всегда была в центре внимания ученого как магистральное направление научно-исследовательской деятельности. Впервые торгутский говор монографически описан Н.Н. Убушаевым в его работе «Фонетика торгутского говора калмыцкого языка» (1979 г.). В данном исследовании показаны фонетическое и лексическое своеобразие говора, устойчивость языковых особенностей. Автором сделан критический анализ разнообразных взглядов монголистов на диалектные особенности калмыцкого языка.

Впервые на эту проблему обратил внимание А. Бобровников, отметив, что «отличия в словах и словоупотреблении можно заметить даже между улусами калмыцкими». Этот важный научный вывод поддержал впоследствии П. Небольсин. В историю изучения калмыцкого языка внес свой посильный вклад также Н. Очиров, который на небольшом, конкретном материале показал наличие в калмыцком языке двух основных говоров — торгутского и дербетского, выявил некоторые аспекты фонетического и частично лексического сходства. Н.Н. Убушаев подвергает обстоятельному анализу исследования В. Котвича, вполне обоснованно полагает, что «Опыт грамматики...» за-

нимает особое место и является крупной вехой в развитии калмыцкой диалектологии. Исследователь правомерно считает, что калмыцкая диалектология началась с В. Котвича, сумевшего выявить не только диалектные особенности говоров, но и подробно описать то общее, что их сближает. Автор обращает внимание на работу Б.Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия», полностью разделяет точку зрения автора монографии на классификацию монгольских наречий и говоров. Вызывает сомнение, как считает Н. Н. Убушаев, достоверность утверждения некоторых калмыцких диалектологов о близости языка киргизских калмыков к языку донских калмыков.

Принципиально важно и то, что Н.Н. Убушаев, вполне соглашаясь с некоторыми положениями работы Д.А. Павлова «Современный калмыцкий язык», не разделяет его мнения о том, что уральские, оренбургские, донские калмыки, некогда проживавшие по Куме и Тереку, перекочевали в Калмыкию в двадцатых годах нашего времени. Н.Н. Убушаев справедливо считает преждевременным отрицать существование говора, в частности, донских калмыков, представители которого расселены в основном на территории Городовиковского района и в известной степени не утратили своей компактности.

При определении отдельных фонем и фонематической системы в целом автор придерживается широко распространенного взгляда на фонему как на звук человеческой речи, который отличается от других звуков данного языка своими артикуляционно-акустическими свойствами и, противопоставляясь в данном языке всем другим, может использоваться в смыслообразовательных целях.

Н.Н. Убушаев подробно останавливается на образовании долгих гласных, в диахроническом плане рассматривает комплексы «гласный-согласный-гласный», которые в результате выпадения интервокального согласного дали долгие гласные. Аргументирован и обоснован вывод о характере взаимодействия

между такими языковыми явлениями, как выпадение интервокального согласного и образование долгого гласного (причинно-следственная связь). Для подтверждения своей научной точки зрения он привлекает работы Г.А. Бариновой, пролившие свет на причины редукции и выпадения интервокального согласного и последующего образования долгих гласных, т. е. процесс образования долгих гласных из комплекса ГСГ начинался именно с редукции интервокального согласного и удлинения второго гласного комплекса. Это положение подтверждается автором многочисленными примерами из литературных данных о монгольском письменном языке.

Довольно большое место в работе уделено неясным (редуцированным) гласным. В целом соглашаясь со своими предшественниками по данному вопросу, автор признает позиционную неустойчивость неясных гласных, разную степень их проявления и т. д. Таким образом, рассматриваются диалектные слова, сыгравшие определенную роль в пополнении лексики литературного языка.

Значительным вкладом в калмыцкое языкознание является монографический труд Н.Н. Убушаева «Диалектная система калмыцкого языка» (2006). В исследовании привлечен богатый материал, собранный им в фольклорно-диалектологических экспедициях, который способствует восприятию целостной картины диалектной системы калмыцкого языка, территориально изолированного от других монгольских языков. В работе показано формирование и функционирование диалектов, дается сравнительно-историческое описание фонетических и морфологических особенностей.

Работа Н.Н. Убушаева дает достаточно целостное и объемное представление о диалектной системе калмыцкого языка, отдельные вопросы которой рассматривались в исследованиях Н. Очирова, Д. А. Павлова, А. Ш. Кичикова и др. В данной монографии раскрывается своеобразие фонетических, морфологических и лексических черт торгутского, дербетского,

бузавского говоров и ряда подговоров некогда географически изолированных от основного этнического массива. По этой проблематике в различных научных изданиях им опубликованы интересные и содержательные статьи, получившие в целом положительный отзыв.

Н.Н. Убушаев является одним из ведущих специалистов не только в области диалектологии, как было отмечено выше, но и лексикографии, морфологии, этнографии. Он внес заметный вклад в разработку таких сложных вопросов, как образование долгих гласных, ударение, происхождение неясных гласных. Большое внимание в своих работах исследователь уделяет вопросу о долгих гласных. Как подчеркивает автор, по данному вопросу нет единого мнения. Н.Н. Убушаев сумел по-иному взглянуть на природу долгих гласных и, опираясь на факты старокалмыцкой письменности и современного калмыцкого языка, показал, что образование долгих гласных — это результат, в одних случаях, выпадения интервокального согласного, в других — перемены позиции этого согласного с одним из соседних гласных, между которыми он находился (метатеза).

В отдельной главе рассматривается значение и происхождение некоторых этнонимов (хошуд, бузавы и др.), сыгравших важную роль в формировании и становлении калмыцкой нации и её литературного языка. Этимология отдельных этнонимов разъясняется (истолковывается) реконструкцией первичных форм с использованием междисциплинарных связей и комплексных методов исследования.

Под влиянием литературного языка и ряда экстралингвистических факторов произошло заметное размывание границ говоров и подговоров. Опираясь на различные источники и полевые материалы, собранные автором в 60–90-е гг. прошлого столетия, он наглядно показал, что различие между торгутским, дербетским и бузавским говорами незначительно, за исключением частных случаев на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях, которые не влияют на статус литератур-

ного языка, являющегося продуктом консолидации торгутского и дербетского говоров.

И наконец, как мне представляется, на данном этапе стирание диалектных границ стало настолько очевидным фактом, что говорить о существовании подговоров не приходится, а утрата территориальной замкнутости привела к их смешению в языке. Внутренние миграционные процессы (не говоря о тех калмыках, которые покинули республику) ускорили процесс смешения этнических групп на данной территории. Об этом красноречиво свидетельствуют рост численности населения г. Элисты и прилегающих к ней населенных пунктов (Троицкое, Аршань, Солнечное), названия улиц нашей столицы: Кетченеровская, Лаганская, Ойратская и т.д. В реальности происходит консолидация этнических групп.

Заметное место в научной деятельности Н.Н. Убушаева занимает редактирование словарей, монографий, художественных произведений, научно-популярных изданий на калмыцком языке.

Н.Н. Убушаев неоднократно выступал на региональных и международных конференциях и форумах. Он имеет более 80 публикаций, в том числе 2 монографии.

Много лет он отдал подготовке в составе авторского коллектива составлению «Калмыцко-русского словаря». Н.Н. Убушаев проводит большую общественную работу, принимает активное участие в пропаганде калмыцкого языка, выступает на страницах республиканских газет, участвует в теле- и радиопередачах.

За заслуги в научно-педагогической деятельности и многолетний плодотворный труд Н.Н. Убушаев награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения РСФСР», медалью «Ветеран труда», удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РК».

Н. Н. Убушаев находится в расцвете своей творческой деятельности. Пожелаем ему доброго здоровья и успехов в научных поисках!

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии, отдельные главы в научных изданиях

Убушаев Н. Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка / под ред. М. У. Монраева; КНИИИФЭ. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. – 196 с.

Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева; КИГИ РАН. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2006. – 255 с.

Убушаев Н. Н. Имя числительное // Грамматика калмыцкого языка. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – С. 149–160.

Убушаев Н. Н. Местоимение // Грамматика калмыцкого языка. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – С. 161–175.

Убушаев Н., Горяев А. Вместо предисловия // Кердата и кердашины. – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 4–5.

Авторефераты

Убушаев Н. Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т востоковедения. – М., 1974. – 19 с.

Убушаев Н. Н. Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 56 с.

Словари

Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка / сост. Б. Д. Муниев, Д. А. Павлов, Н. Н. Убушаев и др. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. – 87 с.

Халимыг кэлнэ чикэр бичилхэнэ зокал болын толи (Орфографические правила и орфографический словарь калмыцкого языка) / отв. ред. Омакаева Э. У.; предисл. и пер. Омакаева Э. У.; вступ. ст. Монраев М. У., Омакаева Э. У., Убушаев Н. Н., Намжавин С.; сост. Омакаева Э. У., Гедеева Д. Б., Мушаев В. Н., Убушаев Н. Н., Намжавин С. – Элиста, 2000. – 480 с.

Калмыцко-русский словарь спортивных терминов / сост. Н.Н. Убушаев, Н.У. Замбаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996.

Хальмг-орс толь. – М.: Русский язык. 1977. – С. 354–391; 526–558. (Слова на буквы «Н», «У», «Ү»).

Школьный тематический словарь калмыцкого языка. – Элиста, 1996.

Учебно-методические издания

- Калмыцкий язык. 3 кл. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. – 104 с.
Калмыцкий язык. 3 кл. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. – 104 с.
Калмыцкий язык. 3 кл. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. – 142 с.
Калмыцкий язык. 3 кл. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977.
Калмыцкий язык. 3 кл. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980.
Калмыцкий язык. 4 кл. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. – 154 с.
Калмыцкий язык. 3 кл. национальной школы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 157 с.

Научные статьи

1963

Убушаев Н. Н. К истории развития орфографии ойратско-калмыцкой письменности // Конференция аспирантов и молодых научных работников: тез. докл., г. Москва, 20-24 мая 1963 г. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – С. 80–81.

1967

Убушаев Н. Н. К истории орфографии гласных калмыцкого языка // Вестник института. Вып. 2. Ч. 2. Сер. филологии, философии, экономики и культуры. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. – С. 84–92.

1969

Убушаев Н. Н. Икидохуровский говор торгутского диалекта // Ученые записки. Вып. 7. Сер. филолог. – Элиста, 1969. – С. 234–238.

Убушаев Н. Н. О некоторых особенностях торгутского диалекта (по материалам экспедиции в Юстинском районе) // Ученые записки. Вып. 7. Сер. филолог. – Элиста, 1969. – С. 230–233.

Убушаев Н. Н. О языке периодической печати // Некоторые вопросы калмыцкого языкознания: мат-лы Ученого Совета КНИИЯЛИ. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. – С. 31–37.

Убушаев Н. Н. Торгутский диалект и его отношение к калмыцкому литературному языку // Ученые записки. Вып. 7. Сер. филолог. – Элиста, 1969. – С. 186–198.

Убушаев Н. Н. Экспедиция за сказками // В краю легенд и сказок. – Элиста: Калмиздат, 1969. – С. 74–89.

1970

Убушаев Н. Н. Деловые бумаги на старокалмыцкой письменности как источник изучения истории калмыцкого языка // 320 лет старокалмыцкой письменности: мат-лы науч. сессии. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. – С. 114–129.

Убушаев Н. Н. Некоторые особенности цаатанского подговора // 320 лет старокалмыцкой письменности: мат-лы науч. сессии. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. – С. 167–177.

1972

Убушаев Н. Н. Некоторые диалектные особенности эпоса «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: тезисы докладов. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. – С. 167–177.

1973

Убушаев Н. Н. Две работы Церен-Дорджи Номинханова по старокалмыцкой письменности // Филологические вести. Вып. 4. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. – С. 43–48.

Убушаев Н. Н. О возникновении долгих гласных в монгольских языках // Лингвогеография, диалектология и история языка. – Кишинев, 1973. – С. 232–238.

Убушаев Н. Н. О причинах геминации в калмыцком языке // Материалы III региональной конф. по диалектологии тюркских языков. – Алма-Ата, 1973.

1976

Бардаев Э. Ч., Монраев М. У, Убушаев Н. Н. К вопросу об усовершенствовании калмыцкой орфографии // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. – С. 156–164.

Убушаев Н. Н. Указательные местоимения в современном калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. – С. 43–51.

1977

Убушаев Н. Н. Редуцированные гласные в говорах калмыцкого языка // Мат-лы совещания по диалектологии и истории языка: тезисы. – Нальчик, 1977.

1981

Убушаев Н. Н. О слове «эбе» // Исследования по лексике калмыцкого языка. – Элиста: КНИИИФЭ, 1981. – С. 122–123.

Убушаев Н. Н. «Цаган сар» // Исследования по лексике калмыцкого языка. – Элиста: КНИИИФЭ, 1981. – С. 107–109.

1989

Убушаев Н. Н. Происхождение этнонима «ойрат» // Владимирцовские чтения. II Всесоюзная конф. монголоведов: тез. докл. и сообщ. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989. – С. 58–59.

1990

Убушаев Н. Н. «Джангар» – памятник народной педагогики // «Джангар» и проблемы эпического творчества: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., г. Элиста, 22–24 авг. 1990 г. – Элиста, 1990. – С. 181.

1995

Убушаев Н. Н. Концепция возрождения и развития национальной системы образования калмыцкой АССР // Возрождение народов Российской Федерации и формирование национальной системы образования: информационный бюллетень. Вып. 3. – М., 1995.

1997

Убушаев Н. Н. Происхождение этнонима «калмык» // VII Международный конгресс монголоведов: доклады российской делегации. – Тбилиси: Ин-т языкознания им. А. Чикобава, 1997. – С. 163–164.

1999

Убушаев Н. Н. Старокалмыцкая письменность и калмыцкая диалектология // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Междунар. симпозиума. Ч. 1. Язык и литература. – Элиста: КИГИ, 1999. – С. 55–56.

2001

Убушаев Н. Н. Происхождение этнонимов «калмык» и «хальмг» // Проблемы современного калмыковедения: сб. науч. трудов. – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 77–83.

Убушаев Н. Н. Торгуты – этнос, этноним, этимология // Проблемы современного калмыковедения: сб. науч. трудов. – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 181–188.

Убушаев Н. Н. Этимология имени Чингис // Проблемы современного калмыковедения: сб. науч. трудов. – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 48–51.

2002

Убушаев Н. Н. Происхождение этнонимов «калмык» и «хальмг» // VIII Междунар. конгресс монголоведов, г. Улан-Батор, 5–12 авг. 2002 г. – М., 2002. – С. 282–286.

2003

Убушаев Н. Н. Долгие согласные в тюрко-монгольских языках // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 2. – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – С. 109–114.

2004

Убушаев Н. Н. О некоторых вопросах калмыцкого языкознания // XXXVII Междунар. конгресс монголоведов, г. Москва, 16–22 авг. 2004 г. – М., 2004. – С. 118–119.

2005

Убушаев Н. Н. Об одном фонетическом законе калмыцкого языка // Трофим Алексеевич Бертагаев (к 100-летию со дня рождения): сб. науч. статей. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2005. – С. 153–160.

Убушаев Н. Н. Следы хуннуско-монгольских языковых связей // Исследователь монгольских языков (к юбилею Б. Х. Тодаевой). – Элиста: АПП «Джангар», 2005. – С. 208–211.

Убушаев Н. Н. Человек века // Профессор Бата Бадмаев. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 205. – С. 112–114.

2006

Убушаев Н. Н. Категории множественности в калмыцких говорах // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 20. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. – С. 5–12.

Харчевникова Р. П., Убушаев Н. Н. Местоимения в современном калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 2. – Элиста, 2006. – С. 152–180.

Убушаев Н. Н. Долгие согласные в тюрко-монгольских языках // Вестник Бурятского университета. Сер. востоковедение. – 2006. – Вып. 2. – С. 183–188.

Убушаев Н. Н. К вопросу этногенеза хойтов // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3 (спецвыпуск). – С. 17–21.

Убушаев Н. Н. Об одном фонетическом законе калмыцкого языка и его говоров // Вестник Бурятского университета. Сер. востоковедение. – 2006. – Вып. 3. – С. 207–215.

2007

Убушаев Н. Н. «Калмык» ба «халмг» нэрийн тухайд // Bibliotheca Oiratica-V. – Улаанбаатар, 2007. – С. 58–64.

Убушаев Н. Н. Категория рода в калмыцких говорах // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 4. – Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2007. – С. 58–61.

Убушаев Н. Н. Некоторые практические аспекты реформы орфографии калмыцкого языка // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Элиста, 30–31 окт. 2007 г. – Элиста: Изд-во КГУ, 2007. – С. 106–107.

Убушаев Н. Н. Т. О. Бембеев – писатель, ученый, педагог // Сын Каспия: о жизни и творчестве народного писателя Калмыкии Т.О. Бембеева. – Элиста: АПП «Джангар», 2007. – С. 134–139.

2008

Убушаев Н. Н. К проблеме этногенеза хойтов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. статей. Вып. 2. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008. – С. 102–106.

Убушаев Н. Н. О «тохан кэсег» и других этнонимах // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. статей. Вып. 2. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008. – С. 107–109.

Убушаев Н. Н. О Тугмюд-гавджи // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – С. 163–166.

Убушаев Н. Н. Долгие гласные в монгольских языках // Известия Волгоградского гос. пед.ун-та. Сер. филологич. науки. – 2008. – № 10(34). – С. 134–138.

Убушаев Н. Н. Некоторые сведения о системе нотной записи у калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2008. – № 3. – С. 66–67.

Убушаев Н. Н. Особенности языка каракольских калмыков // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 4. – Ч. 2. – С. 43–47.

Убушаев Н. Н. Некоторые месопотамские и монгольские лексические соответствия // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России: мат-лы Общерос. науч. конф., г. Элиста, 19–20 нояб. 2007 г. – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – С. 271–276.

2009

Убушаев Н. Н. Дифференциальные признаки направительного падежа в говорах калмыцкого языка // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Элиста, 13–18 сент. 2009 г.: в 2 ч. Ч. 2. – Элиста: ЗАОр «АПП «Джангар», 2009. – С. 301–304.

Убушаев Н. Н. Система притяжания в говорах калмыцкого языка // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: мат-лы Междунар. науч. конф., г. Элиста, 11–13 ноября 2009 г. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. – С. 197–199.

2010

Убушаев Н. Н. Истинный калмык // Бакши монгольской филологии. Профессор Г. Ц. Пюрбеев / КГУ, КИГИ РАН. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2010. – С. 86–87.

Убушаев Н. Н. К вопросу о семантике монгольских и калмыцких боевых знамен // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2010. – № 1. – С. 55–59.

Убушаев Н. Н. Этимология названия донских калмыков (бузавы) и особенности их говора // Научная мысль Кавказа. – 2010. – №4 (64). – Ч. 2. – С. 163–164.

Убушаев Н. Н. Категория дробных числительных в калмыцком языке // Научная мысль Кавказа. – 2010. – №4 (64). – С. 161–165.

2011

Убушаев Н. Н. Свет, зажженный Учителем, будет в наших сердцах всегда // Один из патриархов калмыковедения: к 100-летию У. У. Очирова. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. – С. 305–307.

2012

Убушаев Н. Н. Страна Бумба и ее главные герои // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: мат-лы регион. науч.-практ. конф., г. Элиста, 29 нояб. 2012 г. – Элиста: КИГИ РАН, 2012. – С. 138–142.

2013

Убушаев Н. Н. Багуты: этнос, этногенез, этимология // Монголоведение: сб. ст. вып. 6. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – С. 196–205.

2015

Убушаев Н. Н. История изучения диалектной системы калмыцкого языка // Российско-монгольский лингвистический сборник. – М., 2015. – С. 538–544.

Редакционная работа

Бадмин Б. Хаврин айс: дуд, шүлгүд, поэм / ред. Н. Н. Убушаев. – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 224 с.

Бадмаев Б. Г. Хунын дун: стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 1997.

Бадма-Халгаев Л. Ц-М. Хозяйство России на рубеже веков. – Элиста: АПП «Джангар», 2015. – 495 с.

Боктаев Б. В. За советскую власть: стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 2003.

Дорджиев Л. Т. Төрскн теегин тачал: стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 2003.

Доржин Л. Дээнэ болн төвкнүн цаг / ред. Г. Г. Тюмидова, Н. Н. Убушаев. – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – 368 с.

Кичиков М. Л. Образование калмыцкого ханства / под ред. А. Н. Команджаева и Н. Н. Убушаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 123 с.

Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика) / отв. ред. Н. Н. Убушаев. – Элиста: АПП «Джангар», 1998. – 191 с.

Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка / общ. ред. и примеч. Т. А. Бертагаева, Н. Н. Убушаева; КНИИЯЛИ. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975. – 327 с.

Номинханов Ц.-Д. Очерк истории калмыцкой письменности / ред. Н. Н. Убушаев; КНИИЯЛИ. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1976. – 140 с.

Исследования по лексике калмыцкого языка / ред. Э. Ч. Бардаев, Н. Н. Убушаев. – Элиста: КНИИИФЭ, 1981. – 141 с.

Манджикова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка: пособие для учащихся / отв. ред. Н. Н. Убушаев; КИГИ РАН. – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 171 с.

Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка / отв. ред. Н. Н. Убушаев; КИГИ РАН. – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 207 с.

Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 764 с.

Дарваев П. А. Краткое введение в сравнительную монголистику. – Элиста: КалмГУ, 1988. – 87 с.

Корсункиев Ц. К. Калмыцко-русский, русско-калмыцкий терминологический словарь. Медицина. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – 181 с.

Очир-Гаряев В. Э. Калмыцко-русский, русско-калмыцкий терминологический словарь. Рыбное хозяйство / отв. ред. Н. Н. Убушаев. – Элиста: АПП «Джангар», 1995. – 64 с.

Научное консультирование

Сокровенное сказание монголов: анонимная монгольская хроника 1240 г. / сост., вступ. ст., примеч., пер. на калм. и рус. яз. П. А. Дарваева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 280 с.

Статьи в СМИ

Убушаев Н. Н. Актуальные проблемы современной калмыцкой письменности // Хальмг үнн. – 1976. – 12 февр.

Убушаев Н. Н. Ээжин келнэс Төрскн эклнэ // Хальмг үнн. – 1986. – 16 апр.

Убушаев Н. Н. Концепция возрождения и развития национальной системы образования // Хальмг үнн. – 1991.

Убушаев Н. Н. Калмыцкий язык. Интенсивный курс // Хальмг үнн. – 1991.

Убушаев Н. Н. Происхождение этнонима «ойрат» // Теегин герл. – 1994. – № 3. – С. 107–110.

Убушаев Н. Н. А. Ш. Кичиков и современная калмыцкая диалектология // Утро Калмыкии. – 2001.

Убушаев Н. Н. Почему «ойрат»? // Изв. Калмыкии. – 1999. – 28 янв.

Убушаев Н. Н. Родоплеменная атрибутика калмыков // Теегин герл. – 2005. – № 3. – С. 99–102.

Убушаев Н. Н. Об одном возгласе // Теегин герл. – 2005. – № 8. – С. 122–124.

Убушаев Н. Н. Я род свой славный представить рад // Изв. Калмыкии. – 2004. – 4 марта.

Убушаев Н. Н. «Нооста ноцхн» и «глокая куздра» // Хальмг үнн. – 2012. – 31 июля. – С. 4.

Убушаев Н. Н. Талантливый исследователь калмыцкого языка [О М. У. Монраеве] // Хальмг үнн. – 2010. – 1 марта.

Убушаев Н. Н. Когда запреты сняты // Хальмг үнн. – 2014. – 21 янв.

Убушаев Н. Н. Физкультура на калмыцком // Хальмг үнн. – 2014. – 31 июля.

Убушаев Н. Н. Вода так нужна Калмыкии // Хальмг үнн. – 2014. – 18 сент.

Убушаев Н. Н. Ах, вы, сани, мои сани // Хальмг үнн. – 2014. – 1 февр.

Убушаев Н. Н. Дорогу осилит идущий. 575 лет эпосу «Джангар» // Хальмг үнн. – 2016. – 13 янв.

Убушаев Н. Н. Надо многое взять из национальной школы // Хальмг үнн. – 2014.

Убушаев Н. Н. Родной язык – язык от природы, от бога // Хальмг үнн. – 2014. – 11 сент.

Убушаев Н. Н. Багуты // Изв. Калмыкии. – 2013. – 10 июля.

Программы

Учебная программа «Калмыцкий язык» в ДОУ. Младшая группа.
– Элиста: Мин-во просвещения КАССР, Ин-т усовершенствования учителей, 1985.

Учебная программа «Калмыцкий язык» в ДОУ. Младшая группа.
– Элиста: Мин-во просвещения КАССР, Ин-т усовершенствования учителей, 1989.

Учебная программа «Калмыцкий язык» в ДОУ. Старшая группа.
– Элиста: Мин-во просвещения КАССР, Ин-т усовершенствования учителей, 1985.

Учебная программа «Калмыцкий язык» в ДОУ. Старшая группа.
– Элиста: Мин-во просвещения КАССР, Ин-т усовершенствования учителей, 1989.

Статьи о Н. Н. Убушаеве

Убушаев Н. Н.: ученый, лингвист и педагог. Библиографический указатель трудов (к 70-летию со дня рождения). – Элиста: КИГИ РАН, 2006. – 19 с.

Монраев М. У. Убушаев Николай Надбитович – ученый-лингвист // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2008. – № 1. – С. 173–175.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

В годы ссылки в Сибири

Среди учащихся сибирской школы

*Студенты калмыцкого отделения Ставропольского
государственного пединститута*

В годы студенчества

Аспирант Института народов Азии АН СССР

В общежитии Института народов Азии АН СССР

С академиком Б. Ринченом

В отделе языкознания института

На конференции

С коллегами-филологами

*Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия,
Отличник народного просвещения, член Союза журналистов,
доктор филологических наук Н. Н. Убушаев*

Научное издание

Убушаев Николай Надбитович

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Подписано в печать 09.06.2016.

Формат 60x90/16. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 11,5. Тираж 100 экз. Заказ 05-16.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Калмыцкий институт гуманитарных исследований

Российской академии наук

358000 г. Элиста, ул. им. Илишкина, 8